DK
30
Л69

9/584)

Д. Н. Логофетъ.

91.9.1
Л69

НА ГРАНИЦАХЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ПОЛУЧЕНО
Библиотека

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

ВЪ 3-ХЪ КНИГАХЪ

КНИГА I

Проверено 1937 г.

ПЕРСИДСКАЯ ГРАНИЦА

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЛУЧЕНО

Издалъ В. Березовскій
КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.
1909

2 экз

2306
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
576302

„Русская Скоропечатня“ Спб., Екатерининск. кан. 94.

I.

Побережье Каспійскаго моря и Острова.

Нестерпимымъ блескомъ, разсыпая свои жгучіе лучи, искрится южное солнце, отражаясь въ неподвижной, какъ будто мертвой, поверхности Каспійскаго моря. По берегу его, длинной грядой красновато-желтаго цвѣта тянутся каменные массивы горныхъ хребтовъ, уходящіе въ глубь Средней Азіи. Необозримыя равнины, сожженныя солнцемъ, порою видны сквозь горныя ущелья.

Въ полукруглой, почти подковообразной формы долинѣ, окруженной высокими горами, лишенными, совершенно растительности, раскинулся на самомъ берегу Каспійскаго моря городъ Красноводскъ. Разбросанные на пространствѣ небольшой долины, виднѣются ряды домовъ, среди которыхъ выдѣляется своей своеобразной архитектурой вокзалъ среднеазіатской желѣзной дороги. Строго выдержанный мавританскій стиль громаднаго зданія какъ нельзя больше гармонируетъ съ окружающею природою и восточнаго покроя костюмами мѣстныхъ жителей,

а напротивъ вокзала среди широкой площади одиноко стоитъ православная церковь, золотой крестъ который, сіяя на солнцѣ, какъ будто осѣняетъ своими лучами весь городъ. Непрерывная, кипучая дѣятельность замѣтна въ части города, прилегающей къ рельсамъ желѣзной дороги, соединеннымъ съ пристанями пароходныхъ обществъ. Постоянное движеніе дежурныхъ паровозовъ, передвигающихъ вагоны, приходъ и отходъ поѣздовъ съ ихъ неизбѣжною сутолокою, разгрузка и нагрузка вагоновъ, сотни рабочихъ, снующихъ въ этой сторонѣ, наглядно указываютъ на значеніе средне-азіатской дороги для Туркестанскаго края, какъ главной и пока единственной жизненной артеріи Закаспійской области.

Противоположная сторона города кажется вымершею. Жгучіе лучи южнаго солнца и каменистый грунтъ при полномъ отсутствіи воды не даютъ возможности развести какую-либо растительность, и небольшой клочекъ земли, занятый городскимъ скверомъ съ чахлыми, какъ будто умирающими, растеніями, составляетъ единственное зеленое пятно, оживляющее мрачную и пыльную картину.

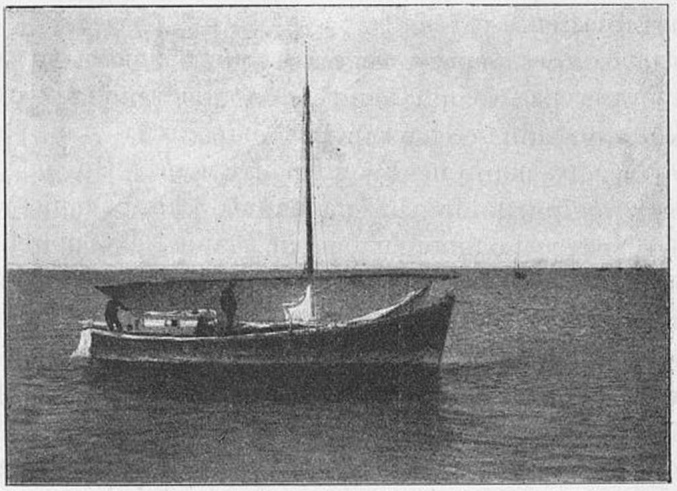
„Вы не повѣрите, какъ трудно было развести и этотъ скверъ, жаловался обыватель. Землю привозили изъ Петровска—здѣсь кромѣ камня ничего нѣтъ... Ну а затѣмъ съ поливкой просто бѣда... Воды мало... Хорошо, что построили кромѣ желѣзнодорожнаго еще одинъ опрѣснитель, но все-же ведро воды у насъ не дешевле копѣйки“... Длинными, унылыми рядами тянутся казармы мѣстнаго резервнаго баталіона, около которыхъ густыя облака пыли,

поднимаемыя снующими верблюдами и рабочими, подвозящими строительные матеріалы, кажутся еще гуще. Въ остальной-же части города жизнь лишь видна въ часы прихода пароходовъ, замирая затѣмъ снова до прихода или отхода слѣдующаго.

Остатки крѣпостныхъ стѣнъ и башня напоминаютъ лишь собою о старомъ Красноводскомъ укрѣпленіи, построенномъ въ 1869 году полковникомъ Столѣтовымъ.

На самомъ берегу залива въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи виднѣются пристани пароходныхъ компаній, содержащихъ пароходы для рейсовъ между портами Каспійскаго моря. На рейдѣ стоятъ шкуны, бриги, пароходы, занимающіе все пространство водяной площади залива. Въ портѣ и заливѣ замѣтно то же оживленіе, какъ и около желѣзной дороги; пароходы постоянно приходятъ и отходятъ, бороздя зеркальную поверхность моря и поднимая на ней мелкую зыбь. Въ ожиданіи вѣтра уныло стоятъ парусныя суда, капитаны которыхъ съ завистью посматриваютъ на движеніе пароходовъ. На палубахъ шкунъ не видно никакого признака жизни, все кажется какъ будто заснувшимъ; ихъ экипажи отдыхаютъ, собираясь съ силами для предстоящаго плаванія. Подъ вечеръ около 8-ми часовъ мелкая зыбь появляется на ровной поверхности залива, дѣлаясь все больше и больше—это вѣтеръ, вырвавшійся изъ горнаго ущелья на просторъ Каспійскаго моря. Одно за другимъ поднимаютъ свои якоря парусныя суда, и скоро весь горизонтъ залива покрывается ими. Будто какія-то гигантскія

птицы вырисовываются они на водяной поверхности и легко, разсѣкая волны, подгоняемыя попутнымъ вѣтромъ, постепенно уменьшаясь, исчезаютъ гдѣ-то далеко на самомъ краю горизонта. Ночью заливъ покрывается массой огней, горящихъ на судахъ. Для каждаго мало знакомаго съ жизнью порта эти картины кажутся вначалѣ особенно своеобразными,

Ботъ пограничной стражи „Адріанъ".

но потомъ, какъ и все, онѣ начинаютъ утомлять своею однохарактерностью и надоѣдать...

Пріѣхавъ въ Красноводскъ по службѣ и проживъ въ немъ болѣе недѣли, мы скоро приглядѣлись къ этимъ картинамъ и поэтому съ особеннымъ удовольствіемъ приняли извѣстіе, что наконецъ мы двигаемся далѣе на Петровскую косу и островъ Челекенъ и совершимъ эту поѣздку на трех-

мачтовомъ шлюпѣ „Андріанъ“, принадлежавшемъ Закаспійской бригадѣ пограничной стражи.

Наскоро собравъ свой багажъ, мы выѣхали изъ города по направленію къ морю, гдѣ около пристани стоялъ готовый къ выходу парусный трехмачтовый шлюпъ. Отваливъ отъ берега и ловко поставивъ паруса, шлюпъ быстро понесся по волнамъ Красноводскаго залива. Умѣлое управленіе парусами и отчетливая ихъ постановка, выполняемая экипажемъ шлюпа, состоявшимъ изъ нижнихъ чиновъ стражи, заслуживали полнаго одобренія. Попутный вѣтеръ надувалъ паруса, и шлюпъ шелъ недурно. Щегольская его окраска и совершенно новое съ иголочки вооруженіе заставляли встрѣчныя суда невольно болѣе внимательно всматриваться въ него, а развѣвавшійся на концѣ рея флагъ пограничной стражи съ большимъ двуглавнымъ орломъ по срединѣ, указывавшій на офиціальное положеніе судна, понуждалъ ихъ командировъ еще изъ далека давать шлюпу дорогу. Быстро промелькнули передъ нашими глазами зданіе новаго опрѣснителя и новые домики обывателей, построенные по берегу моря. Красноводскъ остался позади... Расположившись на палубѣ около кормы, я съ особымъ интересомъ началъ всматриваться въ открывавшуюся передо мною картину. Горный хребетъ, постепенно понижаясь, перешелъ въ равнину, растилавшуюся далеко до самаго конца горизонта. Желтый фонъ песчанаго берега производилъ угнетающее впечатлѣніе своимъ унылымъ однообразіемъ; лишь порою на берегу вырисовывались группы юртъ, одиноко стоявшихъ на песчаной рав-

нинѣ и принадлежавшихъ туркменскимъ рабочимъ ватагамъ.

Темнота между тѣмъ мало-по-малу уже наступала, и берега начали исчезать въ туманной мглѣ. Сосредоточенно всматриваясь впередъ и держа въ рукѣ рукоятку румпеля, какъ будто статуя, виднѣлась на кормѣ у руля темная фигура рулеваго. На носу въ той-же позѣ хладнокровно-спокойнаго вниманія вырисовывалась фигура вахтеннаго. Вѣтеръ измѣнился и подулъ встрѣчный, заставившій шлюпъ лавировать и постоянно переносить паруса. Къ полуночи, впереди, вначалѣ тихо, а затѣмъ все громче и громче, послышался глухой шумъ прибоя. Волны моря разбивались о скалы наружной стороны Петровской косы, взбѣгая далеко на берегъ, но тотчасъ же отходя назадъ и сталкиваясь съ встрѣчными, образовывали буруны, глухой шумъ которыхъ разносился по окрестностямъ. Темная полоса Петровской косы, наконецъ, показалась явственно передъ нами, но, лишь пройдя почти цѣлый часъ вдоль берега, шлюпъ остановился и бросилъ якорь. На берегу виднѣлись неясные силуэты рыбацкаго поселка, а въ самой бухтѣ чернѣли корпуса рыбачьихъ шкунъ, стоявшихъ на якоряхъ.

Петровская коса врѣзывается въ море узкою полосою семидесяти почти верстъ длины, при ширинѣ отъ одной до двухъ верстъ. Сравнительное мелководье этой части Красноводскаго залива привлекаетъ сюда громадное количество рыбы, вслѣдствіе чего на Петровской косѣ уже лѣтъ почти тридцать тому назадъ образовались рыбачьи поселки. Ловъ красной

и чистяковой рыбы продолжается почти круглый годъ и прекращается лишь въ теченіи нѣсколькихъ недѣль зимою, а также и во время штормовъ, довольно часто поднимающихся на Каспійскомъ морѣ. Рыболовный промыселъ идетъ въ этихъ мѣстахъ въ общемъ недурно, и количество вылавливаемой рыбы можетъ быть оцѣнено въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Засолъ рыбы производится тутъ же на мѣстѣ, а затѣмъ соленая рыба отправляется въ Астрахань и далѣе вверхъ по Волгѣ. Отличительная особенность здѣшней соленой рыбы и ея главнѣйшій недостатокъ состоитъ въ нѣкоторомъ горьковатомъ привкусѣ, что объясняется употребленіемъ для засола мѣстной челекенской соли, дурно очищаемой отъ различныхъ примѣсей другихъ солей, и значительнаго количества находящейся въ ея составѣ глауберовой соли. Жаркій климатъ этой части Каспійскаго моря мѣшаетъ приготовленію рыбы въ прокъ, хотя въ настоящее время одна изъ рыбопромышленныхъ фирмъ устроила въ Красноводскѣ ледодѣлательный заводъ, благодаря чему засолъ рыбы и приготовленіе балыковъ идетъ очень успѣшно. Для наблюденія за рыболовствомъ на восточномъ побережьи, въ г. Красноводскѣ живетъ особый смотритель рыбныхъ промысловъ, состоящій на службѣ по министерству земледѣлія. Ловля рыбы производится здѣсь сѣтями и крючками на особой снасти.

„Очень въ послѣдніе годы ловъ плохъ сталъ,—жаловался намъ старшина рыбачьяго поселка,—прежде куда больше рыбы ловилось, а только по какой-то

причинѣ меньше теперь ловимъ. Надо думать, ушла рыба отъ нашего берега въ другое мѣсто"...

Высказанное мнѣніе, кажется, отчасти имѣетъ основаніе, но причины перекочевки рыбы объяснить трудно, вѣрнѣе всего предположеніе, что вслѣдствіе увеличившейся глубины въ этихъ мѣстахъ рыба ушла въ болѣе мелководный Гасанъ-Кулинскій заливъ, находящійся верстахъ въ трехстахъ южнѣе Красноводска.

Тутъ-же съ края поселка расположенъ кордонъ пограничной стражи, рѣзко выдѣляясь своею архитектурою среди рыбачьихъ домовъ и юртъ. Большой деревянный оштукатуренный снаружи домъ вполнѣ показываетъ то заботливое отношеніе, которое видно во всемъ къ этимъ заброшеннымъ на далекую окраину труженикамъ. Тяжелая ихъ служба невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе каждаго, кто только имѣлъ случай съ нею познакомиться.

Въ концѣ Петровской косы одиноко стоитъ небольшой памятникъ, поставленный здѣсь на память о неудачномъ походѣ въ 1717 году Князя Бековича Черкасскаго, высадившагося со своимъ отрядомъ въ этомъ мѣстѣ. Геній Великаго Петра два съ половиной вѣка тому назадъ послалъ горсть русскихъ людей развѣдать о земляхъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи достояніемъ Русскаго Государства.

Черезъ нѣсколько часовъ шлюпъ нашъ, поставивъ всѣ паруса, несся уже по проливу, направляясь къ острову Челекену, неясныя очертанія котораго выступали изъ мрака ночи.

Вѣтеръ, незначительный съ вечера, подулъ со

страшною силою, поднимая сильную зыбь. То ныряя въ пучину, то поднимаясь на высокіе гребни волнъ, быстро шелъ нашъ шлюпъ, направляясь на огни красноводскаго плавучаго маяка, обозначающаго входъ въ Красноводскій заливъ. Мягкій свѣтъ луны искрился въ водѣ, которая казалась совершенно темно-свинцевой. Съ глухимъ шумомъ, разбиваясь о носъ шлюпа, неслись волны, какъ будто стремясь догнать одна другую. Темною, неопредѣленныхъ очертаній точкою вырисовывался съ правой стороны плавучій маякъ съ ярко горящими фонарями на мачтахъ. Порою, рѣзко скрипя снастями, проходили мимо насъ парусныя суда.

—Ишь ты, не кажутъ огня,—ворчливымъ тономъ говорилъ каждый разъ рулевой, указывая на отсутствіе огней, которые должны быть на основаніи устава на каждомъ морскомъ суднѣ для предупрежденія столкновеній встрѣчныхъ судовъ другъ съ другомъ. Бѣда съ этими самими рыбаками, вашскородіе. Того гляди, что на его наскочишь. . . Ни за что они, да и вобче купецъ не поставитъ огней. . . Видитъ иной разъ, пароходъ идетъ—они ему, значитъ, спичками давай огонь показывать, потому парохода-то очень опасаются. . . Тоже ихняго брата по морю много пароходы ко дну по этой самой причинѣ пускаютъ. . . Прежде еще туда-сюда, а теперь ужъ больно много пароходовъ на этой дорогѣ ходитъ. . . И штрафуютъ ихъ, а поди-жъ ты, ничего изъ этого не выходитъ; все по старому. Зачѣмъ, сказываютъ, масло даромъ жечь;—оно деньги стоитъ.

—Одначе и Челекенъ видать, — добавилъ онъ и,

тутъ же повернувшись въ сторону вахтеннаго, крикнулъ:

„На верхъ зови: поворотъ дѣлать.“..

—Сейчасъ, ваше благородіе, мы значитъ въ заливъкъ острову Челекену входить будемъ; тутъ мѣста пойдутъ мелкія, ну фарватеръ извилистый, того гляди, на мель можно сѣсть. Мѣсто то такое, что тутъ мало кто ходитъ, больше рыбакъ, наши пограничные шлюпы, да пароходъ московскаго товарищества, „Меридіаномъ“ прозывается. Только названіе, что пароходъ. Въ самомъ дѣлѣ такой, что коли волна большая, живой рукой захлестнуть его можетъ.

—Почему же такъ, заинтересовался я

—Да потому Ваше Скородіе, что пароходъ рѣчной, а его заставили по морю ходить.

Разсвѣтъ уже начинался. Впереди ясно виденъ былъ весь небольшой заливъ, въ концѣ котораго на берегу вырисовывался кордонъ пограничной стражи и небольшой баракъ съ маленькою деревянною пристанью для причала „Меридіана“, совершающаго сюда рейсы два-три раза въ недѣлю. Почти слѣдомъ за нимъ показалась небольшая шлюпка, доставляющая по договору съ почтовымъ вѣдомствомъ почту на островъ Челекенъ. Войдя въ заливъ и сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, нашъ шлюпъ лишь черезъ добрый часъ остановился, наконецъ, саженяхъ въ десяти отъ берега и бросилъ якорь. Передъ нашими глазами виднѣлись прибрежные песчаные холмы восточной стороны острова, закрывавшіе горизонтъ. Ровный, желтовато-темный колоритъ еще

рѣзче оттѣнялъ зеленовато-синій цвѣтъ морской воды. Двѣ-три кибитки туркменъ-рыбаковъ стояли невдалекѣ отъ кордона. Мѣстами выступали бѣловатыя пятна солончаковъ, и при всемъ этомъ никакого признака зелени. Общій видъ унылый и безотрадный.

Островъ Челекенъ по своей величинѣ самый большой на Каспійскомъ морѣ. И эта сожженная темно-желтая земля острова уже съ давнихъ поръ привлекла къ себѣ предпріимчиваго человѣка. Съ отдаленныхъ временъ туркменскія племена: іомуды и огурджалинцы, поселившіеся на островѣ Челекенѣ, стали добывать нефть для своей потребности, а затѣмъ и продавать избытокъ въ Персію. До 1874 года добываніе это производилось самымъ примитивнымъ способомъ изъ колодцевъ, разбросанныхъ на пространствѣ всего острова. Въ этомъ-же году на островѣ впервые начата развѣдка товариществомъ братьевъ Нобель и К°, причемъ для этой цѣли было арендовано у мѣстныхъ жителей нѣсколько участковъ, и началась правильная добыча нефти буровымъ способомъ, причемъ также было арендовано у мѣстныхъ жителей и нѣсколько десятковъ ручныхъ колодцевъ. Нефтяная горячка широко распространилась по обѣимъ сторонамъ моря, и въ настоящее время весь островъ покрытъ заявочными столбами, которыми многіе довольно удачно спекулируютъ, перепродавая свои участки за очень значительныя суммы. Изъ заложенныхъ товариществомъ Нобель буровыхъ скважинъ въ особенности интересны скважины около сопокъ Мешедъ и Аймонъ, которыя

выбрасывали періодически нефтяные фонтаны; изъ послѣднихъ одинъ давалъ совершенно чистую нефть, выбрасывая ее на высоту 6 сажень, а другой—смѣсь воды съ нефтью. Оба фонтана снабжены особыми приспособленіями для ихъ урегулированія. Но, къ сожалѣнію, въ настоящее время одна изъ скважинъ совершенно засорилась, и добыча нефти изъ нея прекратилась. Въ общемъ добыча нефти товариществомъ братьевъ Нобель достигаетъ приблизительно отъ 200 до 300 тысячъ пудовъ ежегодно.

Вся добываемая обществомъ нефть поступаетъ въ особые земляные амбары, а затѣмъ по нефтепроводу перекачивается на южную часть острова, гдѣ наливается въ наливныя суда и отправляется въ Баку. Всего этой фирмою вывезено съ острова до 5-хъ милліоновъ пудовъ нефти. По слѣдамъ Нобеля явилось еще нѣсколько предпринимателей, и въ настоящее время почти на всемъ островѣ производится добываніе нефти. Кромѣ фирмы Нобель на островѣ основалось также и Московское нефтяно-промышленное товарищество, которое только недавно начало свою дѣятельность и при первыхъ работахъ въ теченіе года добыло до 70.000 пудовъ нефти.

—Однако, пора и ѣхать! —раздался голосъ генерала въ то время, когда мы продолжали съ высокаго прибрежнаго холма разсматривать разстилавшійся передъ нами видъ.

—Кстати и лошади уже готовы. Мы должны къ вечеру добраться до ночлега, проѣхавъ весь островъ во всю его длину. . .

Одинъ за другимъ тянулся нашъ караванъ. Ло-

шади, тяжело ступая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ положительно вязли въ сыпучемъ пескѣ, но мы все же, несмотря на отвратительную дорогу, подвигались довольно быстро впередъ. Переваливъ гряду прибрежныхъ холмовъ мы спустились въ долину, среди которой, прихотливо извиваясь, виднѣлась небольшая рѣчка, покрытая мѣстами довольно толстою стекловидной пеленой; казалось, что рѣчка покрыта льдомъ но это предположеніе разрушалось 50° жарою, благодаря которой вся поверхность острова изображала изъ себя какую-то разкаленную сковороду.

—Это осадокъ соли, сказалъ долго молчавшій № . . Но несмотря на свою кажущуюся прозрачность соль здѣсь очень дурного качества, такъ какъ въ ней очень много всякихъ примѣсей. . .

Островъ Челекенъ находится у входа въ Красноводскій заливъ, въ 60-ти верстахъ отъ города Красноводска, длиной около 50-ти верстъ и шириной до 15-ти. Своимъ происхожденіемъ онъ какъ предполагаютъ, обязанъ тому геологическому перевороту, результатомъ котораго появились Кавказкія горы и Хоросанскія возвышенности, связанныя, между собою грядою, идущею по дну Каспійскаго моря отъ Апшеронскаго полуострова къ Михайловскому заливу причемъ островъ является высшею точкою подводной гряды. Это предположеніе подтверждается появившимися года три тому назадъ подводными скалами на половинѣ дороги между Баку и Красноводскомъ, находящимися въ открытомъ морѣ. Скалы эти выдвигаются почти до поверхности воды, благодаря чему по нимъ ходятъ почти все время буруны.

На всемъ островѣ нѣтъ ни одного совершенно прѣснаго источника, и вода, которую пьютъ жители, имѣетъ горько-соленый вкусъ.

Переваливъ черезъ нѣсколько холмовъ, мы наконецъ съ радостью замѣтили въ одной изъ ложбинокъ присутствіе зелени, но, подъѣхавъ ближе, тутъ-же разочаровались, увидѣвъ ошибочность нашихъ предположеній, такъ какъ растительность принадлежала къ породѣ колючекъ, еще болѣе жалкой, чѣмъ на материкѣ, и являющейся на островѣ единственной представительницей растительнаго царства. Почти на серединѣ острова виднѣлось какое-то жилье и черезъ полчаса нѣсколько деревянныхъ домовъ компаніи московскаго нефтепромышленнаго общества, составляющихъ особый поселокъ, были передъ нами.

Отдохнувъ нѣсколько времени у завѣдывающаго работами геолога И. съ истинно русскимъ гостепріимствомъ предложившаго намъ остановится у него въ домѣ, мы сразу почувствовали себя въ Россіи. То гнетущее чувство чего-то чужого, которое испытываетъ каждый русскій въ Азіи, улетучилось подъ вліяніемъ чисто московскаго радушія хозяина. Заброшенный въ такую глушь, геологъ И. живетъ совершенно одинъ въ поселкѣ, имѣя лишь нѣсколько русскихъ служащихъ и рабочихъ, главный контингентъ которыхъ состоитъ почти исключительно изъ туркменъ. Дѣла молодой компаніи подъ его руководствомъ, какъ говорятъ, процвѣтаютъ. Во всѣхъ работахъ по добычѣ нефти видна опытная рука... За кипящимъ самоваромъ и интересными

азговорами мы даже не замѣтили, какъ пролетѣло время. . . Хозяинъ разговорился и сообщилъ намъ массу свѣдѣній объ островѣ и его особенностяхъ.

Почти весь островъ имѣетъ много естественныхъ выходовъ нефти; въ особенности же ихъ много въ западной его части, въ которой находится нѣсколько нефтяныхъ сопокъ... Какъ на одну изъ достопримѣчательностей острова намъ указали на озеро Пурса-гель, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ вонючее озеро. Озеро это расположено на сѣверо-восточной сторонѣ горы Чехрака и находится на 250 футовъ выше уровня моря. Съ поверхности этого озера выдѣляются въ большомъ количествѣ сѣрные и углеводородные газы, а по берегамъ его наблюдается постоянное вспучиваніе рыхлой почвы съ выдѣленіемъ довольно значительнаго количества чистой нефти зеленовато-бураго цвѣта. Озеро это, какъ видно, образовалось на плоской поверхности нефтяной сопки, которая, надо предполагать, дѣйствуетъ и понынѣ, выбрасывая со дна озера много кира *). Недалеко отъ него находится нѣсколько горячихъ сѣрно-щелочныхъ источниковъ съ температурою до 46° по Реомюру.

Кромѣ нефти на островѣ добывается озокеритъ (горный воскъ), киръ и соль. Добыча перваго относительно незначительна и ведется преимущественно туркменами самымъ примитивнымъ способомъ, разработкою его на незначительной глубинѣ отъ поверхности земли; выработку его начинаютъ обыкно-

*) Разновидность горнаго воска.

венно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ самъ обнажился на поверхность земли, или же гдѣ на него случайно наткнулись при выванианіи грунта для нефтянаго колодца. Спеціальныхъ же развѣдокъ для отысканія его мѣстъ нахожденія не производилось. Добытый озокеритъ обыкновенно очищается отъ земли плавкою его въ особыхъ котлахъ, а затѣмъ выливается въ особыя формы и въ такомъ видѣ поступаетъ въ продажу по цѣнѣ около 1 руб. 50 коп. за пудъ, причемъ главнымъ образомъ онъ идетъ въ Баку и Хиву, гдѣ его употребляютъ для окрашиванія матерій и при шитьѣ обуви вмѣсто смолы. Чистый Челекенскій озокеритъ содержитъ въ себѣ до 70% церезина.

Одновременносъ нефтью и озокеритомъ на островѣ добывается соль, залежи которой находятся на сѣверо-восточномъ концѣ острова. Разработка каменной соли производится здѣсь снятіемъ верхняго песчанаго слоя до одного аршина толщины, а затѣмъ уже выломкою ее особыми ломами и кетменями. Общій запасъ соли на островѣ считаютъ до 30 милліоновъ пудовъ. Добываемая соль имѣетъ много примѣсей. Добытая соль вывозится въ Персію и на наше кавказское побережье, причемъ она обложена особою пошлиною, носящею названіе „попуднаго сбора“. Незначительная же часть соли остается для мѣстнаго употребленія.

Все туземное населеніе острова живетъ въ трехъ аулахъ, въ которыхъ русскихъ, считая въ томъ числѣ и солдатъ пограничной стражи, размѣщенныхъ въ двухъ казармахъ на сѣверномъ и южномъ кон-

цахъ острова, не больше 50 человѣкъ; общая численность всего населенія острова достигаетъ до 1,000 человѣкъ. Независимо работы на нефтяныхъ и соляныхъ промыслахъ туземное населеніе Челекена занимается также торговлею и рыболовствомъ. Здѣсь же живутъ лучшіе мастера по постройкѣ парусныхъ

Постъ пограничной стражи Челекенъ.

судовъ особаго туркменскаго типа, плавающихъ по южной и восточной частямъ Каспійскаго моря.

Поблагодаривъ радушнаго хозяина и воспользовавшись любезно предложенною тройкой, мы въ покойномъ тарантасѣ съ небольшимъ въ часъ добрались до Южнаго Челекена. Довольно глубокая бухта пріютила здѣсь съ десятокъ парусныхъ судовъ, а на взморьѣ, въ верстѣ отъ берега, рѣзко выдѣлялся бѣлый корпусъ военнаго крейсера „Часовой“ принадлежащаго къ крейсерской флотиліи отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
176302

Видъ острова съ южной стороны такъ же дикъ и пустыненъ, какъ и съ сѣверной, и лишь торговый флагъ, развѣвающійся надъ деревяннымъ домикомъ таможенной заставы, указывалъ и подтверждалъ торгово-промышленное значеніе острова. Безъ этого напоминанія островъ казался бы совершенно мертвъ. Нельзя позавидовать таможенному чиновнику, живущему безъ выѣзда при своей заставѣ. Оторванный отъ людей, имѣя дѣло почти исключительно съ туркменами, онъ съ какимъ то особеннымъ любопытствомъ осматривалъ пріѣзжихъ... Таможенный переходный пунктъ устроенъ здѣсь для взысканія пошлинъ съ персидскихъ товаровъ, привозимыхъ въ значительномъ количествѣ моремъ съ Гязскаго берега для мѣстнаго употребленія. Благодаря свойству грунта и отсутствію воды на островѣ не произрастаетъ никакихъ злаковъ. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ островъ Челекенъ былъ извѣстенъ какъ мѣсто, гдѣ причаливали рыболовы-туркмены, да пользуясь уединенностью острова на немъ свили себѣ гнѣздо шайки морскихъ разбойниковъ, грабившихъ суда съ товарами, шедшіе изъ Персіи въ Астрахань. На Челекенѣ въ свое время долго проживалъ атаманъ Стенька Разинъ со своею вольницею понизовою. Крикъ „Сарынь на Кичку“ часто раздавался на волнахъ Синяго моря Хвалынскаго, наводя паническій ужасъ на персидскихъ купцовъ мореходовъ... Имя грознаго удалаго атамана до сихъ поръ не изчезло изъ памяти туземцевъ, и описаніе его удалыхъ налетовъ встрѣчается въ преданіяхъ и сказкахъ Челекенцевъ.

II.

„Крейсеръ Часовой. Укрѣпленіе Чикишляръ."

Крейсеръ „Часовой", вызванный начальникомъ пограничнаго округа для осмотра его и переѣзда въ Чикишляръ, уже давно ожидалъ генерала. Небольшая шлюпка, окрашенная также въ бѣлый цвѣтъ, стояла у самаго берега. Четверо матросовъ съ боцманомъ молодцевато отвѣтили на привѣтствіе генерала, когда мы подошли къ берегу...

„Весла на воду"—увѣренно скомандовалъ боцманъ, и черезъ минуту шлюпка, описавъ небольшой полукругъ, быстро понеслась къ крейсеру.

Съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на мастерское управленіе шлюпкой, съ поразительною легкостью скользившей по водѣ. Невольно заинтересовавшись конструкціей ея, я задалъ вопросъ боцману объ ея особенностяхъ, которыя сразу бросались въ глаза.

„Шлюпка стальная, ваше высокоблагородіе, отрапортовалъ онъ сейчасъ же, и вдобавокъ въ ней 4 воздушныхъ ящика. Дѣлали ее на заводѣ Мартала въ Швеціи; сказываютъ, почитай тысячу цѣлковыхъ заплочена.

Значитъ и потонуть она не можетъ?

„Такъ точно, не можетъ, ваше высокоблагородіе; опрокинется, а все же сверхъ воды плавать будетъ".

Мы подходили въ это время уже къ крейсеру. Бѣлая окраска и бѣлая труба дѣлали его издали замѣтнымъ, придавая видъ какой-то особенной чистоты, а большой рельефный золоченый орелъ на кормѣ, держащій въ лапахъ и клювахъ карты четырехъ русскихъ морей, указывалъ на его принадлежность къ военному флоту. Подойдя къ правому борту и взойдя на палубу по парадному трапу, генералъ принялъ рапортъ отъ командира крейсера и поздоровался съ выстроенной на палубѣ командой. Все судно поражало своею изумительною чистотою, сіяя на солнцѣ ярко вычищенными мѣдными частями. На кормѣ и на носу внушительно стояли дальнобойныя орудія. Познакомившись съ офицерами крейсера и размѣстившись по каютамъ, мы сейчасъ же съ особеннымъ интересомъ начали осматривать крейсеръ во всѣхъ его деталяхъ. Командиръ крейсера, бывшій офицеръ корпуса флотскихъ штурмановъ, подполковникъ Т. предупредительно давалъ объясненія. Отчетливо, безъ всякой суеты, былъ поднятъ якорь, и скоро, плавно поднимаясь и опускаясь на набѣгающихъ волнахъ и бороздя ихъ своимъ винтомъ, „Часовой" направился въ открытое море, держа курсъ на югъ по направленію къ Чикишляру.

Построенный въ семидесятыхъ годахъ крейсеръ „Часовой" былъ въ 1897 году переведенъ съ Балтійскаго моря и доставленъ по волжской системѣ до

Астрахани для крейсерованія въ Каспійскомъ морѣ и воспрепятствованія такимъ образомъ контрабандным товарамъ проникать изъ Персіи въ Россію моремъ. Мѣсто стоянки его Бакинскій портъ, а крейсеруетъ онъ отъ Баку до Астрабада и Красноводска, числясь въ спискахъ Бакинской бригады корпуса пограничной стражи.

Вскорѣ съ лѣвой стороны у насъ показался Огурчинскій островъ, пройдя который, крейсеръ попалъ подъ береговой вѣтеръ, дувшій съ материка. Волненіе дѣлалось все сильнѣе и сильнѣе. Громадныя волны, покрытыя сѣрою пѣною, поднимались одна выше другой и съ шумомъ набѣгали на крейсеръ, ударяясь въ его стальной корпусъ. Глухо скрипя снастями и выбрасывая изъ своихъ трубокъ клубы дыма, съ шумомъ работала машина, какъ будто жалуясь на трудность работы, выпавшей на ея долю.

Между тѣмъ наступила уже ночь. По сигналу свистками команда крейсера была вызвана на верхъ. Началась вечерняя перекличка, послѣ которой стройнымъ хоромъ были пропѣты молитвы, мотивъ которыхъ громкими торжественными акордами разнесся далеко по водяной равнинѣ. Посмотрѣвъ съ большимъ интересомъ на церемонію спуска флага, мы устроились спать тутъ же на палубѣ. Ночь была душная, и поэтому, зная, что все равно скоро заснуть не удастся, я присѣлъ на бортъ у кормы, любуясь лунным свѣтомъ, который серебрилъ волны.

„Не хочется спать“? спросилъ меня командиръ крейсера, усаживаясь на свертк канната противъ меня.

—Не спится, что-то, полковникъ. Душно...

„Да это правда, жаркое время стоитъ теперь: не то, что на Балтійскомъ морѣ. Хотя я три года оттуда, а все еще никакъ привыкнуть не могу къ здѣшнимъ жарамъ. Да и море, тоже скажу вамъ, такое, что просто бѣда. Сюда шелъ, такъ попалъ въ такой штормъ, думалъ, недойду благополучно. Пришлось вмѣсто Челекена на Огурчинскій курсъ держать и за нимъ отстояться. Думалъ, опоздаю".

—Трудная ваша служба, полковникъ?

„Да, какъ вамъ сказать?"—въ раздумьи остановился онъ; не то, что трудная, а такъ все безпокоишься, какъ бы чего не случилось, потому море здѣсь куда хуже Индійскаго океана. Такіе штурмы бываютъ, что я, ужъ на что 30 лѣтъ во флотѣ прослужилъ, а эдакихъ видать приходилось не много. Въ остальномъ же ничего. Когда въ хорошую погоду идешь, такъ весело: осмотришь встрѣчныя туркменскія шлюпки, покрейсируешь вдоль берега съ недѣльку, а тамъ и къ себѣ въ Бакинскій портъ на недѣльку; постоишь, отдохнешь и снова въ крейсерство... Ну, а въ штормъ здѣсь не дай Богъ...

—Скоро мы, полковникъ, въ Чикишляръ придемъ?—обратился къ нему съ вопросомъ сидѣвшій все время молча нашъ спутникъ докторъ. Капитанъ окинулъ взоромъ горизонтъ и, что-то соображая, на минуту задумался.

„Какъ вамъ сказать, теперь мы идемъ на траверсѣ острова Огурчинскаго; если погода стихнетъ, такъ къ вечеру завтра будемъ, а если нѣтъ, такъ даже трудно сказать. Чикишляръ тѣмъ плохъ, что тамъ

буруны такіе, что мое почтеніе. Бываетъ, изъ-за нихъ раза три, а то и больше, мимо Чикишляра пройдешь, а пристать нельзя. Разбиться на бурунахъ легко. Будемъ подходить, такъ услышимъ тамошніе буруны верстъ за тридцать, если не больше. Огурчинскій вонъ совсѣмъ близко. Мы обходимъ его съ правой стороны; съ лѣвой стороны, по проливу, что идетъ между азіатскимъ берегомъ и островомъ, рѣдко кто рѣшается идти, потому что здѣсь, что ни шагъ, то сюрпризъ; по картѣ, положимъ, 15 сажень глубины, глядишь, а на самомъ дѣлѣ 15 футовъ. Это на рейсовомъ пути случается, а въ проливѣ и того хуже. Дно часто мѣняется. Гдѣ была недавно глубина, тамъ мель, и наоборотъ. Да и промѣры давно дѣлались"...

—Ну, и мошки же много; такъ искусала, что, должно быть, лицо все вздулось, — ворчалъ себѣ подъ носъ докторъ, сердито отмахиваясь каждую минуту отъ налетѣвшихъ комаровъ.

—Это съ Огурчинскаго, отвѣтилъ помощникъ командира подходя къ намъ. На островѣ этомъ зелени много, оттого и мошка. На насъ ее вѣтромъ наноситъ. Пройдемъ островъ, такъ снова ни одной на крейсерѣ не увидите.

Несмотря на эту массу мошкары, мы все же улеглись на палубѣ и, закрывшись простынями, скоро заснули сномъ праведниковъ. Солнце уже стояло высоко надъ горизонтомъ, когда мы проснулись. Вдали, съ лѣвой стороны, тянулся азіатскій берегъ, на которомъ лишь кое-гдѣ вырисовавшіеся холмы разнообразили унылую картину. Волненіе

утихло, но море, встревоженное вчерашнимъ вѣтромъ, несло свои волны къ берегу. На горизонтѣ виднѣлись паруса бѣгущихъ туркменскихъ плюпокъ и шкунъ, возвращающихся съ грузомъ изъ Персіи. Поскрипывая снастями, тяжело нагруженныя разнымъ товаромъ, поднимались онѣ съ волны на волну проходя порою почти рядомъ съ крейсеромъ и давая намъ возможность видѣть груды мѣшковъ и двухъ-трехъ туркменъ матросовъ, составлявшихъ всю команду такого судна.

—Скучновато, господа, вамъ;—хочу сейчасъ васъ хоть немного позабавить новымъ зрѣлищемъ, — обратился къ намъ командиръ крейсера, пристально всматривавшійся въ идущую намъ навстрѣчу шлюпку.

—Что такое будетъ, полковникъ? лѣниво спросилъ докторъ, закуривая сигару и сосредоточенно смотря впередъ.

—А вотъ сейчасъ увидите... Хочу осмотрѣть шлюпку, не везутъ ли туркмены чего контрабаднаго...

„Флагъ поднять" — отдалъ онъ приказаніе вахтенному.

„Стопъ машина!!...

Крейсеръ, пройдя съ четверть версты, медленно остановился. На мачтѣ между тѣмъ поднятъ былъ таможенный флагъ, который, повидимому, не привлекъ собою вниманія туркменской шлюпки.

„Сирена"! снова крикнулъ командиръ въ машинное отдѣленіе, и крейсеръ, какъ будто живой, вздохнулъ и испустилъ протяжный, довольно мелодичный, крикъ.

Не останавливаются, дѣлаютъ видъ, что не видятъ, волновался помощникъ . . . Капитанъ сердито крикнулъ и также, видимо, усматривая умышленное нежеланіе шлюпки замѣтить подаваемые сигналы, громко скомандовалъ.

„Прислуга къ орудію. . . Гранату подъ носъ.“. .

Нѣсколько матросовъ торопливо бросились къ кормовому орудію, и черезъ минуту громкій звукъ выстрѣла пронесся надъ моремъ. . .

Какъ разъ подъ носъ угодила, весело сказалъ помощникъ, замѣтивъ цѣлый водяной столбъ, поднявшійся передъ туркменскою шлюпкой.

„Теперь какъ не спустятъ паруса, такъ вторую гранату, въ мачту, — отдалъ новое приказаніе подполковникъ. . .

Но шлюпка увидѣла, что шутки плохи, и минуту спустя нѣсколько человѣкъ торопливо стали убирать на ней парусъ... На крейсерѣ въ это время уже спускали на воду черырехвеселный катеръ. Помощникъ и 6 человѣкъ матросовъ съ винтовками въ рукахъ быстро вскочили на него, и черезъ нѣсколько минутъ, широко взмахивая веслами, катеръ уже шелъ, направляясь къ шлюпкѣ, осмотръ которой занялъ добрыхъ полчаса.

„На шлюпкѣ ничего не оказалось, кромѣ ячменя, г-нъ капитанъ, рапортовалъ черезъ нѣсколько времени возвратившійся офицеръ“.

—Жаль, что нѣтъ, ну, а все-таки это для нихъ острастка. Завтра же по всему побережью будетъ извѣстно, что осматриваютъ суда, идущія изъ Персіи, а это на нихъ производитъ сильное впечатлѣніе...

—Только и возможно такимъ образомъ держать ихъ въ страхѣ....

—А бываютъ задержанія контрабанды, капитанъ?

—Какъ вамъ сказать, задумался тотъ, вспоминая. Бываютъ, но только не особенно часто, море велико, а всѣхъ судовъ не осмотришь...

Часамъ къ 12 дня на краю горизонта показался Чикишляръ, а немного спустя мы уже ясно слышали ревъ буруновъ, бушевавшихъ около берега.

—Трудно будетъ близко подойти,—какъ бы въ раздумьи сказалъ капитанъ. А, впрочемъ, увидятъ крейсеръ, такъ выйдетъ въ море, навѣрно, шлюпка, и тогда придется вамъ пересѣсть на нее...

„Тихій ходъ,“ скомандовалъ онъ, повертываясь къ слуховой трубкѣ, проведеной въ машинное отдѣленіе. Крейсеръ убавилъ ходъ, и до насъ начали доноситься возгласы о результатахъ промѣровъ, дѣлаемыхъ на носу.

„15 футъ... 14 футъ... 16 футъ.“ .. Около 4-хъ часовъ уже совершенно явственно были видны дома Чикишляра: одновременно съ тѣмъ мы замѣтили большую парусную шлюпку, вышедшую съ пристани намъ навстрѣчу. Крейсеръ, медленно подвигавшійся тихимъ ходомъ, наконецъ остановился, и черезъ часъ къ нашему борту подошла парусная шлюпка, на которой мы должны были добраться до пристани. Переходъ на нее пришлось сдѣлать по штормовому трапу, что, при довольно большомъ размахѣ, для людей, непривычныхъ къ морю, представляло собою большое неудобство. Ныряя по волнамъ и постоянно крейсируя противъ вѣтра,

шлюпка наша, наконецъ, подошла къ линіи буруновъ, ревъ которыхъ былъ такъ силенъ, что разносился далеко по окрестностямъ. Бѣлая пѣна носилась клочьями по морю, которое казалось, стонало не переставая. Картина, открывшаяся передъ нашими глазами, была своеобразно красива. Волны одна за другой неслись къ берегу, набѣгая на прибрежныя мели, но, какъ будто испугавшись чего-то, разомъ отходили назадъ, гдѣ, сталкиваясь со встрѣчными волнами, образовывали ужасную толчею. Выждавъ удобную минуту затишья, перескочила наша шлюпка буруны и очутилась на сравнительно спокойныхъ водахъ, но до берега было еще далеко. Пересѣвъ на маленькую лодку и пройдя на ней съ версту, мы къ нашему изумленію увидѣли подъѣзжающія къ намъ отъ берега арбы съ запряжкой въ одну лошадь, на которыя, какъ оказалось, мы должны были пересѣсть, чтобы, проѣхавъ еще версты двѣ по мелководью, добраться на нихъ до пристани. Нѣсколько человѣкъ служащихъ разныхъ вѣдомствъ во главѣ съ мѣстнымъ священникомъ собрались на берегу для встрѣчи генерала. . . Тутъ же виднѣлась небольшая группа туркменъ, одѣтыхъ въ халаты изъ темной матеріи и имѣвшихъ огромныя косматыя папахи на головахъ.

Разбросанное на песчаномъ берегу укрѣпленіе Чикишляръ производило грустное впечатлѣніе. Православная церковь и десятка три небольшихъ домиковъ, съ чахлою зеленью вокругъ нихъ, составляли весь русскій городокъ, заброшенный на этотъ непривѣтливый берегъ Каспійскаго моря. Нѣсколько

парусныхъ судовъ пугливо жались въ крохотной бухточкѣ, южнѣе укрѣпленія. На берегу, уходя далеко въ море, виднѣлись громадные помосты полуразрушенной пристани, построенной для удобства подхода къ нему судовъ во время первой экспедиціи генералъ-адютанта Лазарева въ 1879 году. Избранное для высадки войскъ мѣсто и въ то время мало отвѣчало своему назначенію, но причиною его выбора служило наше полное незнакомство со страною туркменовъ. Выработаннымъ заранѣе планомъ предполагалось сдѣлать Чикишляръ опорнымъ пунктомъ и складомъ запасовъ для экспедиціоннаго отряда, который долженъ былъ двигаться вверхъ по теченію рѣки Атрека, впадающаго въ море недалеко отъ Чикишляра. При этомъ запасы для него предполагалось доставлять по рѣкѣ, вслѣдствіе чего даже былъ заказанъ пароходъ. Казалось бы, что планъ экспедиціи дастъ возможность ее выполнить съ успѣхомъ, не нуждаясь въ водѣ для питья при движеніи черезъ солончаковые пустыри, но въ дѣйствительности оказалось, что всѣ предположенія такъ и остались одними предположеніями. Атрекъ, который считался составителемъ плана многоводною рѣкою, по которой возможно судоходство, на самомъ дѣлѣ оказался небольшою рѣчкою, пересыхающей мѣстами во время жаровъ, и вдобавокъ съ солоноватою водою.

Отъ пристани тянется рельсовый путь, густо поросшій бурьяномъ. . . Ржавые рельсы, сгнившія шпалы и масса желѣзнаго лома являются остатками кипучей дѣятельности бывшей здѣсь во время вы-

садки и движенія экспедиціоннаго отряда. Въ воздухѣ слышался невыносимый запахъ сѣрнистаго водорода и іода, но привыкшіе къ этому запаху мѣстные жители его совершенно не замѣчаютъ. Мы же едва въ состояніи были дышать, направляясь по помостамъ къ берегу.

—Трава морская гніетъ, — удовлетворилъ мое любопытство капитанъ №, встрѣтившій насъ на пристани: Хотя дурно пахнетъ, но перегной этой травы, превратившійся въ илъ, имѣетъ замѣчательно цѣлебныя свойства. Здѣшняя грязь даже у туркменъ въ большей чести. Они ею лѣчатся отъ всѣхъ рѣшительно болѣзней. И помогаетъ. . .

—Испареніе же плохо дѣйствуетъ на всѣ серебряныя вещи; все чернѣетъ и принимаетъ совершенно невозможный видъ. Нашихъ офицерскихъ вещей просто не напасешься. . . Вотъ, взгляните, только что недавно прислали, а на что похоже, — указалъ онъ на свою золотую перевязь, имѣвшую видъ совершенно старой и заношенной.

Дѣйствительно, формы всѣхъ служащихъ, украшенныя шитьемъ и галунами, имѣли до нельзя грязный видъ.

—Черезъ два дня, и вы такъ же будете выглядывать, утѣшалъ онъ насъ.

—Нашъ воздухъ не любитъ ничего яркаго, блестящаго, заботливо покрывая все одноцвѣтнымъ, темнымъ налетомъ.

Весь городокъ, до настоящаго времени носящій громкое названіе укрѣпленія, состоитъ, какъ выше сказано, изъ десятковъ трехъ домовъ, преимуще-

ственно деревянныхъ, построенныхъ какъ будто на скорую руку. Военное собраніе, казарма резервной роты, провіантскій магазинъ составляютъ собою центръ города. Домики разбросаны по двумъ улицамъ, подходя почти къ самому берегу моря. Укрѣпленіе Чикишляра было построено въ 1873 году и являлось опорнымъ пунктомъ, гдѣ формировался полковникомъ Маркозовымъ отрядъ изъ кавказскихъ войскъ, который долженъ былъ принять участіе въ Хивинскомъ походѣ. . . Здѣсь же были построены въ 1878 году склады и госпиталь на 200 кроватей. Все интеллигентное общество укрѣпленія состоитъ изъ пристава, двухъ офицеровъ роты, командира пограничнаго отряда и почтоваго, интендантскаго и таможеннаго чиновниковъ, живущихъ довольно дружно между собой. Два—три агента торговыхъ фирмъ, ведущихъ торговлю съ Персіей, дополняютъ этотъ небольшой кружокъ. Прибытіе почтоваго парохода ожидается каждымъ, какъ манна небесная. Запасъ привезенныхъ газетъ даетъ возможность провести оживленно нѣсколько часовъ, дѣлясь впечатлѣніями о прочитанныхъ въ газетахъ новостяхъ. Затѣмъ всѣ снова успокаиваются и снова ждутъ слѣдующаго парохода, который кромѣ газетъ и писемъ привозитъ также запасы провизіи.

„Живемъ мало,—сообщилъ намъ одинъ изъ постоянныхъ жителей укрѣпленія, все время больше проводимъ въ ожиданіи, когда-то придетъ пароходъ, да зайдетъ ли къ намъ, только объ этомъ и думаешь... Все отъ погоды зависитъ; бываетъ, что и по недѣлямъ, благодаря бурунамъ, пароходъ не можетъ подойти къ нашему берегу.“

„Сегодня отдыхъ, господа, а завтра съ утра въ путь,“—рѣшаетъ генералъ, направляясь къ гостепріимно пригласившему насъ капитану.

Среди ночи погода разгулялась. Сквозь окна доносился до нашего слуха отдаленный шумъ прибоя, а подъ утро стонъ буруновъ прерываетъ нашъ сонъ и заставляетъ внимательно прислушиваться къ мало знакомому намъ говору моря. Ревъ буруновъ на столько силенъ, что нѣтъ никакой возможности разслышать нашего спутника, что-то намъ оживленно разсказывающаго. Вѣтеръ несетъ облака песку. Все на берегу какъ будто смѣшивается въ какомъ то хаосѣ.

„Ну, сегодня никуда не ѣдемъ,„—говоритъ намъ генералъ, входя обратно въ комнату.

—Въ Гасанъ-Кули завтра.!!“ Пользуясь временемъ мы спѣшимъ распросить гостепріимнаго хозяина о всемъ, касающемся Чикишляра и восточнаго морского побережья. Обиліе цѣлебной грязи около Чикишляра навело на мысль мѣстнаго врача Гулевича примѣнить грязелеченіе къ больнымъ мѣстнаго лазарета. Огромный успѣхъ въ этомъ отношеніи, достигнутый имъ, далъ возможность хлопотать объ отпускѣ суммъ на устройство грязелечебницы, которая нынѣ уже открыта и функціонируетъ съ блестящими результатами. Можно надѣяться, что при затратѣ на нее нужныхъ суммъ она замѣнитъ войскамъ Туркестанскаго округа Сакскія грязи, находящіяся въ нѣсколькихъ тысячахъ верстахъ отъ предѣловъ Туркестана. Главное занятіе жителей Чикишляра и аула Гасанъ-Кули, лежащаго отъ него южнѣе въ 15-ти верстахъ,

у устьевъ рѣки Атрека, рыболовство, имѣющее здѣсь крупное промышленное значеніе. Почти вся выловленная рыба отправляется преимущественно въ Астрахань, и ее скупаютъ особые скупщики, ведущіе дѣло почти со всѣми главными рыбопромышленниками. Непосредственно же сношеніе съ рыботорговцами имѣетъ лишь фирма Ліанозова, арендующая у казны всю побережную морскую полосу. О рыбномъ богатствѣ по восточному побережью Каспійскаго моря извѣстно вообще немного; хотя и были сдѣланы попытки въ этомъ направленіи, но свѣдѣній получено мало. Въ настоящее время самымъ значительнымъ матеріаломъ по этому вопросу располагаетъ Астраханское управленіе рыбными и тюленьими промыслами, которому подчинены всѣ тюленьи и рыбные промыслы Каспійскаго моря. Съ 1896 года были начаты работы по изслѣдованію этихъ мѣстъ въ рыболовномъ отношеніи, для чего командированъ былъ смотритель морскихъ промысловъ штурманъ Максимовичъ съ порученіемъ изслѣдовать южную часть моря отъ залива Киндерли до острова Ашуръ-Аде. Задача, возложенная на эту экспедицію заключалась главнымъ образомъ въ ознакомленіи ловцовъ съ новымъ для нихъ правительственнымъ органомъ по рыбной промышленности, въ побужденіи къ полученію установленныхъ билетовъ на право ловли и въ собираніи статистическихъ свѣдѣній о промыслахъ и рыболовствѣ. Съ этого времени сталъ существовать фактическій надзоръ за рыболовствомъ, а затѣмъ въ слѣдующемъ году былъ образованъ Красноводскій рыболовный участокъ,

смотрителемъ коего нынѣ состоитъ г. Максимовичъ.

Для ловли рыбы на морѣ мѣстными рыбопромышленниками употребляются преимущественно небольшія одномачтовыя палубныя шлюпки, при которыхъ имѣются особыя подъѣздныя лодки, называемыя куласами. Куласъ-это лодка, выдолбленная изъ одного дерева, напоминающая собою пирогу. По всему побережью работаютъ на рыбныхъ промыслахъ болѣе 1,000 человѣкъ, и въ море выходитъ около 300 шлюпокъ. Ловится преимущественно красная рыба, изъ которой особенно много бѣлуги, осетра и севрюги. Изъ другихъ сортовъ рыбы первое мѣсто занимаетъ сельдь, затѣмъ слѣдуютъ судакъ, лещъ и сазанъ. Добыча икры производится почти на всѣхъ ватагахъ. Къ несчастью засолъ икры производится туркменами рыбопромышленниками въ тузлукѣ, приготовленномъ изъ морской воды въ силу чего икра пріобрѣтаетъ крайне непріятный горькосоленый вкусъ. Орудіями ловли красной рыбы служитъ преимущественно ставная снасть, состоящая изъ особыхъ крючковъ, на которые насаживается вмѣсто приманки сельдь, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается также и самоловная крючковая снасть въ которую попадается много осетровъ и севрюги. Ловъ сельди для наживки производится на особыя удочки, прикрѣпленныя къ общей хребтинѣ. Удочки эти по устройству своему носятъ совершенно первобытный характеръ и выдѣлываются изъ хвостовыхъ плавниковъ бѣлуги. Такимъ образомъ, въ виду необходимости имѣть наживку изъ сельди для ловли бѣлуги,

самый уловъ бѣлуги всецѣло зависитъ отъ количества пойманной сельди. Въ общемъ же количество пойманной бѣлуги достигаетъ ежегодно до 25,000 штукъ, причемъ нерѣдко встрѣчаются экземпляры до 50 и болѣе пудовъ вѣсомъ. Къ числу условій, невыгодно вліяющихъ на развитіе рыболовства, принадлежитъ въ значительной степени полное отсутствіе льда въ здѣшнихъ мѣстахъ, пустынность побережья и изолированность его отъ всѣхъ нашихъ рыболовныхъ мѣстъ. Но есть данныя надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ, съ постановкою этого промысла на болѣе правильныя начала, рыбное хозяйство имѣетъ здѣсь всѣ шансы на дальнѣйшее развитіе. Главные пункты его теперь, кромѣ Петровской косы, острова Огурчинскаго и Челекена, это Гасанъ-Кули, у устьевъ р. Атрека и около факторіи Гязь, при впаденіи въ море р. Гюргена. Весною рыба огромными массами собирается для метанія икры въ мелководный Гасанъ-Кулинскій заливъ, откуда входитъ въ устье Атрека и поднимается далеко вверхъ.

III.

Гасанъ-Кули. — Ашуръ-Аде — Гязьская факторія.

На другой день, задолго еще до восхода солнца, мы были уже на ногахъ. У крыльца ожидала насъ хорошо подобранная тройка, запряженная въ небольшую телѣжку. Врѣзаясь колесами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по ступицы, двинулись мы вдоль берега, по направленію аула Гасанъ-Кули. Вѣтеръ стихъ, но расходившееся море еще не успокоилось, и свинцовыя тяжелыя волны съ глухими всплесками взбѣгали на берегъ. Кое-гдѣ на горизонтѣ бѣлѣли паруса вышедшихъ въ море шлюпокъ. Стаи чаекъ и буревѣстниковъ, какъ будто утомленныя, сидѣли спокойно на берегу, поднимаясь въ воздухъ при нашемъ приближеніи. Почти непосредственно примыкая къ Чикишляру, широко раскинулись по всему побережью туркменскія кибитки, поставленныя на самомъ незначительномъ разстояніи отъ моря. Любопытными взглядами провожали насъ толпящіеся около нихъ туркмены, отвѣшивая почтительный салямъ при видѣ русскаго экипажа, сопровождаемаго

конвоемъ изъ нѣсколькихъ конныхъ солдатъ и джигитовъ. Несмотря на внѣшній непривлекательный видъ кибитокъ, внутри на всемъ лежитъ отпечатокъ зажиточности и довольства.

Въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ Гасанъ-Кули показалось какое-то древнее кладбище. Сплошные ряды каменныхъ памятниковъ, имѣющихъ подобіе нашихъ крестовъ, но съ закругленными концами, выдѣлялись длинною полосою на желтомъ фонѣ песчаной равнины. Высѣченные изъ плитняковаго известняка и песчаника, нѣкоторые изъ нихъ уже вывѣтрились. Полуистертыя надписи на мусульманскихъ языкахъ свидѣтельствовали объ ихъ древнемъ происхожденіи.

„Остатки вліянія несторіанскихъ христіанъ на племена тюркскаго происхожденія,"—кивнулъ головой капитанъ №, указывая на памятники. . .

Чѣмъ дальше внутрь края, тѣмъ больше ихъ будете встрѣчать, а отъ поста Баятъ-Ходжа начинаются и идутъ по направленію къ Красноводску города. Жили когда-то здѣсь вездѣ христіане несторіанскаго толка. То самое царство попа Ивана, о которомъ говорится въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ. Мусульмане заимствовали у нихъ форму памятниковъ, только впослѣдствіи концамъ креста стали придавать форму рукъ съ пальцами, у болѣе же старыхъ концы обсѣчены или закруглены... Много здѣсь разбросано сѣдой старины, ожидающей археолога, но только, видимо, долго ждать придется. Такія мѣста начинаются, что нѣтъ возможности порою и добраться. Въ особенности интересны раз-

валины Дашъ-Верды въ сторону отъ Чата; будете проѣзжать, обратите вниманіе. . . А вотъ уже и Гасанъ-Кули. . .

Впереди, тѣсною группою вырисовывались туркменскія кибитки, среди которыхъ на небольшой площадкѣ выдѣлялся бѣлый домъ русской постройки —кордонъ пограничной стражи. Тутъ же на краю аула выдѣлялись три—четыре кибитки, стоящія отдѣльно. . .

—Прокаженныя здѣсь живутъ,—повернулъ голову капитанъ, указывая на нихъ. . .

Проказа — какое страшное слово для европейскаго слуха. . . Съ невольнымъ чувствомъ какой-то робости взглянули мы на эти кибитки, около которыхъ стояла небольшая группа людей, съ любопытствомъ насъ разсматривающихъ.

—Болѣзнь страшная, удвлетворилъ наше любопытство докторъ, но по здѣшнимъ мѣстамъ къ ней привыкли, и она не возбуждаетъ ни въ комъ страха. Сила привычки великое дѣло, а здѣсь она существуетъ вѣками. Вспомните лишь священную исторію, страданія Іова, рядъ исцѣленій прокаженныхъ Христомъ. Болѣзнь эта стара, какъ міръ, а очагомъ ея во всѣ времена былъ востокъ. Въ иныхъ мѣстахъ правительство въ свое время изолировало ихъ, а въ иныхъ на нихъ не обращалось никакого вниманія. Народонаселеніе слишкомъ освоилось съ этой болѣзнью, находя ее даже незаразительною, поэтому чуть не во всѣхъ аулахъ прокаженные живутъ бокъ о бокъ съ здоровыми. Какъ на куріозъ въ этомъ отношеніи могу вамъ сказать, что

мнѣ пришлось видѣть, какъ эти самые прокаженные здѣсь занимались приготовленіемъ икры для продажи. . . Правильное устройство жизни прокаженныхъ необходимо. . . Теперь у насъ этотъ вопросъ на очереди. Подготовительныя работы въ этомъ направленіи ведутся. Для изслѣдованія положенія прокаженныхъ былъ командированъ одинъ изъ врачей. Какъ говорятъ, для помѣщенія всѣхъ прокаженныхъ выбраны острова Челекенъ или Огурчинскій. Но дѣло требуетъ слишкомъ большихъ затратъ, а поэтому трудно поставить его въ скоромъ времени въ нормальное положеніе. Кстати сказать, и у врачей на эту болѣзнь опредѣленнаго взгляда еще не установилось. . . Они доказываютъ заразительность ея и считаютъ необходимымъ предпринимать полную изоляцію заболѣвшихъ, а другіе говорятъ совершенно противное. Были даже случаи, когда врачи дѣлали себѣ прививки крови, взятой у прокаженныхъ, а въ результатѣ оставались послѣ прививокъ совершенно здоровыми. Хотя я не спеціалистъ по этой части, но таковые говорятъ, что, будто бы, по этому еще нельзя судить, заразительна болѣзнь, или нѣтъ. Результаты прививки могутъ оказаться черезъ 10-20-30 лѣтъ, а то и во второмъ или въ третьемъ поколѣніи. . . Я самъ видѣлъ случай, когда у людей здоровыхъ рождались дѣти, одержимыя проказою. . . Хотя видѣлъ и обратныя явленія. У прокаженныхъ рождались совершенно здоровыя дѣти. . . Вотъ и разберите, кто правъ. . . Болѣзнь во всякомъ случаѣ страшная. Какъ ни говорите, медленная смерть, да и страданія

порядочныя, а при всемъ томъ сознаніе, что никто и ничѣмъ вамъ помочь не можетъ. Годами длится обыкновенно эта болѣзнь. Иные живутъ даже очень долго. Ну, а туземцы относятся къ ней какъ-то особенно безразлично — не обращаютъ вниманія. Укажутъ мѣсто для нихъ въ аулѣ, сгуппируютъ лишь ихъ вмѣстѣ и продолжаютъ жить бокъ о бокъ, встрѣчаясь съ ними ежедневно. . .

Со стѣсненнымъ сердцемъ смотрѣли мы на этихъ несчастныхъ пораженныхъ ужасною болѣзнью, бороться съ которою наука пока безсильна. . . Провалившіеся носы, изъязвленныя лица, сведенныя конечности долго мерещились мнѣ въ послѣдствіи. . .

Длиннымъ рядомъ вытянулись по всему берегу Гасанъ-Кулинскаго залива темныя одномачтовыя шлюпки, принадлежащія рыбопромышленникамъ гасанъ-кулинскихъ ватагъ. Мелководье залива мѣшаетъ причаливать съ самому берегу. Ватаги, работающія здѣсь, ловятъ много осетровъ и бѣлугъ; засолъ рыбы и заготовленіе балыковъ оставляютъ желать много лучшаго. Хотя гасанъ-кулинская икра и славится по всѣму восточному побережью, но на самомъ дѣлѣ она не принадлежитъ къ высшимъ сортамъ, чему главною причиною служитъ здѣшняя соль, придающая икрѣ немного горьковатый вкусъ. Мелководье залива представляетъ собою одно изъ излюбленныхъ мѣстъ для рыбы, идущей въ устье р. Атрека, впадающаго въ заливъ, метать икру. Аулъ этотъ извѣстенъ былъ давно, какъ разбойничій притонъ, откуда туркмены выходили на своихъ шлюпкахъ грабить персидскіе берега. Смѣ-

лость и предпріимчивость этихъ морскихъ пиратовъ была изумительна. Въ настоящее время набѣги эти прекратились, но за то взамѣнъ ихъ возникъ контрабандный промыселъ. Благодаря близости факторіи Гязь, находящейся въ Персіи, на такъ называемомъ Гязьскомъ берегу, у впаденія р. Гюргена въ море, доставка въ русскіе предѣлы контрабаднаго товара, при незначительности надзора за восточнымъ побережьемъ и пустынности его, крайне легка, въ особенности, если вспомнить, что отъ Чикишляра до Красноводска по берегу на пространствѣ болѣе 300 верстъ нѣтъ ни одного пограничнаго поста. Весь контрабандный товаръ доставляется преимущественно къ аулу Серебряный бугоръ и въ Хивинскій заливъ, откуда уже на верблюдахъ перевозится въ хивинскія владѣнія. Главными предметами контрабанды являются въ настоящее время чай и отчасти различныя персидскія, а главное англійскія ткани. Громадныя заросли камыша около устьевъ Атрека способствуютъ также контрабандному промыслу. . .

„Самое лучшее, чтобы вполнѣ ознакомиться съ положеніемъ торговли въ этомъ краѣ, съѣздите на гязьскій берегъ, — совѣтовалъ приставъ, капитанъ №“. . .

„Много увидите новаго. . . Это такой чудный уголокъ, прямо зависть беретъ, что это не наши владѣнія.. . Астрабадскій заливъ осмотрите, да и съ нашей Ашуръ-Адинской военно-морской станціей познакомитесь. . . Кстати шлюпка хорошая есть, да и вѣтеръ попутный, — уговаривалъ насъ змѣй-искуситель въ образѣ милѣйшаго капитана. Времени много не потребуется для этой поѣздки.“

Предложеніе было слишкомъ заманчиво, чтобы отъ него отказаться, и часа три спустя мы уже быстро неслись на туркменской шлюпкѣ по направленію къ Астрабадскому заливу, пользуясь поднявшимся попутнымъ вѣтромъ.

Берегъ узкой полосою то появлялся, то снова скрывался отъ нашихъ взоровъ, теряя постепенно, по мѣрѣ приближенія къ Ашуръ-Адинскому заливу, свой желтоватый оттѣнокъ. . . Кое-гдѣ показывались на немъ темныя пятна зелени, разнообразя своей окраскою однообразный колоритъ песчаной равнины. Порой надъ нашей шлюпкой, разсѣкая крыльями воздухъ, проносились стада дикихъ гусей и утокъ, съ рѣзкими криками быстро направляясь къ прибрежнымъ отмелямъ, покрытымъ водяною растительностью, въ видѣ куги и камыша. Вся прибрежняя полоса кишѣла пернатыми. Гуси, утки различныхъ породъ при нашемъ приближеніи поднимали крикъ, среди котораго металлическими нотами слышались голоса лебедей. . . Опустивъ въ воду свой красный клювъ или же стоя на одной ногѣ, тутъ-же виднѣлись красивые фламинги. . . Наблюдая открывающіяся передъ нами картины, мы совершенно не замѣчали времени, тѣмъ болѣе, что ровный попутный вѣтерь быстро несъ нашу шлюпку, которая, плавно ныряя на волнахъ, шла съ громадною быстротою, какъ будто спѣша добраться до цѣли нашей поѣздки.

Островъ Ашуръ-Аде, лежащій при входѣ въ Астрабадскій заливъ, давно уже сдѣлался русскою факторіей въ персидскихъ владѣніяхъ. По Чард-

жуйскому договору устроена была на этомъ островѣ военно-морская станція для защиты интересовъ русскихъ подданныхъ, а также для прекращенія морскихъ разбоевъ на Восточномъ побережьи Каспійскаго моря. Одновременно станція эта является военною силою, служащей нашему посланнику при персидскомъ дворѣ. Подчинена она въ военно-морскомъ отношеніи морскому министерству, а въ административномъ посланнику, отъ котораго и получаетъ всѣ распоряженія. Въ настоящее время на начальника этой станціи также возложено разбирательство всѣхъ недоразумѣній, возникающихъ между русскими рыбаками и рыбопромышленникомъ Ліанозовымъ, арендующимъ персидскія воды Каспійскаго моря. Кромѣ устроенныхъ складовъ и нѣсколькихъ домовъ, въ которыхъ живутъ нѣкоторые изъ служащихъ, на островѣ есть рыбацкія ватаги. Невдалекѣ же на рейдѣ здѣсь всегда стоитъ нѣсколько крейсеровъ нашего военнаго флота, принадлежащіе къ Каспійскому флотскому экипажу, находящемуся въ гор. Баку.

Быстро проходитъ мимо острова нашъ шлюпъ, обмѣниваясь салютомъ съ стоящимъ на якоряхъ военнымъ крейсеромъ, и черезъ нѣкоторое время прямо передъ нами вырисовывается гязьскій берегъ съ расположенною на ней факторіею Гязь. Весь берегъ пристани въ Гязи покрытъ различными товарами, указывающими, что фирмы находящіяся здѣсь, ведутъ значительную торговлю съ Персіей, отправляя товары изъ Гязи въ гор. Астрабадъ и далѣе. Довольно значительная факторія производитъ впеча-

тлѣніе небольшаго города, до крайности грязнаго. Разбросанный на значительномъ пространствѣ городокъ этотъ бойко торгуетъ съ Персіей, получая изъ Россіи мануфактурный товаръ, стеклянныя и фарфоровыя издѣлія, а изъ Персіи фрукты въ свѣжемъ и сухомъ видѣ, хлопокъ, кошмы, чай и сахаръ, причемъ два послѣднихъ рода товаровъ проникаютъ въ русскіе предѣлы преимущественно контрабандньмъ образомъ. Кромѣ того, въ Гязь много привозится изъ за-границы шампанскаго, винъ, сигары и табакъ, которые предназначаются для Тегерана и вывозятся туда черезъ Мешедесеръ.

Весь гязьскій берегъ покрытъ богатой растительностью, въ особенности значительною около устьевъ р. Кара-Су и Гюргена. Громадные лѣса различныхъ древесныхъ породъ производили въ особенности пріятное впечатлѣніе. Глаза наши, совершенно отвыкшіе видѣть зелень, отдыхали при видѣ темно-изумрудной свѣжей зелени лѣснаго покрова. Картины настоящей лѣсной глуши открывались передъ нами... Могучіе вѣковые дубы чередовались съ колоссальными карагачами, чинарами, орѣшникомъ и другими деревьями. Заросли камышей казались безконечными, сплошной стѣной закрывая берега. Испуганныя нами стада дикихъ гусей, утокъ и другой водяной птицы поднимались изъ камышей въ огромномъ количествѣ. Обойдя на шлюпкѣ большую часть залива и заглянувъ въ устья р.р. Кара-Су, Баху и Гюргена, шлюпка шла, направляясь обратно въ Гасанъ-Кули. Всѣ берега залива были покрыты дивной растительностью. Заросли гранатника, шипов-

ника и камышей тянулись непрерывно. Масса слѣдовъ по всѣмъ направленіямъ указывала на громадное количество дикихъ звѣрей различныхъ породъ, пріютившихся въ этихъ лѣсныхъ зарослякъ.

„Что, моя правда? спросилъ меня докторъ, прерывая мои наблюденія

Дивный край, что и говорить. Жаль, мы не имѣли возможности заглянуть въ эти дебри поглубже. Кабы было время, куда какъ интересно до Астрабада добраться, а этого сдѣлать и не удалось... Плохо, что мы и на станцію не заглянули... У нихъ тамъ живется скучновато, потому что однообразіе одолѣваетъ, но, все-таки, жить можно; человѣкъ 20 офицеровъ, доктора, свой клубъ есть... Много офицеровъ живутъ съ семьями. Сообщеніе съ Баку и Красноводскомъ поддерживается военными крейсерами и пароходами общества „Кавказъ и Меркурій“, совершающими сюда срочные рейсы... Ну, а все-же чувствуется, что люди заброшены въ эту трущобу и оторваны отъ всего роднаго.

Впереди показался Гасанъ-Кулинскій заливъ покрытый мелкими рыбачьими судами. Бѣлые громадные паруса придавали имъ видъ стай громадныхъ птицъ, плывущихъ по заливу. На берегу у пристани слышались перебранка и крикъ... Отчаливали и выходили въ море запоздавшія шлюпки рыбопромышленниковъ.

Какъ на интересную особенность гасанъ-кулинскаго побережья можно указать на значительное количество сопокъ лежащихъ по берегу. Всѣ эти сопки выдѣляютъ въ большомъ количествѣ свѣтильный

газъ, который легко можно зажечь поставивъ надъ сопкою желѣзное ведро или желѣзный же бетонъ отъ керосина и пробивъ въ немъ небольшое отверстіе. Скопляющіеся газы при выходѣ изъ отверстія легко воспламеняются и устроенный такимъ способомъ очагъ часто служитъ рыбакамъ для приготовленія пищи.

IV.

Беумбашъ.—Чаатлы.—Кумбетъ.—Гаузъ.

Выѣхавъ изъ Гасанъ-Кули и повернувъ на востокъ, мы вытянулись длинной вереницей, направляясь паралельно телеграфной линіи, проведенной въ укрѣпленіе Яглы-Олумъ и далѣе до Кизиль-Арвата. Кони наши шли бодро, лишь порою увязая въ солончаковой почвѣ. Впереди, на необъятное пространство разстилалась равнина, вся изрѣзанная неглубокими ложбинами, по которымъ далеко внутрь края, гонимыя вѣтромъ, входятъ воды Каспійскаго моря. Переѣхавъ, наконецъ, черезъ послѣдній протокъ и оставивъ море далеко за собою, мы вступили въ пустыню. Съ лѣвой стороны, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дороги, возвышалась среди равнины довольно высокая нефтяная сопка. На землѣ кое-гдѣ виднѣлись жирныя пятна, указывающія на присутствіе въ этихъ мѣстахъ нефти, разработка которой недавно уже начата. Послѣ произведенныхъ здѣсь развѣдокъ, подтвердившихъ нахожденіе нефти въ довольно значительномъ количествѣ, на многіе

участки вдоль берега были поданы заявки и поставлены заявочные столбы. Но въ общемъ дѣло разработки нефти на здѣшнемъ побережьи находится въ зачаточномъ состояніи.

Желтый колоритъ окрестностей угнетающимъ образомъ дѣйствовалъ на наше настроеніе, особенно при воспоминаніи о роскошной растительности, только что видѣнной по долинѣ Гюргена и Кара-Су. Все вокругъ казалось мертвымъ и нигдѣ не замѣчалось никакихъ признаковъ жизни лишь въ дали среди равнины темнѣлъ какой то странный предметъ, похожій на огромный кубъ...

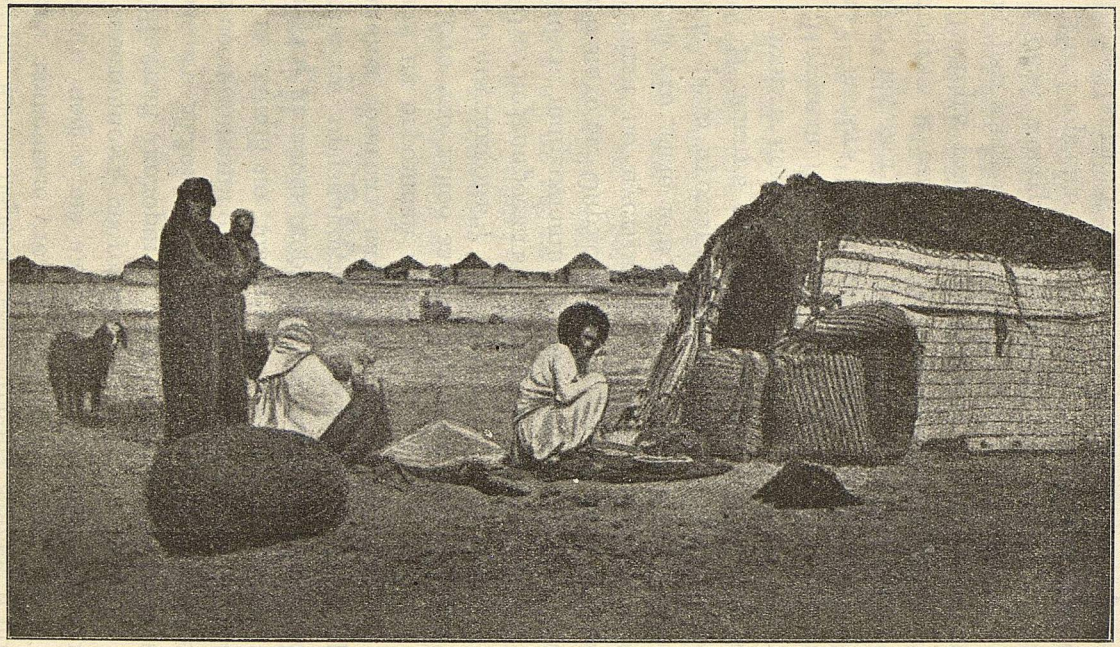
„Это что такое заинтересовался кто то изъ нашихъ спутниковъ“?

—Это? переспросилъ докторъ всматриваясь въ указанномъ направленіи. То-же памятникъ Лазаревскаго похода. Опрѣснитель... привезли его сюда и потащили по пустынѣ. А какъ увидѣли, что доставка его дѣло невозможное, такъ взяли и бросили здѣсь среди пустыни въ назиданіе вѣроятно потомству. И лежитъ онъ много лѣтъ возбуждая удивленіе дикихъ номадовъ пустыни...

„Неужели вся дорога наша будетъ въ этомъ же родѣ?—задалъ я вопросъ, желая имѣть хоть нѣкоторую надежду, что поѣздка по этимъ ужаснымъ мертвымъ мѣстамъ будетъ непродолжительна“.

Докторъ только свиснулъ и, весело подмигнувъ мнѣ, разсмѣялся... Хуже будетъ, это вѣрно, отрѣзалъ онъ, всматриваясь вдаль.

„Вы Гюргенъ забудете—тутъ вся при атрекская степь до Чаатловъ такая же; дальше тоже пустыня,

Туркменское кочевье.

но хоть холмы и горы есть, и то слава Богу. Глаза на нихъ отдыхаютъ, не то что на этой равнинѣ, гдѣ и глазу остановиться не на чемъ. Іомуды еще не перешли изъ Персіи на Атрекъ на лѣтнія кочевки, поэтому въ это время года здѣсь никого не встрѣтишь. Развѣ здѣсь шакалы да гіены одни бродятъ.

—Вѣдь эти мѣста чѣмъ интересны: здѣсь населеніе все кочевое; туркменскія племена: Іомуды, акъ-атабайцы и джафарбайцы кочуютъ то на персидской, то на нашей территоріи. Зимою на Гюргенѣ, въ Персіи и даже переходятъ дальше въ пустыню Кевиръ, а лѣтомъ, когда тамъ все выжигается солнцемъ, перекочевываютъ къ намъ на Атрекъ. Подати они платятъ, какъ уже я раньше вамъ говорилъ, и персидскимъ, и нашимъ властямъ, почему ихъ и называютъ двуданниками. Перейдетъ какой нибудь родъ изъ Россіи въ персидскіе предѣлы, наткнется на персидскую власть и если та съ конвоемъ и поэтому можетъ считаться сильнѣе, то платитъ дань безпрекословно; если же нѣтъ, то кто кого осилитъ. У насъ же проще всего: наши пристава ведутъ имъ списки по родамъ и какъ только они къ намъ перекочевываютъ, такъ сейчасъ же собираютъ съ нихъ подать. Но самое курьезное это то что бываютъ случаи недоимокъ... Изъ перекочевавшаго цѣлаго рода останутся въ Персіи по какимъ нибудь причинамъ одинъ-два человѣка. По списку и оказывается, что на столько то рублей получено меньше, чѣмъ слѣдовало—значитъ кого нибудь нѣтъ. Узнаютъ, кто отсутствуетъ и посылаютъ

взыскивать недоимку въ Персію. Помощникъ чикишлярскаго пристава, подпоручикъ милиціи Кара-Ханъ такъ тотъ неоднократно отправлялся внутрь Персіи и собиралъ тамъ на мѣстѣ дань съ недоимщиковъ.

— И ничего. . . Ни разу никакихъ недоразумѣній не было. Въ этомъ отношеніи престижъ русскаго имени стоитъ высоко; русскаго помощника пристава никто не осмѣлится пальцемъ тронуть... Да и по существу туркмены Шахскому правительству въ дѣйствительности податей не платятъ, и пространство отъ р. Атрека до склоновъ Иранскаго плоскогорія принадлежитъ Персіи лишь номинально... Въ прошломъ году белгійцы, организовавшіе таможеное дѣло въ Персіи, обложили пошлиною торговыя сношенія туркменъ съ персидскимъ населеніемъ. Это вызвало огромное волненіе и повело къ полному разрыву между ними и персидскими властями. . . Астрабадскій губернаторъ собралъ 6000 войска, а юмуды всѣ вооружились, и чуть не произошло столкновенія..

Пустыня между тѣмъ дѣлалась какъ-то мрачнѣе и безотраднѣе, и вся ея унылая картина дѣйствовала особенно сильно на нервы. Невольно появилось какое то угнетающее настроеніе, благодаря которому чувствовался особый необъяснимый страхъ передъ этою мертвой пустыней. Смотря на разстилавшуюся передъ нами безконечную равнину, являлось сознаніе своего полнаго безсилія передъ страшною и таинственною силою природы. Совершенно незамѣтно мы понижали голосъ и въ концѣ концовъ разговаривать стали въ полголоса. Мертвая

тишина пустыни напоминала кладбище... Однообразіе разстилавшейся передъ нами мѣстности уже начинало надоѣдать, когда вдали показался передъ нами пограничный постъ. Рѣзко выдѣляясь на ровной мѣстности, постъ видѣнъ былъ на громадномъ разстояніи. Казалось, до него было не больше какъ 2—3 версты; между тѣмъ лишь черезъ два часа ѣзды перемѣнными алюрами мы остановились передъ небольшимъ домикомъ, въ которомъ временно помѣщался постъ. Весь онъ, даже при первомъ взглядѣ, производилъ впечатлѣніе легкой лѣтней постройки. По ближайшемъ осмотрѣ мы съ изумленіемъ увидѣли, что постъ весь картонный. Небольшія окна освѣщали внутренность этого зданія, представлявшаго собою ничто иное, какъ одинъ изъ переносныхъ бараковъ датской системы, которые были въ свое время на нижегородской выставкѣ, а затѣмъ, при устройствѣ пограничной линіи въ Средней Азіи, явились временными помѣщеніями для нижныхъ чиновъ пограничной стражи впредь до постройки постоянныхъ постовыхъ зданій. Сдѣланный изъ деревянныхъ рамъ, обитыхъ толстымъ, пропитаннымъ особымъ составомъ и покрашеннымъ картономъ, домикъ по всѣмъ соединеніямъ имѣлъ порядочныя щели. Маленькая комнатка начальника поста съ двумя чуланчиками, приспособленными для цейхгауза и кладовой, и большая комната, въ которой стояло около 20 кроватей, составляла все помѣщеніе. Около барака виднѣлись стѣны начатой постройки... Тутъ-же невдалекѣ, на коновязи, подъ небольшимъ навѣсомъ изъ тростника, стояли казенныя лошади, а около глубокаго колодца

вырыта была въ землѣ небольшая яма, наполненная водою. Десятка два овецъ въ перемежку съ курами бродили тутъ-же. Испытующе посматривая на свѣтъ Божій и всѣмъ своимъ видомъ выражая крайнее любопытство, около самыхъ дверей въ баракъ остановилось нѣсколько свиней, поджарыхъ какъ борзыя собаки... Картина жизни въ пустынѣ освѣщена была косыми лучами заходившаго солнца, придававшими окрестностямъ ярко оранжевый оттѣнокъ.

— Вѣроятно, не особенно пріятно живется въ этихъ картонныхъ домикахъ,—поинтересовался я узнать у ротмистра №, командовавшаго отрядомъ и сопровождавшаго насъ по своей дистанціи...

— Да, не особенно,—отвѣтилъ онъ, окидывая презрительнымъ взглядомъ баракъ.

— Можетъ быть гдѣ нибудь около Петербурга на дачѣ лѣто въ немъ прожить можно, да и то, я думаю, пополамъ съ горемъ. Ну, а здѣсь это шведско-датское изобрѣтеніе не особенно у мѣста. Сами посудите, лѣтомъ въ немъ жара невыносимая; когда на солнцѣ свыше 50° по Реомюру, такъ въ баракѣ все равно какъ въ духовой печкѣ — въ собственномъ соку можно сжариться. Во время же вѣтра такъ просто бѣда: щелей порядочно, какъ вы и сами видѣли; песокъ проникаетъ во всѣ отверстія и прямо отравляетъ существованіе... Зимою же холодно. Печь сколько ни топи — все равно выдуетъ тепло.

— Весною еще хуже: одолѣваютъ комары, отъ которыхъ нѣтъ никакого спасенія. Это положитель-

но бичъ здѣшнихъ мѣстъ. Ночью, порою, только и спасенія отъ нихъ, что пологъ. Влѣзете подъ него, подоткнетесь со всѣхъ сторонъ, да такъ и спите, Душно при этомъ до невозможности, а ничего не подѣлаешь, приходится терпѣть. Укусы же ихъ страшно болѣзненны. Кромѣ нихъ, масса оводовъ и всякаго гнуса. Туркмены на это время отгоняютъ своихъ верблюдовъ подальше отъ Атрека. Забиваетъ ихъ оводъ, и масса изъ нихъ дохнетъ. Хвоста природа верблюду не дала, значитъ, защиты никакой нѣтъ, а шерсть-то къ этому времени у нихъ вылиняла—выходитъ, что верблюдъ почти совсѣмъ голый... Крайне странно, что это огромное животное такъ нѣжно, что не выдерживаетъ укусовъ оводовъ, которые въ добавокъ еще кладутъ свои яички подъ кожу.

Пройдя съ десятокъ верстъ, мы выѣхали къ Атреку, по берегу котораго проложена была конная тропа. Атрекъ въ этомъ мѣстѣ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ течетъ двумя руслами, при чемъ эти русла носятъ названіе стараго и новаго Атрека.

Близъ самой рѣки физіономія мѣстности имѣетъ совершенно другой характеръ. Густыя заросли камыша покрываютъ берегъ рѣки у самой воды, а дальше, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ саженей, вся земля покрыта густымъ чаиромъ (трава, годная для корма, но мало питательная и содержащая въ себѣ незначительное количество сока). Кое-гдѣ по берегу виднѣются группы кибитокъ, принадлежащихъ іомудамъ, пришедшимъ сюда на кочевку

Всѣ камыши изобилуютъ здѣсь кабанами по всему нижнему теченію рѣки.

Совершенно незамѣтно, за оживленными разговорами, мы подъѣхали къ посту Караташъ, невдалекѣ отъ котораго расположился на лѣтовку большой туркменскій аулъ, выпедшій почти весь на встрѣчу ѣхавшему генералу; ставъ въ одну линію громаднымъ полукругомъ, со старѣйшими по возрасту и самыми почетными на правомъ флангѣ, туркмены въ глубокомъ молчаніи ожидали нашего приближенія. Два сѣдобородыхъ аульныхъ старшины держали въ рукахъ деревянное блюдо съ нѣсколькими лепешками на немъ... Приложивъ правую руку къ сердцу и въ знакъ почтенія опустивъ глаза внизъ, встрѣтили іомуды русскаго генерала. Сѣдобородый важный старшина сказалъ при этомъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, смыслъ которыхъ кое какъ, съ грѣхомъ пополамъ, перевелъ на русскій языкъ одинъ изъ сопровождавшихъ насъ вольнонаемныхъ джигитовъ.

— Туркмены радуются прибытію генерала Бѣлаго Царя и желаютъ, чтобы дорога его была благополучна при переѣздахъ по здѣшнимъ пустынямъ,— докладывалъ джигитъ Сафаръ, вытянувшись въ струнку и поѣдая глазами генерала.

— Передай, что я благодарю ихъ за пожеланія. Да нельзя ли дать имъ денегъ; „на водку не принято, да и кораномъ запрещается“—размышлялъ вслухъ генералъ, соображая и подыскивая подходящіе мотивы, что-бы дать имъ нѣкоторую сумму денегъ.

— Это вы напрасно, генералъ, дѣлаете, вѣдь для нихъ ваша встрѣча все равно, какъ безплатное представленіе. Кабы можно было ихъ разспросить, такъ они вамъ сами бы сказали, что готовы заплатить сколько угодно, лишь бы посмотрѣть еще разъ на русскаго генерала съ такою свитою, какъ наша. Такая томаша [1]) въ здѣшнихъ мѣстахъ рѣдко бываетъ, поэтому вѣроятно многіе изъ нихъ пріѣхали сюда издалека, сдѣлавъ не одинъ десятокъ верстъ.

Принявъ хлѣбъ-соль, состоявшую изъ громадной прѣсной лепешки съ насыпанною на ней кучкой соли, генералъ, не обращая вниманія на протесты со стороны туркменъ, вручилъ старшинѣ золотой, приказавъ передать его дѣтямъ на покупку имъ какихъ-либо сластей.

Устроившись на ночлегъ въ датскомъ баракѣ, въ которомъ временно былъ расположенъ постъ Караташъ, мы почти всю ночь не спали. Миріады комаровъ, москитовъ и т. п. гнуса съ ожесточеніемъ совершали на насъ нападенія. Огромныя ихъ полчища стаями носились въ воздухѣ, поднимаясь изъ густыхъ зарослей камыша, густо покрывавшаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега Атрека. Забравшись подъ густой пологъ и не будучи въ состояніи заснуть, я возился долго, переворачиваясь съ боку на бокъ и, наконецъ, увидавъ полную невозможность уснуть, окликнулъ доктора...

— А, вы тоже не спите,—быстро заговорилъ онъ, раскачивая полотнища полога...

— Ну и сторонушка; на что я, казалось бы, дол-

[1]) Томаша—зрѣлище.

женъ бы привыкнуть, а выходитъ нѣтъ, къ такой гадости не привыкнешь; и жарко, и эти москиты не даютъ ни минуты покоя... Даже и подъ пологомъ кусаютъ проклятые. Вотъ туркмены, такъ тѣ на всю эту мошкару не жалуются. Должно быть кожа у нихъ настолько загрубѣла, что не чувствуютъ ничего. Да и организмъ освоился съ дѣйствіемъ яда москитовъ... Одно, что всѣхъ здѣсь донимаетъ— это лихорадки... Повѣрите, какъ мухи мрутъ здѣшнія туркменскія племена отъ маляріи. Да и помощи медицинской никакой. Хорошо еще, что по распоряженію начальства имъ въ лѣтнее время хину выдаютъ безплатно...

— А какого происхожденія туркмены? заинтересовался одинъ изъ нашихъ спутниковъ, также видимо не могшій заснуть и поэтому прислушивавшійся къ разговору...

— Чертъ ихъ разберетъ,—откровенно выругался докторъ.—Они-то сами разсказываютъ, что родина ихъ Арабистанъ, откуда ихъ вывелъ Тимуръ и поселилъ на югѣ теперешнихъ хивинскихъ владѣній, а частью въ Бухарѣ. Затѣмъ подъ вліяніемъ движенія различныхъ народовъ, селившихся съ ними рядомъ, имъ пришлось уйти, и тогда они заняли мѣсто отъ Балаханскаго залива къ югу, а также и весь Мервскій и Тедженскій округа. Здѣсь, кажется, они кочуютъ съ незапамятныхъ временъ. Вѣдь, въ сущности, названіе туркменъ есть имя собирательное, обозначающее лишь принадлежность къ тюркской народности.

— По другимъ сказаніямъ, говорятъ, они кочевали

около Тянь-Шаня и лишь впослѣдствіи выселились въ эти мѣста. Они то были самостоятельными, то подпадали подъ власть персовъ; хотя самостоятельнымъ государствомъ они никогда не были. Разбойничали, кочевали съ мѣста на мѣсто и постоянно враждовали между собою, а доставалось отъ нихъ больше всего персидскимъ провинціямъ, которыя они грабили безъ милосердія. Персія же хоть и считала ихъ своими подданными, но это подчиненіе было въ сущности номинальнымъ. Властители всегда побаивались своихъ подданныхъ и даже устраивали для огражденія себя цѣлый рядъ крѣпостей. Что и говорить, разбойники народъ. Они и теперь, нѣтъ нѣтъ, а прорвутся. Въ крови у каждаго есть стремленіе къ разбоямъ.

— И хивинскимъ ханамъ, хотя они и въ родствѣ съ хивинцами числятся, досталось отъ нихъ порядочно... А уже про Хоросанъ и говорить нечего. Вѣдь и намъ они въ свое время порядочно хлопотъ надѣлали...

— Въ отношеніи же преданій срединихъ, какъ и у всѣхъ жителей востока, существуютъ разсказы объ ихъ происхожденіи, по которымъ первый человѣкъ назывался Адамомъ—затѣмъ встрѣчается Мафусаилъ и наконецъ Ной... Одно изъ туркменскихъ племенъ, гокланы, тѣ ведутъ свое происхожденіе отъ Огузъ-Хана, жившаго за 5 тысячъ лѣтъ около озера Исы-Куль откуда они перешли въ Закаспійскій край—здѣсь на мѣстѣ колодцевъ Дашъ Верды была ихъ столица—городъ Мешеди-Мысріянъ. По персидскимъ преданіямъ это былъ огромный городъ.

Выѣхавъ на зарѣ и продолжая разговоры, мы такъ заговорились, что совершенно незамѣтили, какъ добрались до укрѣпленія Чаатлы. Послѣднее было построено еще во время завоеванія края, служа отчасти какъ опорный и отчасти какъ этапный пунктъ для нашихъ войскъ, расположенныхъ въ то время въ Чикишлярѣ и Яглы-Олумѣ. Десятокъ домовъ какъ-то особенно сиротливо вырисовывались среди необъятной пустынной равнины... Деревянный высокій мостъ черезъ Атрекъ, построенный недавно, велъ въ укрѣпленіе, обнесенное невысокимъ валомъ. Необходимость постояннаго наблюденія за дѣйствіями приграничныхъ нашихъ и персидскихъ туркменъ вынудила установить особую должность пограничнаго съ Персіей комиссара, для поддержанія престижа котораго среди туркменъ, признающихъ и уважающихъ лишь силу, былъ образованъ особый отрядъ, который въ настоящее время состоитъ изъ роты пѣхоты, сотни туркменскаго конно-иррегулярнаго дивизіона и двухъ артиллерійскихъ орудій. Пограничный нашъ комиссаръ, жившій въ укрѣпленіи Чаатлы, скоро принужденъ былъ перемѣнить мѣсто своего пребыванія, при чемъ, оно было имъ избрано уже на персидской территоріи, въ центрѣ іомудскихъ кочевокъ, въ мѣстности называемой Кумбетъ-Гаузъ, лежащій въ ста слишкомъ верстахъ отъ русской границы. Для охраненія его отъ возможныхъ случайностей былъ назначенъ особый конвой, который въ настоящее время состоитъ изъ цѣлой сотни туркменскаго дивизіона и двухъ орудій. Такимъ образомъ въ сущности вся терри-

торія до рѣки Гюргена фактически принадлежитъ Россіи. Несмотря на возмущеніе туркменскихъ племенъ противъ персидскихъ властей русскій отрядъ не испытываетъ отъ такого положенія вещей никакихъ затрудненій. Передъ русскимъ престижемъ одинаково склоняются и персидскія власти и старшины туркменскихъ племенъ. Туркмены часто говорятъ, что для нихъ не составляло бы никакого затрудненія истребить русскій отрядъ, но что они сами сознаютъ безполезность такого предпріятія, такъ какъ силы Акъ Падишаха несчетны и воиновъ у него столько, сколько песчинокъ въ пустынѣ. Если потребуется то вмѣсто маленькаго отряда появится огромный въ сотни тысячъ человѣкъ. Значеніе русскаго имени такъ велико, что по Гюргену русскій можетъ проѣхать одинъ безъ всякаго конвоя и оружія.

Десятокъ офицеровъ частей войскъ, стоящихъ въ Чаатлахъ живутъ своимъ маленькимъ міркомъ, съ нетерпѣніемъ каждый ожидая отбытія 6-ти-мѣсячнаго срока своей командировки, чтобы возвратиться обратно въ свой баталіонъ или батарею. Скучно и однообразно тянется ихъ жизнь. Охота на джерановъ и ловля рыбы въ Атрекѣ мало разнообразятъ монотонную жизнь Чаатлинскаго гарнизона. Джераны, принадлежащіе къ породѣ антилопъ, въ большомъ количествѣ водятся по всей Закаспійской области и въ особенности по пустыннымъ берегамъ Атрекской линіи. Мало напуганное людьми, очень красивое животное, вслѣдствіе тонкости вкуса своего мяса и трудности охоты за нимъ,

представляетъ собою заманчивую добычу для охотника. Желтовато-песочнаго цвѣта шкурка употребляется туркменами на выдѣлку замши и отчасти обуви. Широко разливаясь по окружающимъ низменностямъ, бурно несетъ свои воды быстрый Атрекъ въ теченіи лишь зимнихъ мѣсяцевъ, превращаясь лѣтомъ въ небольшой ручей, скудно орошающій поля нѣсколькихъ ауловъ, расположенныхъ по его теченію. Начиная съ Октября мѣсяца прибываетъ вода, выступая изъ береговъ и наполняя всѣ прибрежныя впадины... Болота поросшія камышемъ и чаиромъ, превращаются въ сплошныя озера, на которыхъ въ неимовѣрномъ количествѣ появляется водяная птица, отдыхающая здѣсь послѣ утомительнаго перелета съ Сѣвера.

— Приволье здѣсь для охотника. Только въэтомъ и отрада. Какъ только начнутся разливы—мы ужъ тогда живемъ во всю, сообщилъ хмурый казачій сотникъ...

— Цѣлыя экспедиціи охотничьи предпринимаемъ... Соберемся этакъ 3—4 человѣка, да на зарѣ и двинемся въ походъ... Ѣхать приходится недалеко, всего 5—6 верстъ. И лишь только подъѣдешь къ разливамъ, какъ слышатся звуки, такого концерта что сердце заправскаго охотника замирать начинаетъ... Птицы сотни тысячъ. И гуси и лебеди и утки... Все это кричитъ, хлопаетъ крыльями и перекликается. Про мелкую птицу куликовъ, гаршневъ и говорить не стоитъ. Ихъ тьмы. Какъ засядешь въ камышъ, такъ палишь потомъ пока не устанешь. Въ азартъ входить начинаешь и много

поэтому птицы мы даромъ губимъ безъ всякаго толка...

— Гусиный перелетъ еще лучше... Тутъ ужъ осторожность соблюдаешь большую, потому что птица-гусь умная, а только противъ пули изъ дальнобойной винтовки и осторожность ея не помогаетъ... Какъ наколотишь дичи, такъ потомъ станичники до весны все соленую, да копченую дичину ѣдятъ... А потомъ кабаны—этихъ здѣсь тоже много, цѣлыми табунами ходятъ... Большое приволье въ этихъ мѣстахъ...

Мирно пощипывая какое-то подобіе зелени, сиротливо кое-гдѣ выглядывающей изъ горныхъ расщелинъ и растущей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегу Атрека, любопытными взглядами своихъ черныхъ печальныхъ глазъ, провожаютъ они путника, ѣдущаго по пустынѣ; но при первомъ же подозрительномъ движеніи моментально уносятся въ даль, исчезая на горизонтѣ...

— Тоска одолѣваетъ тутъ страшная, жаловался намъ одинъ изъ офицеровъ въ Чаатлахъ: дѣлать нечего, книгъ нѣтъ; просто не знаешь когда окончится шестимѣсячный срокъ командировки сюда... Пробавляемся картами. Интересовъ вѣдь нѣтъ рѣшительно никакихъ... Развѣ когда въ гости въ Кумбетъ-Гаузъ съѣздишь... Нашъ пограничный комисаръ хлѣбосолъ большой руки... Ну, да и тамъ вѣдь кромѣ тѣхъ же туркменъ, да своего брата офицера никого не увидишь. Наши мѣста Богомъ забытыя... Куда не скачи, отовсюду далеко... Все равно какъ въ монастырѣ—спасаешься... И даже соблазновъ нѣтъ никакихъ...

На персидской сторонѣ, примыкая къ Закаспійской области расположены Астрабадская и Хоросанская провинціи съ городами Астрабадомъ и Мешедомъ, при чемъ первый является только административнымъ центромъ, тогда какъ второй имѣетъ огромное значеніе какъ религіозный и торговый пунктъ. До присоединенія Закаспійской области къ русскимъ владѣніямъ, какъ уже раньше сказано кочевыя и крайне воинственныя туркменскія племена: гокланъ, іомудовъ и текинцевъ жили почти исключительно на счетъ персидскаго населенія Астрабадской и Хоросанской провинцій, совершая періодически на нихъ набѣги. Вслѣдствіе такого положенія приграничная сторона Персіи по ту сторону горъ Копетъ-Дага постепенно все пустѣла и огромныя плодородныя площади земель по Атреку, Гюргену и въ Мешедской долинѣ превращались въ пустыни. Торговля же между Персіей и Хивою была развита крайне слабо. Съ завоеваніемъ же русскими войсками текинскаго оазиса положеніе всего персидскаго населенія разомъ измѣнилось и Хоросанъ ожилъ. Въ самое короткое время на всѣхъ удобныхъ для земледѣлія мѣстахъ появились люди и началась какая то лихорадочная дѣятельность, а въ горахъ Копетъ-Дага начали пастись огромныя стада барановъ и рогатаго скота, пригнаннаго на пастбища съ юга. И край, въ которомъ культурная жизнь отсутствовала въ теченіи почти нѣсколькихъ сотъ лѣтъ ожилъ... Въ особенности быстро заселились плодородныя долины Мешедская, Ширванская и Кучанская. Въ болѣе худшихъ условіяхъ очути-

лась мѣстность приграничная Астрабадской провинціи, но и то благодаря постановкѣ отрядовъ русскихъ войскъ въ Чаатлахъ и Кумбетъ Гаузѣ постепенно водворяется порядокъ среди іомудовъ и гокланъ, кочующихъ между Атрекомъ и Гюргеномъ, въ силу чего можно думать, что въ недалекомъ будущемъ этотъ когда то культурный край, сплошь почти покрытый развалинами городовъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу среди дремучихъ дѣвственныхъ лѣсовъ снова заживетъ прежнею жизнею...

Со времени постройки Закаспійской желѣзной дороги постепенно стала развиваться персидско-русская торговля, и древніе торговые пути между Хивою и Персіей снова были протоптаны огромными караванами верблюдовъ. Самая столица Хоросана Мешедъ является мѣстомъ, куда стекаются мусульмане на поклоненіе гробницѣ Али. Значеніе этого мѣста въ мусульманствѣ огромно, и поэтому сюда пріѣзжаютъ не только персы, но и массы мусульманъ изъ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній. Управляясь особою духовною общиною, мечеть на могилѣ этого святого принадлежитъ къ числу мѣстъ куда съ давнихъ временъ стекались пожертвованія почитателей его, поэтому, располагая колоссальными богатствами, духовная община эта имѣетъ своими задачами не только благотворительность, но и политику извѣстнаго направленія. Главный же Улемъ Мешхеда пользуется въ Персіи огромнымъ вліяніемъ.

V.

Яглы-Олумъ.

За Чаатлами мѣстность начинаетъ постепенно терять свой равнинный характеръ... Небольшіе холмы показываются на персидской сторонѣ, а на русской замѣчается значительная покатость къ рѣкѣ Атреку, берега которой становятся очень обрывистыми... Глубокія складки мѣстности по дорогѣ встрѣчаются все чаще и чаще, но, отойдя отъ рѣки не болѣе версты въ сторону, снова видна та же безконечная равнина. Пустынныя пространства сыпучихъ песковъ дѣлаются все обширнѣе и обширнѣе. У самой же рѣки кое-гдѣ видны заросли кустарниковъ, придающихъ своею зеленью особую прелесть этимъ мѣстамъ.

До поста Баятъ-Ходжа остается еще почти 10 верстъ. Солнце жжетъ нестерпимо. Несмотря на всѣ наши стремленія выѣхать возможно раньше на разсвѣтѣ, различныя дѣла задерживаютъ насъ, и мы трогаемся въ путь часовъ около 9-ти утра, когда жара уже начинаетъ давать себя знать. Къ полудню зной становится палящимъ. Понуро опустивъ головы и отмахиваясь ежеминутно отъ нападающихъ оводовъ, двигаются наши кони, едва

переступая ногами. Капли крови отъ укусовъ мухъ и оводовъ покрываютъ лоснящуюся шерсть на шеѣ, животѣ и ногахъ бѣдныхъ животныхъ. Капоры и попоны туркменъ въ этомъ случаѣ служатъ хорошую службу, защищая отъ укусовъ. Лошади джигитовъ, сравнительно съ нашими идутъ бодро. Разговоры начинаютъ замолкать. Въ горлѣ и во рту чувствуется сухость и присутствіе песчаной пыли, проникающей даже подъ платье. Жара начинаетъ доходить до 58 градусовъ, когда мы, совершенно измученные, добираемся до поста, сдѣлавъ съ большимъ трудомъ 20 верстъ въ теченіи 6-ти часовъ. Въ первое время, переходъ изъ-подъ палящихъ солнечныхъ лучей подъ глинобитную крышу постовой землянки особенно пріятенъ. Кажется, что въ рай попалъ... Но это ощущеніе продолжается недолго. Не больше какъ черезъ часъ, начинаешь чувствовать, что температура и въ землянкѣ такъ же высока, какъ и на воздухѣ. Тамъ жгли лучи—здѣсь не достаетъ воздуха для дыханія... Всѣ мы охаемъ, отдуваемся и ругаемся...

— Плохо, Иванъ Ивановичъ, обращается генералъ къ сопровождающему насъ подполковнику Б.

Тотъ только сокрушенно вздыхаетъ и, вытирая крупныя капли пота, едва слышнымъ голосомъ говоритъ: „Въ собственномъ соку варюсь, ваше прев-во“.

— Хорошая температура, нечего сказать—развѣ, что въ банѣ на полкѣ жарче, да и то врядъ ли, сердито потверждаетъ чей-то голосъ, выходящій какъ будто откуда-то изъ-подъ земли—это нашъ докторъ забрался, ища спасенія отъ миріадъ мухъ, наполняющихъ землянку.

— А мнѣ эта обстановка нравится господа—замѣчаетъ примирительнымъ тономъ генералъ, напоминаетъ что-то Робинзоновское... Да и не такъ ужъ плохо, какъ вы говорите...

Докторъ, что то бурчитъ, долго укладывается и наконецъ замолкаетъ. Часа черезъ полтора въ землянкѣ слышится лишь густой храпъ, несущійся со всѣхъ сторонъ. Все погрузилось въ мертвый, тяжелый сонъ, безъ сновидѣнія, безъ грезъ... Сонъ, не освѣжающій организмъ, а, напротивъ, дѣйствующій особенно разслабляющимъ образомъ. Мы просыпаемся совершенно мокрыми, какъ будто облитые водою, съ тяжелыми головами, совсѣмъ разбитые. Нѣсколько чашекъ горячаго чая понемногу заставляютъ придти въ себя. Взоры у всѣхъ проясняются.

— Какъ это странно, Яглы-Олумъ вѣдь было укрѣпленіемъ, въ которомъ помѣщались склады, госпиталь, казармы, куда же все это дѣвалось?—задаетъ вопросъ кто-то.

— Что же тутъ страннаго, все было построено изъ глины. Дожди размыли и ничего не осталось. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ еще были цѣлы постройки и даже на Атрекѣ стояли у берега остатки парохода, который съ огромными нечеловѣческими трудами втащили сюда изъ Чикишляра, но все разрушило время,— отвѣчаетъ довольно охотно подполковникъ.

— Пора, однако, и дальше двигаться, рѣшаетъ генералъ, надѣвая фуражку и выходя изъ землянки.

Мы снова на коняхъ. Солончаковая пустыня разстилается передъ нами на громадное простран-

ство, сливаясь въ дали съ горизонтомъ. Какія-то линіи вырисовываются, рельефно выдѣляясь на желтомъ фонѣ песковъ—это старые заброшенные арыки, дававшіе въ очень отдаленное время жизнь всему этому краю. По обѣ стороны тропы выдѣляются небольшіе холмики, съ остатками плитъ и памятниковъ изъ бѣлаго камня, имѣющихъ видъ крестовъ съ закругленными концами.

— Многіе полагаютъ, что это остатки христіанъ несторіанскаго толка, жившихъ когда-то въ этихъ мѣстахъ,—сказалъ подполковникъ, указывая на кресты.

— Кладбища здѣсь попадаются трехъ родовъ: одни, повидимому, древне-христіанскаго народа съ надписями на одномъ изъ восточныхъ языковъ, другія также древнія, но съ плитами на могилахъ—мусульманскія и, наконецъ сравнительно, недавняго происхожденія, мѣста успокоенія нашихъ воиновъ въ Лазаревскомъ и Скобелевскомъ походахъ, отъ разныхъ болѣзней здѣсь животъ положившихъ. А ихъ, видно, много здѣсь осталось. Есть мѣста, гдѣ виднѣются сотни могилъ. Въ особенности ихъ много около укрѣпленія Яглы-Олумъ. Верстахъ въ пятнадцати отъ него былъ лагеръ Лазаревскаго отряда. Много здѣсь отъ лихорадокъ, тифа и другихъ болѣзней умерло нашихъ солдатъ. Похоронены они то отдѣльно, то въ общихъ братскихъ могилахъ, и лежатъ здѣсь, забытые всѣми, ожидая постановки если не памятника то хоть креста надъ своимъ прахомъ. Все, что поставлено было во время похода, разрушило время и разворовали іомуды.

Да и не мудрено: здѣсь каждая палка цѣнится чуть не на вѣсъ золота—поэтому деревянные кресты, поставленные надъ могилами, оставленными безъ всякаго надзора, представляли изъ себя завидную приманку для кочевниковъ. А пора бы эти могилы привести въ порядокъ и поставить надъ ними общіе памятники...

Кони наши шли довольно сносно, осторожно ступая и выбирая мѣста по дорогѣ, изрытой довольно значительными норами, виднѣвшимися по всему пространству равнины. Вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и испуганно рванувшись въ сторонку, сдѣлалъ мой конь нѣсколько прыжковъ, волнуясь, храпя и нервно ударяя копытами о землю, онъ остановился, пугливо всматриваясь въ какое то чудовище, появившееся на нашей дорогѣ. Нервное настроеніе лошади невольно передается всаднику. Эту подмѣченную особенность пришлось сейчасъ же провѣрить на себѣ. Прямо передъ нами, сердито скребя когтями землю и издавая громкое шипѣніе, походившее на раздуваніе кузнечныхъ мѣховъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тропы стоялъ огромный крокодилъ. Сходство съ этимъ страшнымъ жителемъ нильскихъ береговъ было поразительное. Длинною до $2^1/_2$ аршинъ, съ чешуей на спинѣ, и челюстями, усѣянными громадными острыми зубами, животное производило сильное впечатлѣніе. Чувствовался. невольный страхъ, заставлявшій особенно внимательно слѣдить за каждымъ движеніемъ чудовища и быть наготовѣ къ возможному нападенію.

Вѣроятно выраженіе нашихъ физіономій было

было очень неспокойно, явилось большое желаніе дать шпоры лошади и скорѣе убраться подальше отъ этого отшельника, намѣреніе и характеръ котораго не были намъ извѣстны. Громкій смѣхъ нашего весельчака доктора, наконецъ, привелъ насъ въ себя.

— Однако, здорово вы труса отпраздновали,— сказалъ онъ, подъѣзжая къ нашей группѣ. Есть чего бояться...

— Рахимъ!,—крикнулъ онъ джигиту, а ну ка поймай земъ-зема.

Высокій статный текинецъ, сидѣвшій на сѣрой въ яблокахъ лошади іомудской породы, взмахнувъ плетью, съ мѣста понесся галопомъ по направленію къ крокодилу, который, замѣтивъ неожиданную атаку и видимо опасаясь за неприкосновенность своей особы, быстро повернулся и побѣжалъ, переваливаясь на своихъ короткихъ ногахъ и волоча длинный хвостъ по землѣ, къ песчанымъ буграмъ, виднѣвшимся недалеко отъ тропы. Желтоватый цвѣтъ его тѣла сливался съ песками пустыни, почему онъ быстро скрылся изъ нашихъ глазъ, какъ будто утонувъ въ безбрежной равнинѣ.

— Не правда ли, интересный звѣрь? хотя это не крокодилъ, какъ вы думаете: т. е отчасти крокодилъ. Его даже зовутъ здѣсь у насъ сухопутнымъ крокодиломъ. На самомъ же дѣлѣ его названіе по зоологіи Baranus. Туркмены же его зовутъ земъ-земъ, а иногда и касаль, что значитъ болѣзнь, несчастье. Водится онъ въ большомъ количествѣ во всѣхъ песчаныхъ пустыняхъ Средней-Азіи, но

такіе экземпляры, какъ нами только что видѣнный, встрѣчаются сравнительно рѣдко. Обыкновенно его средняя величина около аршина, но попадаются до $2^1/_2$ и даже до трехъ аршинъ. Животное, въ сущности, безобидное. Принадлежитъ къ породѣ ящерицъ. Только видъ у него очень страшный. По повѣрію туркменъ, встрѣча съ нимъ вообще предвѣщаетъ несчастье, поэтому большинство изъ нихъ подобныхъ встрѣчъ избѣгаютъ. Кромѣ того почти вездѣ въ Азіи существуеетъ повѣріе, что если земъзем пробѣжитъ случайно между ногъ человѣка, то этотъ субъектъ начинаетъ страдать половой импотенціей. Наши же частенько ихъ ловятъ; поймаютъ, да и посадятъ на привязь и иногда по долгу живутъ они въ неволѣ. Живучесть же земъзема удивительная. Я знаю случай, когда онъ безъ всякаго корма, сидя привязаннымъ на веревкѣ, прожилъ безъ воды почти три мѣсяца. А напугать такая штучка сильно можетъ, въ особенности, когда онъ, вѣроятно самъ испугавшись, человѣка, начинаетъ шипѣть да зубами щелкать.

Вдали, на самомъ краю горизонта, уже давно показалась небольшая группа строеній европейскаго типа. Выбѣленныя стѣны кордона, офицерскойквартиры и телеграфной станціи далеко виднѣлись на равнинѣ.

„Это Яглы-Олумъ; скоро отдохнемъ и подкрѣпимся,—пронеслась у каждаго изъ насъ мысль при видѣ жилья...

„Укрѣпленіе Яглы-Олумъ, устроенное еще въ 1879 году генераломъ Лазаревымъ при движеніи

русскаго отряда по при-атрекскимъ пустынямъ, въ настоящее время представляетъ собою нѣсколько домовъ, въ которыхъ размѣщается постъ пограничной стражи, телеграфная станція, и живутъ командиръ отряда, почтовый чиновникъ и докторъ. Среди при-атрекской пустыни этотъ пунктъ является крупнымъ центромъ, такъ какъ здѣсь живутъ три интелигентныхъ семьи и построено лазаретное отдѣленіе пограничной стражи. Общество въ пять-шесть человѣкъ интеллигентныхъ лицъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ, считается здѣсь очень значительнымъ и, поэтому, постъ Яглы-Олумъ сдѣлался даже отчасти завидною стоянкою для многихъ офицеровъ пограничной стражи.

Телеграфная контора помѣщается въ небольшомъ домикѣ, который былъ построенъ для генерала Михаила Дмитріевича Скобелева... Небольшой портретъ Бѣлаго генерала въ простенькой рамѣ за стекломъ совершенно засиженъ мухами... Голыя бѣлыя стѣны небольшихъ комнатъ производятъ какое то особенное впечатлѣніе... Кажется, что духъ покойнаго Бѣлаго генерала еще живетъ въ этомъ домикѣ, гдѣ онъ провелъ много часовъ разновременно, то одинъ самъ съ собою обдумывая свои планы, то среди близкихъ людей, составлявшихъ штабъ его отряда и его свиту...

Глубоко промывъ себѣ ложе въ землѣ, быстро текутъ здѣсь воды Атрека, закрытыя крутыми, почти отвѣсными берегами. Волнистая мѣстность персидской стороны немного развлекаетъ наше вниманіе, утомленное долгимъ путешествіемъ по одно-

образно-ровнымъ пустынямъ. Тяжело, безотрадно живется въ такомъ мѣстѣ, какъ Яглы-Олумъ; лишь одинъ телеграфъ связываетъ его со всѣмъ миромъ. Дикія туркменскія племена, кочующія въ окрестностяхъ въ теченіи трехъ-четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, немного оживляютъ эти глухія мѣста, но съ наступленіемъ осени кочевники снимаются со своихъ временныхъ мѣстъ и откочевываютъ въ глубь Персіи. И снова пустыня погружается въ долгое безмолвіе, лишь изрѣдка прерываемое воемъ шакаловъ и гіенъ. Но это безмолвіе является для живущихъ наглядным доказательствомъ, что въ окрестностяхъ все спокойно. Порою въ пустынѣ слышатся крики верблюдовъ, голоса людей, звуки выстрѣловъ—это розыгрывается какой-нибудь изъ актовъ обыкновенной здѣсь пограничной драмы, никого не удивляющей даже тѣми жертвами, которыя потомъ оказываются въ рукахъ государевыхъ порубежниковъ. Собравшись гдѣ-нибудь въ Персіи, часто налетаютъ дикія шайки кочевниковъ на приатрекскую полосу и, угнавъ нѣсколько стадъ барановъ у нашихъ іомудовъ, быстро уходятъ обратно въ персидскіе предѣлы, довольные удачно сдѣланнымъ набѣгомъ; но радость ихъ порою бываетъ непродолжительна. Быстро снарядившись подъ руководствомъ стараго опытнаго аламанщика (разбойника) садятся на своихъ, всегда засѣдланныхъ коней нѣсколько десятковъ удальцовъ и, горя желаніемъ отомстить, настигаютъ похитителей, вступая съ ними въ горячую кровопролитную схватку. Иногда, чтобы наказать разбойниковъ, отгоняющихъ

стада у нашихъ туркменъ, выступаютъ по ихъ слѣдамъ отряды пограничной стражи, имѣющіе право, согласно заключенной съ Персіей конвенціи, преслѣдовать ихъ на персидской территоріи, не стѣсняясь разстояніемъ отъ границы внутрь Персіи. Молодецкіе ихъ налеты на разбойничьи аулы надолго отбиваютъ охоту у кочевниковъ нарушать неприкосновенность русской границы. Зорко охраняютъ сарбазы Великаго Акъ-Падишаха интересы и имущество его подданныхъ.

— Тяжело живется Вамъ здѣсь?,—задаетъ вопросъ генералъ молодой дамѣ, женѣ мѣстнаго офицера.

На мгновеніе по лицу пробѣгаетъ облако...

— Какъ вамъ сказать,—нерѣшительно говоритъ она, что-то вспоминая... Намъ еще ничего (вѣдь со всѣмъ можно мириться), ну а дѣтямъ плохо... Дичаютъ они ужасно... да и подготовить въ учебное заведеніе трудно... Вы не повѣрите, какъ отвыкаешъ отъ людей,— черезъ минуту добавляетъ она, застѣнчиво улыбаясь. Мнѣ напримѣръ даже трудно говорить съ чужими... кромѣ своихъ да пустыни вѣдь ничего не видишь цѣлыми мѣсяцами... У насъ здѣсь еще ничего, есть докторъ, почтовый чиновникъ, а на другихъ постахъ, гдѣ нѣтъ никого, такъ прямо можно разучиться говорить.

Мѣстность около Яглы-Олума дикая и пустынная. Глубоко, между крутыхъ отвѣсныхъ береговъ, бѣгутъ здѣсь воды быстраго Атрека, принимающаго характеръ горной рѣки. Врѣзавшись въ глубину почвы и годъ отъ года углубляя свое русло, рѣка почти повсемѣстно недоступна для перехода. Нѣ-

сколько переправъ внимательно охраняются отъ прорывовъ шаекъ разбойниковъ и контрабандистовъ. Но все же охрана этихъ пунктовъ крайне затруднительна, и, порою, несмотря на бдительность надзора, отчаянно-смѣлые іомуды, жаждущіе легкой наживы, переходятъ границу, перевозя цѣлые караваны контрабаднаго чая.

— Здѣсь бѣда, что дѣлается,—жаловался мѣстный пограничный офицеръ. Во всемъ раіонѣ съ контрабандистами сладу нѣтъ. Всѣ условія мѣстности какъ нельзя болѣе способствуютъ ихъ промыслу. Приходится всегда быть на чеку, а не то, что нибудь да случится. Въ 1902 году имъ досталось порядкомъ отъ нашихъ, поэтому они на время притихли и почти годъ цѣлый ничего не было слышно о прорывахъ.

— Про какое дѣло вы вспоминаете, ротмистръ— заинтересовался докторъ?

— А большое ноябрское задержаніе на 60,000 р. Вѣдь тогда мы ихъ на голову разбили; больше 40 человѣкъ убитыхъ туркменъ послѣ стычки было найдено, а сколько еще не нашли...

— Разскажите пожалуйста, какъ все это случилось, я кое-что слышалъ по этому поводу, но интересно въ особенности услышать всѣ подробности отъ очевидца?—заговорилъ снова докторъ и, заранѣе увѣренный въ согласіи, закуривъ сигару, усѣлся поудобнѣе, приготовляясь слушать.

— Видите ли, въ концѣ октября мѣсяца у насъ стали ходить слухи, что въ Персіи собирается огромный караванъ въ 300 слишковъ верблюдовъ, съ

большимъ конвоемъ, предполагающій перевезти въ хивинскіе предѣлы значительный грузъ чая. Мы, конечно, всѣ на всей линіи отъ Яглы-Олума и до самаго Чикишляра были на чеку. Все время проводили въ секретахъ около переправъ, ожидая прорыва. Наконецъ, въ первыхъ числахъ октября ночью, они ухитрились таки прорваться, но только между Беумбашемъ и Караташемъ. Джигитъ утромъ ѣхалъ съ пакетомъ, такъ наткнулся на ихъ слѣды. Сейчасъ же далъ знать на постъ, а изъ Чикишляра по телеграфу сообщили всѣмъ офицерамъ. Мы и вышли по ихъ слѣдамъ съ четырехъ сторонъ: изъ Чикишляра, Чаатловъ, Яглы-Олума и Красноводска. Главная задача была не допустить ихъ перейти желѣзную дорогу. Окружили тогда ихъ въ котелъ, какъ зайцевъ на охотѣ, только величина-то котла огромная—тысячъ шесть квадратныхъ верстъ, и начали преслѣдовать. Надо вамъ сказать, что хотя и кажется, что на такомъ пространствѣ трудно найти караванъ, а на самомъ дѣлѣ легко. Въ пустынѣ всѣ колодцы на перечетъ и волей неволей идти приходится отъ колодца до колодца, потому что въ сторонѣ нѣтъ нигдѣ воды, значитъ смерть. Все-же прокружились мы за ними цѣлую недѣлю. Не дай Богъ побывать еще разъ въ такой экспедиціи... Досталось таки намъ за эти дни порядочно. Фуража прихватили мало, провіанта тоже самое, и въ послѣдніе дни думали, что голодною смертью умирать придется. Все съѣли, даже запасъ ячменя, что для лошадей былъ, ушелъ на кашу. Вода также кончалась, а при всемъ томъ жара страшная. Про себя

скажу я нѣсколько разъ доходилъ до сознанія, что всѣ мы пропадемъ въ этой экспедиціи. Больше десяти перестрѣлокъ у насъ съ ними было, только долго ничего не могли мы съ ними подѣлать. Нашихъ три офицера, да человѣкъ 70 нижнихъ чиновъ, а у нихъ больше 500, вооружены всѣ берданками, патроновъ масса, а у насъ ихъ было на несчастье маловато, да и кони притомились, едва ползли. Многихъ изъ нихъ бросить пришлось. Наконецъ, удачно подошли мы къ нимъ, уже почти около линіи желѣзной дороги. Спѣшились, разсыпали цѣпь, и сдѣлавъ нѣсколько перебѣжекъ, пошли въ атаку, при чемъ часть конныхъ пустили съ фланга и съ тыла. Тѣ и врубились дѣйствительно молодецки. Больше 40 человѣкъ убитыхъ потомъ нашли 220 верблюдовъ, на которыхъ около 3,000 пудовъ чаю, были задержаны. Много оружія и патроновъ у нихъ оказалось. За это дѣло и получили награды: подполковникъ Гайдебуровъ, ротмистры Панфиловъ и Фесенко—ордена св. Владиміра съ мечами и бантомъ, а нижніе чины 9 серебряныхъ медалей за храбрость на георгіевской лентѣ. Да и кромѣ всего этого тысячъ по 8—10 наградныхъ денегъ каждый изъ офицеровъ получилъ... Неправда-ли, недурное дѣльце!?

— А только не всегда такъ удачно бываетъ,— послѣ продолжительнаго молчанія снова заговорилъ разсказчикъ.

— Вотъ въ 1902 году съ штабъ-ротмистромъ Яновскимъ случилось грустное дѣло... Получилъ онъ свѣдѣніе отъ одного джигита, что ожидается не-

большая партія, подъ конвоемъ двухъ-трехъ іомудовъ, при одной винтовкѣ; ну и выѣхалъ въ секретъ къ переправѣ Кюнджи, взявъ съ собою трехъ человѣкъ солдатъ и одного джигита. Вахмистра съ джигитомъ послалъ ближе къ переправѣ, а самъ расположился не дальше, какъ въ верстѣ отъ нихъ. Часовъ около 9-ти вечера слышитъ, что въ передовомъ секретѣ стрѣляютъ; онъ сейчасъ на конь и со своими людьми пошелъ на рысяхъ къ переправѣ. Только, видно, не въ удачную пору выѣхалъ онъ на поиски этой контрабанды. Не успѣлъ пройти и полуверсты, какъ скачетъ джигитъ и докладываетъ ему, что караванъ контрабандистовъ перешелъ уже черезъ Атрекъ и, наткнувшись на секретъ, открылъ по немъ огонь, причемъ первымъ же выстрѣломъ убилъ вахмистра Жукова. Горячій человѣкъ былъ Яновскій. Какъ услышалъ онь это, такъ сейчасъ же коню шпоры и полетѣлъ впередъ, не оглядываясь назадъ и даже не интересуясь узнать, слѣдуютъ ли за нимъ нижніе чины. Подскакалъ ближе къ рѣкѣ, видитъ что-то темное—это контрабандиры верблюдовъ своихъ положили и сами за нихъ залегли... сейчасъ же скомандовалъ въ шашки и кинулся на нихъ.

— Разбойники подпустивъ его къ себѣ совсѣмъ близко, дали залпъ, которымъ и положили бѣднаго Яновскаго на мѣстѣ, всадивъ въ него девять пуль. Лошадь съ мертвымъ тѣломъ проскакала еще нѣкоторое разстояніе, а затѣмъ, когда трупъ упалъ на землю, остановилась. Люди же, увидавъ, что офицеръ убитъ, смѣшались и отступили, чѣмъ и вос-

пользовались разбойники, успѣвъ снять съ убитаго револьверъ, а съ лошади уздечку. Вѣдь какъ потомъ-то оказалось, ихъ было больше 30-ти человѣкъ прекрасно вооруженныхъ винтовками системы Бердана и Берингеля.

— Да кромѣ того самипосудите ночное дѣло самое скверное... Ни противника ни даже мѣстности почти не видно. Вокругъ овраги, а дальше отъ рѣки пустыня... На помощь также разсчитывать нельзя... Ну потерялись люди. Когда вѣсть объ этомъ случаѣ дошла до Яглы-Олума, начальникъ поста сейчасъ же донесъ по телеграфу въ Чаатлы командиру отряда ротмистру Памфилову, который немедленно выступилъ по направленію къ Томаку съ командою въ 30 человѣкъ и по слѣдамъ каравана перешелъ въ Персію; долго ему пришлось колесить по ауламъ персидскихъ іомудовъ, наконецъ верстахъ въ 100 отъ границы, въ аулѣ Дастъ онъ настигъ разбойниковъ, которые попрятались по кибиткамъ. Оцѣпивъ аулъ и сдѣлавъ обыскъ, ротмистръ Памфиловъ только-что хотѣлъ войти въ послѣднюю кибитку, какъ оттуда раздался выстрѣлъ, чуть не убившій его, но къ счастью рядовой Шерстневъ кинулся въ кибитку и успѣлъ выстрѣломъ въ упоръ уложить іомуда, снова прицѣлившагося въ Памфилова. Въ этой же кибиткѣ нашли револьверъ покойнаго Яновскаго и уздечку съ его лошади. Такой смѣлый поискъ въ глубь персидскихъ владѣній произвелъ огромное впечатлѣніе на всѣхъ кочевниковъ, наглядно указавъ, что убійство русскаго офицера не остается безнаказаннымъ.

Нужно при этомъ пояснить, что Памфиловъ тогда же переловилъ почти всю шайку, участвовавшую въ убійствѣ Яновскаго и доставилъ всѣхъ на русскую территорію. Тоже молодецъ офицеръ!

Въ глубокомъ молчаніи, долго просидѣли мы подъ впечатлѣніемъ этого разсказа... Много нужно храбрости и присутствія духа, чтобы идти въ неравный бой съ врагомъ во время войны, но еще больше ихъ нужно, чтобы выполнить свой долгъ, рискуя жизнью въ мирное время, среди пустынь, самъ-другъ съ однимъ-двумя солдатами. Миръ твоему праху скромный герой долга!

Недалеко отъ поста Томока на холмѣ поставленъ небольшой памятникъ убитымъ Ротмистру Яновскому и Вахмистру Жукову, напоминая о смѣлыхъ людяхъ положившихъ свою жизнь на службѣ государству.

Ежедневно мимо него проходятъ разъѣзды съ почтеніемъ снимая шапки...

„Вѣчная Вамъ память!!

VI.

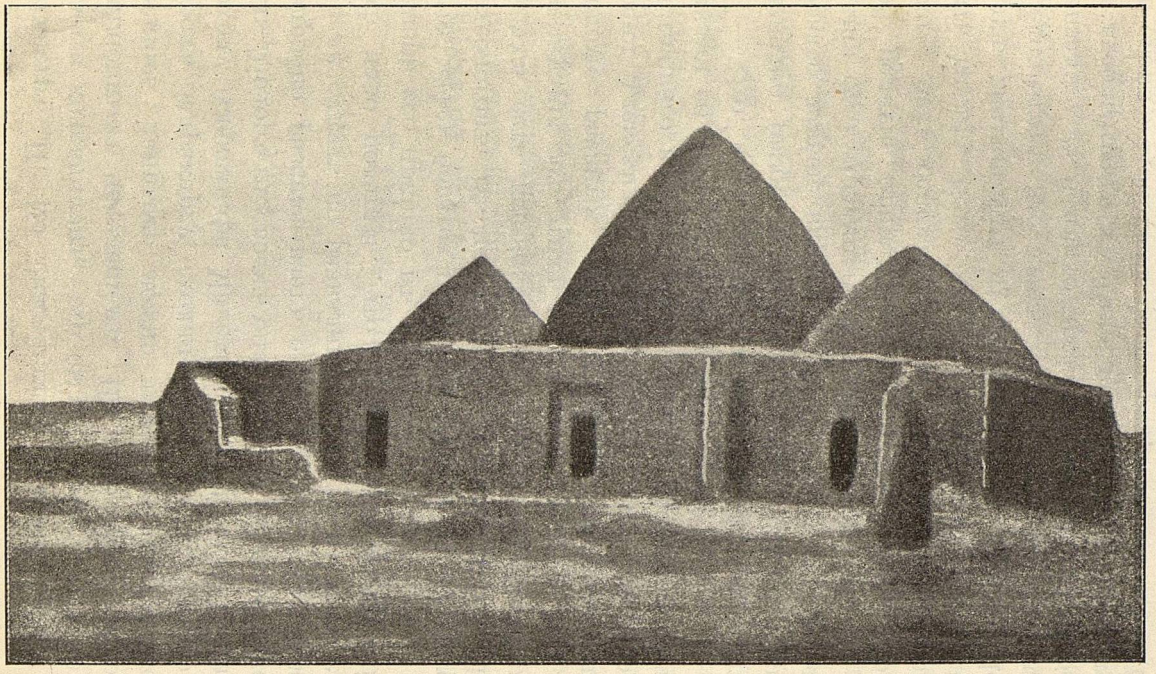
Дашъ—Верды—Чатъ.

Верстахъ въ десяти отъ Яглы-Олума, по направленію къ Чату, между этимъ послѣднимъ и постомъ Томакомъ, влѣво отъ дороги начинаютъ показываться остатки какихъ-то древнихъ развалинъ, разбросанные на громадномъ пространствѣ. Глинобитныя стѣны, превратившіяся отъ времени въ груды безпорядочно набросанной земли, едва замѣтны издали и лишь по приближеніи можно опредѣлить направленіе городскихъ улицъ и характеръ построекъ, среди которыхъ—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—встрѣчаются зданія изъ обожженныхъ четырехъугольныхъ кирпичей очень большаго размѣра. Захватывающій интересъ къ очень отдаленной эпохѣ человѣческой жизни въ этихъ мѣстахъ какъ-то невольно заставляетъ насъ свернуть въ сторону и направиться ближе къ этимъ развалинамъ. Среди нихъ все мертво, также какъ мертва окружающая ихъ, сожженная солнцемъ пустыня. Громадное кладбище человѣческой культуры тянется на десятки верстъ.

— Городъ Дашъ-Верды, какъ его называютъ здѣшніе туркмены, удовлетворилъ наше любопытство

ротмистръ П. По сказаніямъ, сохранившимся въ памяти кочевниковъ, это былъ городъ чуть не съ милліоннымъ населеніемъ. По нѣкоторымъ историческимъ даннымъ можно предполагать, въ немъ городъ Задракарту, столицу Гирканіи, извѣстную по походу Александра Македонскаго. Греческій писатель Діодоръ въ своемъ описаніи его походовъ очень подробно разсказываетъ о плодородіи этихъ мѣстъ и если судить по развалинамъ, то во всякомъ случаѣ надо полагать, что городъ былъ огромный... Теперь все пришло въ разрушеніе.—Но, какъ видите, здѣсь богатое поле для работы спеціалистовъ археологовъ. Въ персидскихъ и хивинскихъ лѣтописяхъ есть кое-какія, до крайности сбивчивыя, упоминанія объ этихъ городахъ. Говорятъ, что періодомъ развитія здѣшней жизни нужно считать время Александра Македонскаго, имя котораго до настоящаго времени связывается мѣстными кочевниками со многими остатками старины...

— Это, какъ видите, указалъ онъ на развалины, очевидно были пригороды; городъ самый лежитъ гораздо дальше внутрь края. Остались еще кое-гдѣ зданія съ куполами повидимому, храмы, но къ какой религіи принадлежала жившая здѣсь народность, безъ основательныхъ изслѣдованій опредѣлить трудно. Есть данныя, основываясь на указаніяхъ знаменитаго путешественника Марко Поло предполагать, что здѣсь жили христіане. Испанецъ Гонзальго де Клавихо проѣзжавшій черезъ Персію съ посольствомъ къ Тамерлану также неоднократно въ своихъ запискахъ подтверждаетъ, что въ здѣш-

Могилы туркменскихъ святыхъ.

нихъ мѣстахъ жили народности исповѣдывавшія христіанство. Мнѣ же лично приходилось встрѣчать въ этихъ мѣстахъ склепы, вродѣ погребальныхъ, со слѣдами высѣченныхъ на стѣнахъ крестовъ... Часто попадаются также монеты Александра Македонскаго и послѣдующихъ за нимъ персидскихъ царей. Къ числу же особенно интересныхъ вещей можно причислить находимыя здѣсь серебряныя монеты съ рисункомъ широкаго четырехъ конечнаго креста; впрочемъ эти послѣднія встрѣчаются очень рѣдко. На поверхности земли какъ видите, вездѣ разбросано много черепковъ отъ разбитой посуды. Попадаются также и осколки стекла разныхъ цвѣтовъ, очень грубой выдѣлки. Много осколковъ цвѣтныхъ изразцовъ, преимущественно блѣдно-голубыхъ, хотя попадаются также и другихъ цвѣтовъ. Раскопокъ здѣсь никто никогда не дѣлалъ, поэтому трудно судить, что могло бы быть найдено подъ этими безконечными грудами щебня и глины.

— Самое же интересное здѣсь, по моему, это громадные каналы, питавшіе города и ихъ окрестности. Здѣсь цѣлая система орошенія, надъ устройствомъ которой трудились, видимо, сотни тысячъ людей въ теченіе очень долгаго періода времени. Каналы идутъ отъ Атрека, частью сверху и частью подъ землею. Послѣдніе сильно разрушены временемъ и людьми, но и до сихъ поръ мѣстами видна ихъ сводчатая облицовка изъ жженаго кирпича изумительной прочности... Вы видѣли сами какъ течетъ Атрекъ, глубоко прорѣзавъ глинистую почву. Въ этихъ мѣстахъ воды его лежатъ саженей до 30 —

40 отъ поверхности земли и, кромѣ того, вся мѣстность имѣетъ по направленію къ его берегамъ значительный уклонъ. Много поэтому нужно было преодолѣть затрудненій, чтобы поднять его воды на такую высоту. По всему видно, что инженерное искусство стояло у этого народа на высокой степени развитія.

Мѣстное преданіе говоритъ, что одинъ изъ царей здѣшняго царства въ очень отдаленныя времена, при сліяніи рѣки Сумбара съ Атрекомъ, построилъ поперекъ Атрека свинцовую плотину, которая задерживала его воды и питала ими весь этотъ въ то время цвѣтущій край. Война съ сосѣднимъ народомъ разрушила городъ, превративъ его въ груды развалинъ. Но говорятъ при этомъ, что плотину уничтожилъ какой-то храбрецъ, съумѣвшій пробраться скрытно и развести на ея серединѣ большой костеръ. Свинцовая плотина расплавилась и воды Атрека снова потекли свободно, не сдерживаемыя никакой преградою. Поля оставшіяся безъ воды, быстро были сожжены солнцемъ, не любящимъ яркой зелени, жители же городовъ или бросили насиженныя мѣста и переселились куда либо въ другое мѣсто, или же были уведены завоевателями въ плѣнъ. И замерла жизнь въ этомъ когда то цвѣтущемъ царствѣ. По слѣдамъ же этой жизни можно предполагать, что народъ, который здѣсь жилъ, имѣлъ очень высокую культуру... Теперь же, какъ видите, все вокругъ одно сплошное кладбище, одна пустыня. Самое названіе мѣстности между Атрекомъ и Гюргеномъ—Гюргенія очень напоминаетъ Гирканію.

— Здѣсь же, махнулъ онъ влѣво по направленію къ рѣкѣ, видите ли эти бугорки — это также остатки, но уже дорогой для насъ, русскихъ, старины. Это лагерь генерала-адъютанта Лазарева, стоявшаго здѣсь довольно долго въ 1879 году. Цѣлый рядъ могилъ остался на этомъ мѣстѣ гдѣ войска потеряли огромное количество людей умершихъ отъ тифа. А тамъ, вдали, бѣлѣется нашъ постъ Чатъ, гдѣ умеръ Лазаревъ вдали отъ родины, среди сыпучихъ песковъ Закаспія. Невдалекѣ отсюда въ Атрекъ впадаетъ рѣка Сумбаръ и при впаденія ея было укрѣпленіе Чатъ, построенное Лазаревымъ. Но отъ укрѣпленія, казармъ и госпиталя почти ничего не осталось, хотя здѣсь были очень большія зданія.

Мѣстность, между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, принимала какой то мрачный характеръ. Казалось, что хуже этого уголка пустыни даже нельзя найти мѣста на землѣ. Чѣмъ ближе къ Атреку, тѣмъ больше почва принимала темно-сѣрый колоритъ. Мѣстами, казалось, вся земля была изрыта и перевернута какимъ-то чудовищнымъ геологическимъ переворотомъ.

— Все это дѣлаетъ вода,—заговорилъ снова, умолкнувшій на время, ротмистръ. Почва здѣсь какая-то особенная. Во время таянія снѣговъ на горахъ, которыя видны на горизонтѣ, огромные потоки воды сбѣгаютъ по ихъ склонамъ въ долину и, быстро разрушая почву, просачиваются въ глубъ земли, образуя провалы и воронки. Можно думать, что подъ поверхностью земли здѣсь находятся огромныя пустыя пространства, въ видѣ пещеръ и подземныхъ

каналовъ, куда уходитъ вода... Размывы почвы просто изумительны... Мѣстечко здѣсь дѣйствительно хуже да и нельзя. Не даромъ у туркменъ существуетъ поговорка. „Кто не видалъ Чата, тотъ не видалъ несчастья.“ И они въ этомъ глубоко правы!!.

Ближе къ подошвѣ горнаго хребта, въ двухъ верстахъ отъ Атрека, выдѣляясь на темной почвѣ своими бѣлыми стѣнами, передъ нами вырисовывается большая каменная казарма поста Чатъ. Прямо передъ нимъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей, мы увидѣли небольшой чугунный крестъ, окруженный чугунною же рѣшеткою. Христіанскій символъ, одиноко стоящій среди этой пустыни, производилъ трогательное впечатлѣніе.

— Могила генерала Лазарева и мѣсто его первоначальнаго погребенія, сообщилъ намъ ротмистръ. Не правда ли, интересно посмотрѣть... Тѣло его, похороненное здѣсь во время похода въ 1879 году перевезено нѣсколько лѣтъ тому назадъ его родными и похоронено въ фамильномъ склепѣ въ Тифлисѣ. Теперь на обязанности нашего поста лежитъ охраненіе этого историческаго памятника.

Ночная темнота, между тѣмъ, разомъ почти смѣнила день и при мерцающемъ неясномъ свѣтѣ звѣздъ, выглянувшихъ изъ темнаго фона неба, мы съ трудомъ прочли скромную надпись на металлической дощечкѣ, вдѣланной въ рѣшетку, окружающую памятникъ: „Генералъ-Адъютантъ Иванъ Давидовичъ Лазаревъ, скончался на посту Чатъ 14 Авгу-

ста 1879 года, во время экспедиціи на Ахалъ-Теке.“

Какъ изъ тумана, казалось, вырисовывается суровая, массивная фигура боевого генерала. Верхомъ на конѣ, одѣтый въ бѣлую кавказскую бурку, водилъ онъ къ побѣдамъ во время Русско-Турецкой войны грозные врагамъ кавказскіе батальоны. Суровый его взглядъ, выражавшій непреклонную волю и рѣшимость, былъ хорошо знакомъ его боевымъ войскамъ. Враги трепетали этого взгляда. Дикіе іомуды Атрекской пустыни еще до сихъ поръ вспоминаютъ русскаго генерала. Кавказскимъ горцамъ и туркамъ Малой Азіи памятны его побѣды. На стѣнахъ многихъ турецкихъ крѣпостей развертывались знамена старыхъ кавказскихъ полковъ. Съ громомъ музыки, восторженно слѣдя за своимъ военачальникомъ, весело шли полки въ бой со врагомъ, всегда зная, что отступленія не будетъ и ихъ ожидаетъ побѣда. Не измѣняло военное счастье герою. Хорошо знакомый съ востокомъ, онъ по Царскому слову повелъ тѣ же войска къ новымъ побѣдамъ въ пустыни Закаспія, чтобы покорить дикія туркменскія племена, жившія на границахъ русскихъ владѣній. Преодолѣвая страшныя невзгоды съ незначительными запасами продовольствія и фуража, двинулся русскій отрядъ по при-атрекскимъ пустынямъ. Пустынная, песчаная мѣстность, палящій зной, малярія, тифъ подрывали силы людей, и отрядъ прямо таялъ, неся ежедневно огромныя потери. Рядъ могилъ длинной цѣпью тянется, начиная отъ самаго берега моря, по всему пути движенія

отряда. Сотнями разбросаны эти могилы и лишь вѣтеръ, пролетая надъ ними, ласкаетъ и нашептываетъ на чужой сторонѣ храбрецамъ, что они погибли не даромъ, совершая великое Государево дѣло, и что память о нихъ будетъ вѣчно ревниво сохраняться на страницахъ исторіи Россіи и ея войска... Верблюдъ за верблюдомъ тысячами гибли, уменьшая перевозочныя средства отряда, изнемогая отъ жаровъ, изнуренныя, двигались боевыя части, ежедневно выдерживая стычки съ кочевниками, стойко оберегавшими неприкосновенность своихъ пустынь. Какъ стаи хищныхъ птицъ, налетали они на отставшихъ, убивая ихъ безъ всякаго милосердія... Но несмотря на все это, войска двигались, повинуясь волѣ своего вождя и всѣми силами стараясь выполнить возложенное на нихъ порученіе... Отбивая нападенія и въ свою очередь нападая, шли они впередъ, сметая со своей дороги скопища кочевниковъ, преодолѣвая всѣ трудности, твердо увѣренныя въ побѣдѣ. Что значитъ для дѣла смерть нѣсколькихъ десятковъ, сотенъ, тысячъ людей. Все равно, оставшіеся въ живыхъ выполнятъ задачу...

Начиная съ Чаатловъ, генералъ Лазаревъ почувствовалъ себя плохо. Общее недомоганіе сломило силы и лишь непреклонная воля поддерживала его. Незначительный нарывъ, появившійся вслѣдствіе дурной воды, превратился постепенно въ гнойный, страшный карбункулъ. Въ Яглы-Олумѣ больной почувствовалъ себя хуже.

Но нужно было идти впередъ и войска шли,

предводительствуемыя своимъ угасающимъ вождемъ Въ Чатѣ, остановившись лагеремъ, въ страшныхъ страданіяхъ умиралъ герой, скорбя лишь о томъ, что ему не удалось до конца исполнить порученное Государево дѣло...

Собравшіеся у постели больнаго врачи признали, что помощь людская для него безполезна...

Въ глубокомъ молчаніи провели эту ночь люди отряда, зная, что среди нихъ въ юртѣ, умиралъ ихъ начальникъ...

Далеко отъ всего роднаго, окруженный лишь своими боевыми товарищами, скончался грозный кавказскій орелъ...

Въ послѣдній разъ осѣнили его мертвое тѣло полотнища распущенныхъ боевыхъ знаменъ...

Громко прогремѣли прощальные залпы, звукъ которыхъ смѣшался съ безпорядочною трескотнею перестрѣлки, завязавшейся недалеко отъ его могилы. Наступали враги. И снова, грозно ощетинивши штыки, стали противъ врага старые боевые баталіоны, подъ начальствомъ генерала Ломакина, которому передъ смертью, какъ старшему, сдалъ команду надъ войсками генералъ-адъютантъ Лазаревъ.

И снова двинулся отрядъ далѣе, терпя еще большія лишенія и тая на глазахъ своего новаго начальника.

Недостатокъ продовольствія погубилъ все дѣло..

Заботливо охраняемый нижними чинами поста Чатъ возвышается одинокій крестъ надъ мѣстомъ перваго успокоенія покойнаго Ивана Давидовича, напоминая собою каждому о первомъ тяжеломъ походѣ въ пустыни Закаспія.

Вѣчная память славному вождю...

Вѣчная память герою...

Тихо проносится вѣтеръ въ жаркую лѣтнюю пору перелетая черезъ одинокую его могилу... Реветъ и злится зимняя вьюга, метя передъ собою сугробы снѣга... Уныло жалобно завываетъ осенній буранъ, сердито поднимая тучи песковъ пустыни. И въ этомъ шепотѣ вѣтра, и въ этомъ шумѣ бури слышатся одни и тѣ же слова...

Вѣчная память герою...

Вѣчная память!!

VI.

Хоръ—Олумъ. Сангудагъ.

За Чатомъ, такъ-называемая, старая казачья дорога направляется внутрь края, къ урочищу Дузлуму, въ которомъ и по настоящее время расположенъ казачій постъ, поддерживающій почтовое сообщеніе между укрѣпленіями Чаатлы и Кара-Кала. До сформированія закаспійской бригады корпуса пограничной стражи, по всей пограничной линіи поставлены были казачьи посты, несшія почти исключительно одну почтовую службу. Казармы этихъ постовъ, расположенныя въ 30 — 50 верстахъ другъ отъ друга, изображали собою примитивныя почтовыя учрежденія, черезъ которыя пересылалась служебная коресподенція; кромѣ того, лицамъ, проѣзжающимъ по этой линіи по дѣламъ службы, давались верховыя лошади, съ уплатою по 3 коп. съ версты за каждую. Нынѣ эта линія, за ненадобностью, снята, и лишь кое-гдѣ остаются казачьи посты съ командами въ 8 — 10 человѣкъ. Дузлумъ расположенъ при сліяніи Сумабра съ Чандырью и въ этомъ мѣстѣ находилось главное укрѣпленіе дѣйствующаго отряда генерала Скобелева, а раньше Ломакина. Теперь лишь рядъ полуразвалившихся

зданій напоминаютъ объ этой крѣпости, сослужившей огромную службу въ качествѣ главнаго опорнаго пункта. Казарма занятая казаками содержится въ порядкѣ. Огромная офицерская комната интересна тѣмъ, что въ ней по долгу живалъ генералъ Скобелевъ... Портретъ Михаила Дмитріевича виситъ на стѣнкѣ, напоминая случайному путнику о героѣ покорившемъ Россіи Закаспійскую область и нынѣ совершенно забытомъ въ этой же области.

Въ виду необходимости продолжать свою поѣздку по самой чертѣ границы, мы принуждены были направиться къ переправѣ черезъ Сумбаръ по конной тропѣ, ведущей къ пограничному посту Хоръ-Олумъ. Мѣстность дѣлалась все пересѣченнѣе. Громадные промывы почвы, въ видѣ глубокихъ ямъ и враговъ, заставляли нашихъ коней осторожно двигаться по тропѣ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ глубоко прорѣзала почву и воды Сумбара быстро неслись между отвѣсными берегами, на глубинѣ 60 — 70 сажень отъ поверхности, поэтому переправа черезъ рѣку представляла изъ себя крутой спускъ къ руслу и еще болѣе крутой подъемъ на противоположный берегъ. Осторожно переступая съ ноги на ногу, начали спускаться наши кони, вытянувшись длинною вереницею по крутому и извилистому спуску. Мѣстами, тропа, размытая водою и осыпавшаяся, представляла собою трудно преодолѣваемую преграду. Чуть не садясь на крупы, сползали кони по крутизнамъ. Откинувшись совершенно на спину, въ полулежачемъ положеніи, крѣпко держа въ рукѣ поводья, часто съ замираніемъ сердца смотрѣли мы

внизъ, ежеминутно ожидая, что невѣрно сдѣланный лошадью шагъ можетъ повлечь за собою страшную катастрофу. Стрижи и летучія мыши, испуганные шумомъ падающихъ изъ подъ ногъ нашихъ лошадей кусковъ земли, съ рѣзкими криками, цѣлыми стаями носились надъ нашими головами. Съ грохотомъ, поднимая облака пыли, падали внизъ комья сухой глины... Внизу, около воды, въ воздухѣ чувствовалась сырость и пахло гнилью. Рѣка текла въ этомъ мѣстѣ незначительнымъ ручьемъ, глубиною не болѣе полуаршина... Подъемъ на противоположный берегъ былъ также труденъ, какъ и спускъ. Слѣзши съ лошадей и держась за ихъ хвосты, съ огромными усиліями, въ теченіи болѣе часа, поднимались мы по страшно крутому подъему, ежеминутно останавливаясь, чтобы хотя немного отдышаться. Обливаясь потомъ, едва передвигая ноги отъ усталости, достигли мы, наконецъ, поверхности и тутъ же легли на землю. Кони, тяжело водя боками, долго не могли придти въ себя, утомленные двухчасовымъ спускомъ и подъемомъ.

По направленію къ горамъ мѣстность на разстояніи двухъ верстъ была совершенно ровная, а дальше тропа пролегала по ущелью, которое должно было вывести насъ къ границѣ. Солнце, между тѣмъ, скрылось и въ непроглядной темнотѣ мы двинулись далѣе по ущелью. Мрачные, безлѣсные холмы однообразно надвигались со всѣхъ сторонъ и, казалось, имъ не было конца... Проѣхавъ нѣсколько часовъ по ущелью, мы замѣтили, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно соединяется съ другими, дѣлаетъ по-

вороты, а торная тропа, раздѣлившись на нѣсколько другихъ, почти исчезла, слабо выдѣляясь на темномъ фонѣ мѣстности.

— Кажется мы ухитрились забраться не въ то ущелье, въ которое слѣдуетъ, и поэтому заблудились, сердито сказалъ генералъ останавливая лошадь.

Всѣ мы давно уже инстинктивно чувствовали, что сбились съ дороги... Перспектива ночевать среди дороги, да еще съ пустымъ желудкомъ, была не изъ пріятныхъ.

— Нужно сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, услышатъ на Хоръ-Олумѣ и пріѣдутъ на выстрѣлы, рѣшаетъ онъ, слѣзая съ лошади.

Вскарабкавшись на ближайшій хребе́тъ и снявъ съ плеча винтовку, одинъ изъ конвойныхъ производитъ нѣсколько выстрѣловъ вверхъ... Глухо звучатъ выстрѣлы трехлинейки и горное эхо, подхвативъ ихъ, повторяетъ гдѣ-то далеко по ущелью. Черезъ нѣсколько минутъ, далеко за поворотомъ, слышатся отвѣтные выстрѣлы... Это уже не эхо... Постъ гдѣ-то совсѣмъ близко. Сѣвъ снова на лошадей, мы поварачиваемъ въ ближайшее ущелье и черезъ нѣсколько минутъ начинаемъ явственно слышать топотъ нѣсколькихъ скачущихъ лошадей и звонъ оружія...

„Стой... кто ѣдетъ“.?! — рѣзко слышится окликъ, и изъ за темноты выдѣляется фигура всадника, одѣтаго въ бѣлый китель.

— „Ваше прев—во, въ №—скомъ отрядѣ происшествій никакихъ не случилось — начинаетъ онъ рапортовать, узнавая начальство.

Это командиръ отряда штабъ-ротмистръ Т....., выѣхавшій на выстрѣлы... Постъ недалеко, въ полуверстѣ за горою. Мы быстро двигаемся по направленію гостепріимно мигающаго огонька, и черезъ нѣсколько минутъ располагаемся въ землянкѣ, въ которой размѣщенъ постъ Хоръ-Олумъ, недалеко отъ чистаго свѣтлаго родника, просачивающагося изъ скалы...

Хребетъ Кюрендагъ и его продолженіе, носящее названіе Сангудагскихъ горъ, почти совершенно безлѣсны. Темныя каменныя громады лишь кое-гдѣ покрыты рѣдкими порослями арчи (горнаго кипариса), да порою изъ расщелинъ скалъ сиротливо выглядываютъ кусты инжира (винныхъ ягодъ), указывая на присутствіе подпочвенной влаги. Изъ подъ камней, разбросанныхъ у подошвы горныхъ хребтовъ, разбуженныя стукомъ конскихъ копытъ, съ любопытствомъ выглядываютъ ящерицы, поражая своею разнообразною окраскою самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Блестя своею металическою чешуею и свиваясь красивыми кольцами, иногда показываются небольшія змѣи, быстро исчезая среди камней. Лошади въ такихъ случаяхъ пугливо прядутъ ушами какъ будто инстинктивно чувствуя присутствіе опаснаго врага, борьба съ которымъ затруднительна.

Сѣрые, зеленоватые и желтые скорпіоны, меланхолично постукивая своимъ хвостомъ, медленно выползаютъ изъ норъ, сердито извивая свой хвостъ при малѣйшемъ признакѣ опасности. Тишина царствуетъ полная, и лишь иногда гдѣ-то высоко, высоко слышится клекотъ горныхъ орловъ, съ вышины высматривающихъ себѣ добычу.

Порою на страшной высотѣ появляется горный баранъ и, остановившись на мгновеніе, быстрымъ прыжкомъ перескакиваетъ черезъ пропасть и исчезаетъ изъ вида.

Между тѣмъ, то спускаясь съ высоты въ долину, то снова поднимаясь на вершину хребта, мы, наконецъ, спускаемся въ глубокую котловину, среди которой темно-зеленая группа деревьевъ рѣзко выдѣляется изъ окружающей пустыни. Это постъ Сангудагъ. Расположенный около хорошо разработаннаго родника, превращеннаго въ бассейнъ довольно значительныхъ размѣровъ, постъ и офицеръ помѣщаются въ высокомъ свѣтломъ каменномъ домѣ. Благодаря присутствію воды, растительность, посаженная на плодородномъ грунтѣ, достигла значительныхъ размѣровъ, производя своимъ видомъ особенно отрадное впечатлѣніе. Группа карагачей, широко раскинувъ свои вѣтви, окружаетъ бассейнъ, имѣющій видъ небольшого пруда со свѣтлой, какъ кристалъ, холодною, ключевою водою. Бассейнъ выливаетъ излишекъ своей воды небольшимъ ручьемъ, по берегамъ котораго въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ казармы, сиротливо пріютились три туркменскихъ кибитки. Свѣжесть воды и окружавшей ее зелени чувствовалась даже на значительномъ разстояніи, сразу придавъ бодрость нашимъ конямъ, измученнымъ длинною дорогою. Съ чувствомъ особеннаго, совершенно неизвѣстнаго людямъ, живущимъ въ культурныхъ мѣстахъ, наслажденія раскинулись мы на коврѣ подъ тѣнью густой листвы. Испытывая какую-то пріятную истому и

общую слабость во всемъ организмѣ, мы занялись чаепитіемъ, поглощая массу горячей влаги, утоляющей жажду.

— Вотъ это, могу сказать,—прямо рай, особенно если вспомнить Богомъ проклятый Чатъ, да и всю Атрекскую линію, заговорилъ докторъ.

— Здѣсь жить и умирать не нужно!

— Да, это вы вѣрно говорите—въ общемъ жить не дурно, но все же, если вспомнить, что отъ ближайшаго человѣческаго жилья находишься на разстояніи 200 верстъ, а отъ желѣзной дороги 500, такъ даже страшно станетъ, задумчиво отвѣтилъ штабъ-ротмистръ, видимо отвыкшій въ этой глуши отъ людей и поэтому съ какимъ то особеннымъ удивленіемъ посматривавшій на всѣхъ насъ.

— Газеты, письма доходятъ до меня черезъ два мѣсяца, а пропитаніе достать здѣсь трудновато. Больше разными консервами пробавляемся, а нижніе чины запасы сала имѣютъ и изъ него варятъ борщи съ разными травками, которыя растутъ по ручью... Ну, а затѣмъ, каша изъ риса. Вотъ вамъ и все. Охоты здѣсь трудныя и поэтому дичь попадается рѣдко. Въ кои то вѣки удается подстрѣлить горнаго барана или козла, ну тогда и праздникъ настоящій бываетъ. Отъ людей же совершенно отвыкаешь, начинаешь прямо-таки ихъ бояться. За весь годъ, который я здѣсь, раза три командиръ отдѣла, да разъ командиръ бригады были, вотъ и всѣ. Рѣдко, рѣдко когда туркменскую перекочевку гдѣ нибудь въ горахъ встрѣтишь. Однимъ словомъ, настоящая пустыня. Здѣсь самое хорошее мѣсто для самоизуче-

нія. Волей-неволей поглубже въ себя заглянешь и подумаешь кое о чемъ, о чемъ бы, живя среди людей, и въ голову не пришло думать. А кромѣ того, въ часы досуга занимаешься наблюденіями за различными явленіями природы, да надъ жизнью животнаго мира, немногіе представители котораго встрѣчаются на здѣшнихъ мѣстахъ.

— Змѣй пропасть, недовольнымъ тономъ заговорилъ докторъ, брезгливымъ жестомъ указывая на свернувшуюся красивыми кольцами около дерева небольшую змѣю ярко-краснаго цвѣта".

— Змѣй? протянулъ штабъ-ротмистръ въ раздумьи, какъ будто что-то припоминая.

— Да, змѣй здѣсь много, но только въ этомъ районѣ ядовитыя попадаются рѣдко. Здѣсь много, такъ называемыхъ степныхъ удавовъ—это, доложу вамъ, животное, съ которымъ крайне непріятно встрѣтиться. Длиною они бываютъ до 3-хъ аршинъ и больше, при толщинѣ до четверти. Положимъ, что съѣсть такой удавъ человѣка не можетъ, а помнетъ, да и напугаетъ порядочно. При всемъ томъ, зубы у него, какъ у собаки, и кусаютъ они преисправно. У насъ недавно случай такой былъ: Шелъ одинъ солдатъ по направленію къ Хоръ-Олуму подъ вечеръ и въ темнотѣ вѣроятно довольно неделикатно потревожилъ покой такого удава. Такъ тотъ его основательно помялъ, а ужъ покусалъ лучше хорошей собаки. Напугался бѣдняга страшно, потомъ въ лазаретѣ въ нервной горячкѣ мѣсяца два вылежалъ. Разновидность степныхъ удавовъ встрѣчается на югѣ Россіи и на Кавказѣ, гдѣ они носятъ названіе желтопузовъ.

Просидѣвъ подъ тѣнью деревьевъ остальную часть вечера и тутъ же устроившись на ночлегъ, мы на другой день съ раннею зарею двинулись дальше.

Солнце еще не жгло; а освѣщало окрестности, золотя ихъ своими пурпуровыми лучами. Отливая багрянцемъ вырисовывались передъ нами хребты горъ. Отвѣсныя гладкія крутизны стояли порою съ обѣихъ сторонъ ущелья, по которому пролегала наша дорога. Растреснувшіяся горныя породы нависали надъ самою головою. Казалось, достаточно легкаго, незначительнаго толчка, чтобы эти массы нагромождѣнныхъ другъ на друга камней устремились внизъ и раздавили весь нашъ караванъ своею тяжестью. Порою горы мѣняли свой желтовато-грязный оттѣнокъ и передъ нами вырисовывались скалы то совершенно сѣраго, то почти краснаго цвѣта. Огромныя плиты какого-то камня привлекали общее вниманіе. Слои этихъ плитъ, какъ будто сложенные правильными рядами, казалось были распилены и сложены рукою человѣка.

— Это шифферъ или аспидъ, какъ его называютъ, какъ будто угадалъ нашъ вопросъ штабъ-ротмистръ.

— Здѣсь его громадныя залежи, есть цѣлыя горы изъ сплошнаго шифера. Мы изъ него выламывали фундаменты для постройки нашихъ постовъ; но только жаль, что онъ мягокъ. Хотя въ то же время благодаря этому, онъ отлично поддается обдѣлкѣ. Вѣдь у насъ тутъ офицеръ на всѣ руки. Нужно строить, приказало начальство, я и превратился въ

архитектора, и ничего, цѣлыхъ четыре казармы выстроилъ; теперь офицерскій домъ заканчиваю. Въ общемъ вышло не дурно. Хотя скажу вамъ, пришлось преодолѣть страшныя трудности. Доставка деревяннаго матеріала за 500 верстъ вызвала въ особенности много хлопотъ, да и стоила порядочно. Верблюдъ больше 50 кирпичей или двухъ, трехъ досокъ взять не можетъ. Вотъ при такихъ условіяхъ и приходилось вести постройку. Да и рабочихъ за деньги достать нельзя. Никто не хочетъ ѣхать въ эту трущобу. Въ особенности же сильно пришлось помучиться со стеклами. Чуть не на рукахъ ихъ несли. Здѣсь нужно считать стоимость стекла на вѣсъ золота, да и то выйдетъ дешево. Построить—все построили, да потомъ до сихъ поръ съ контролемъ никакъ къ соглашенію придти не можемъ. Кабы они знали наши мѣста, такъ другое сказали, а то, сидя гдѣ-нибудь въ Баку, даже и не въ состояніи себѣ представить здѣшнихъ дорогъ и тѣхъ условій, при которыхъ велась постройка. Требуютъ, напримѣръ, отъ меня росписокъ съ подписями лицъ въ полученіи денегъ да еще засвидѣтельствованныя нотаріусомъ или полиціей. А гдѣ ее возьмешь, когда съ одной стороны рабочій персъ неграмотенъ, а съ другой—здѣсь ни нотаріуса, ни полиціи на 300 верстъ въ наличности не имѣется...

— Дальше, въ горахъ попадаются и другія горныя породы? полюбопытствовалъ докторъ, внимательно осматривавшій кусокъ какого-то камня.

— Да, есть достаточно. Много встрѣчается видовъ гранита. Мраморы есть всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ,

много малахита, а ужъ такія породы, какъ алебастръ, и говорить нечего—ихъ цѣлыя сплошныя горы. Каменный уголь мѣстами приходилось видѣть, но этого мало. Вотъ вы въ рукахъ теперь держите, это кусокъ кварца съ вкрапленной въ немъ свинцовой рудой. Желѣзная же и мѣдная руды встрѣчаются часто. Старики туркмены мнѣ также говорили, что въ этихъ горахъ, въ очень, вѣроятно отдаленныя времена, добывали много серебряной руды...

— Въ одно изъ своихъ скитаній по здѣшнимъ мѣстамъ я наткнулся на пещеру, которая, какъ оказалось была входомъ въ шахту. Весьма вѣроятно, что когда-то здѣсь производилась добыча какой нибудь горной породы, потому что, спустившись въ шахту, я увидѣлъ нѣсколько галерей, идущихъ въ разныя стороны, причемъ въ колодцѣ, ведущемъ куда-то въ глубину, виднѣлись остатки какой-то лѣстницы; кромѣ того, тамъ же валялся какой-то сосудъ и подобіе топора, превратившагося въ одну ржавчину... Пещеръ же и подземныхъ ходовъ естественныхъ также масса, но конечно никѣмъ изслѣдованій не Производилось — слишкомъ глухи здѣсь мѣста и слишкомъ удалены они отъ центровъ культурной жизни".

VIII.

Кизилъ-Имамъ. Чеканъ-Кала.

То поднимаясь на хребетъ, то спускаясь внизъ, двигались мы довольно медленно къ посту Кизилъ-Имамъ, расположенному около аула того же имени. Аулъ этотъ населенъ осѣдлыми туркменами, принадлежащими къ племени гокламовъ. Во время переѣзда обращала на себя вниманіе значительная разница въ температурѣ на горахъ и ущельяхъ. На высотахъ въ 600—700 футовъ воздухъ былъ свѣжъ и легкій вѣтерокъ постоянно шелестѣлъ сухою травою, покрывавшей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вершины горъ. Внизу же, въ ущельяхъ было душно и не чувствовалось ни малѣйшаго движенія воздуха. Съ высоты горнаго хребта до самаго края горизонта со всѣхъ сторонъ виднѣлись все тѣ же однообразныя горы. которымъ казалось нѣтъ конца. Синѣя, вдали поднимались одинъ за другимъ все выше и выше горные хребты. Между тѣмъ, въ началѣ изрѣдка, а затѣмъ все чаще, начали попадаться мѣста, покрытыя довольно высокою травою. Въ расщелинахъ показались густыя заросли камыша, боярышника, горной акаціи, инжира и дикихъ яблокъ. Сплетаясь вѣтвями, покрытыми ползучими растені-

ями, заросли эти являлись совершенно непреодолимою преградою. Спустившись внизъ мы ѣхали по живописному ущелью. Съ обѣихъ сторонъ поднимались каменные сѣрые массивы горъ, среди которыхъ, прихотливо извиваясь, бѣжалъ быстрый ручей. Мѣстами, изъ расщелинъ скалъ просачивалась капля за каплей свѣтлая, холодная вода маленькихъ родниковъ. Отдохнувъ на посту Кизилъ-Имамъ, мы проѣхали черезъ небольшой аулъ и снова углубились въ ущелье, которое все расширялось, образуя уже значительныя долины годной для обработки земли, покрытой густою, темно-изумруднаго цвѣта, травою. Ручей, глухо журча, постепенно дѣлался полноводнѣе.

— Это рѣка Чендырь, сообщилъ намъ штабсъ-ротмистръ П.

— Надо вамъ сказать, что отсюда начинается культурная полоса, заселенная осѣдлыми туркменами. Вотъ, посмотрите, передъ нами уже виднѣются небольшіе участки земли, на которыхъ были посѣвы. Дальше мы встрѣтимъ уже вполнѣ хорошую землю, которую орошаютъ водами Чендыря. Тутъ засѣваютъ очень много кукурузы, джугары и ячменя, а въ послѣднее время заразились общимъ увлеченіемъ всего Туркестана и стали сѣять хлопокъ. Урожаи здѣсь всегда отличные, да и понятно: они находятся внѣ всякой зависимости отъ засухи.

Хозяйство ведется исключительно поливное и вся земля искусственно орошается по мѣрѣ надобности. Изъ рѣки проводятся маленькія канавки, черезъ которыя періодически участокъ наполняется

водою. Работа на такомъ участкѣ довольно трудная а главное—хлопотливая. Нѣсколько разъ въ теченіи дня нужно запрудить нѣкоторыя канавки и напустить водою, затѣмъ такимъ же порядкомъ, тоже въ строго опредѣленное время, нужно воду спустить. То же самое ночью. Благодаря возможности заниматься земледѣліемъ, здѣсь съ давнихъ временъ осѣли нѣкоторые туркменскіе роды, по всей долинѣ рѣки Чендыря и отчасти по Сумбару.

Наши войска, двигаясь на завоеваніе Закаспійскаго края, разсчитывали на эту долину, вполнѣ правильно, предполагая, что здѣсь легко достать фуражъ и продовольствіе. Вѣдь въ сущности, это одна изъ житницъ Закаспія. Теперь населенію живется относительно не дурно. Рѣдко, рѣдко прорвутся аламанщики и отгонятъ стадо барановъ, да и то въ большинствѣ случаевъ ихъ нагоняютъ и снова отбиваютъ захваченную имъ добычу. Прежде же аламанство въ этихъ мѣстахъ наносило огромный ущербъ земледѣлію. Туркмены по натурѣ разбойники, а эти наѣзды у нихъ были возведены прямо таки въ культъ. Собирается шайка такихъ головорѣзовъ, выберетъ себѣ предводителя, носившаго званіе сердара, т. е. военачальника, и ударится искать мѣста, гдѣ можно что-нибудь захватить. Обыкновенно такой сердаръ выбирался на все время набѣга и ему всѣ, входившіе въ составъ шайки, обязаны были слѣпымъ повиновеніемъ. Кончился набѣгъ и оканчивались принятыя всѣми обязательства по отношенію къ своему сердарю. Обыкновенно всѣ давали клятву жить и умирать вмѣстѣ.

Клятва эта давалась такимъ образомъ: вырывали небольшую яму, глубиною около аршина, и всѣ участники плевали въ нее, а затѣмъ яма засыпалась землею и эта-то земля являлась скрѣпою и свидѣтельницей данной клятвы. Если набѣгъ былъ удаченъ, то сердаръ, проявившій распорядительность и храбрость, могъ надѣяться быть выбраннымъ въ сердары и при слѣдующемъ набѣгѣ. Клятва же, данная передъ выходомъ, исполнялась всегда свято и если даже сердаръ оказывался почему бы то ни было несоотвѣтствующимъ, то все же его оставляли до конца похода, — причемъ, конечно, въ этомъ случаѣ нужно думать, что смѣною сердара не желали наживать себѣ въ своей же средѣ врага, могущаго при случаѣ по злобѣ выдать весь планъ предполагаемаго набѣга. Особенно выдающимся сердарамъ давалось еще названіе Батырь т.-е. храбрецъ-богатырь, Это званіе давалось рѣдко и только за подвиги особой храбрости. Недавно умеръ штабсъ-капитанъ Милиціи Куль-Батырь-Сердаръ одинъ изъ военачальниковъ текинцевъ носившій названіе Батыра. Человѣкъ рѣдкой храбрости, а послѣ завоеванія края русскими былъ вѣрнымъ слугою Россіи... Въ сущности текинцы со своими сердарами являлись вольнымъ казачествомъ въ Закаспійскихъ степяхъ. Нѣкоторые сердары пользовались огромною популярностью и къ нимъ иногда собиралось по нѣсколько тысячъ всадниковъ, съ которыми они и совершали свои налеты на персидскіе аулы, а также и на свои же, но враждебные роды и племена. Главное, что требовалось, это бы-

строта, и быстроту своихъ передвиженій они доводили до поразительности. Такая шайка неожиданно появлялась и быстро исчезала, угоняя съ собою стада верблюдовъ и барановъ, а главное, уводя людей, которые являлись главною и самою цѣнною добычею, такъ какъ рабы всегда охотно покупались и въ Персіи, и въ Мервѣ, и въ Афганистанѣ. По цѣнѣ, люди туркменскихъ племенъ всегда стоили дороже персовъ. Приводили они также иногда и русскихъ плѣнниковъ, отбивая ихъ у хивинцевъ...

— Вотъ и аулъ Наарли, указалъ П. черезъ нѣсколько времени на значительную группу кибитокъ стоявшихъ по долинѣ.

— Кочевники не разстаются съ своими кибитками, такъ какъ они обыкновенно, собравъ урожай, частью откочевываютъ со своими стадами барановъ въ горы, гдѣ, какъ видѣли, есть привольныя мѣста для пасбищъ.

— Постъ нашъ расположенъ на противоположномъ концѣ аула, среди большой группы зелени впереди. Теперь, благодаря требованію администраціи, туркмены также стали засаживать свои арыки древесными породами, поэтому зелени вездѣ много. Но все же нужно признать, что у кочевника въ крови не любовь къ лѣсу. Они вѣками привыкли къ сожженной солнцемъ пустынѣ и поэтому, какъ видите, не ставятъ своихъ кибитокъ близко къ водѣ и къ зелени, а всегда въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи. При этомъ старики всегда объясняютъ, что вода и зелень—причины лихорадокъ, а лихорадка здѣсь

—это смерть. Аулъ довольно значительный. Дальше за Наарли къ посту Акъ-Кая мѣста будутъ все лучше и лучше. Въ особенности есть кое-гдѣ чудные уголки съ роскошною растительностью.

Устроившись въ прохладной казармѣ на отдыхъ мы, утомленные длинною дорогою, всѣ разомъ погрузились въ глубокій, непробудный сонъ, раскинувшись на соломенныхъ тюфякахъ солдатскихъ кроватей.

Какое-то непріятное ощущеніе чего-то посторонняго, копошившагося около тѣла, заставило меня открыть глаза и разомъ вскочить на ноги. Что-то подо мною закопошилось, хрустнуло и, къ моему удивленію, я на кровати замѣтилъ какое-то отвратительнаго вида животное, среднее между пауком и ракомъ, раздавленное поворотомъ моего тѣла. Желтовато-чернаго цвѣта, покрытое пухомъ, оно имѣло до крайности непріятный видъ... Сосѣди мои, разбуженные шумомъ, также проснулись. Докторъ, сердито посматривая по сторонамъ и протирая глаза, очевидно былъ очень недоволенъ преждевременнымъ пробужденіемъ.

— Чего это вы вскочили,—съ ноткою крайняго довольствія въ голосѣ заговорилъ онъ?

— Я бы еще превосходно часокъ другой поспалъ...

— Ага, однако, вы изъ трусливыхъ,—уже весело добавилъ онъ, увидя причину моего испуга“...

— Есть чего, фаланги испугались. Она вовсе не такая страшная, какъ вы думаете. Если ее не трогать, такъ она васъ сама никогда не укуситъ... А что отъ нихъ не убережешься, такъ это вѣрно. Ихъ

здѣсь сотни разгуливаютъ... Посмотрите-ка на потолокъ.

Взглянувъ по указанному направленію, я съ ужасомъ увидѣлъ, что настилка потолка, состоящая изъ плетеныхъ циновокъ, называемыхъ по мѣстному барданки, вся кишѣла массами фалангъ, очевидно чувствовавшихъ себя какъ нельзя лучше и совершенно небоящихся людей. Значитъ дѣйствительно приходится примириться съ ихъ существованіемъ; съ такими массами воевать не приходится...

Растянувшись длинною вереницею, шли наши кони вдоль ущелья, по теченію все той же рѣки Чендыри. До поста Чаканъ-Кала дорога пролегала среди безконечныхъ зарослей, тянувшихся по обѣимъ сторонамъ у подошвы скалистыхъ горъ. Ближе къ рѣкѣ виднѣлись засѣянныя поля. Туркменскія кибитки, раскинувшись далеко другъ отъ друга, тянулись сплошнымъ рядомъ на нашей дорогѣ. Сразу чувствовалось, что это мѣста, давно насиженныя туземнымъ населеніемъ. Громадныя стада барановъ темными пятнами виднѣлись на горныхъ склонахъ. Бѣлыя овчарки провожали насъ глухимъ ворчаніемъ, осматривая внимательно окрестности своими умными глазами. Пройдя по долинѣ нѣсколько верстъ, мы поднялись на вершину хребта и съ него спустились въ узкое ущелье, по которому пролегала тропа. Сплошныя заросли встрѣчались все чаще и чаще...

— Вотъ гдѣ раздолье-то для всякаго звѣря. Привольнѣй мѣстъ трудно сыскать,—сказалъ докторъ,

указывая на свѣжій протоптанный слѣдъ, направлявшійся отъ небольшого родника въ заросли.

— Да, здѣсь дѣйствительно звѣрей много. Попадаются часто барсы, тигры, гепарды и различные виды дикихъ кошекъ. Все это звѣрь сильный, нападающій частенько на человѣка. Исключеніе изъ нихъ составляютъ лишь гепарды—это разновидность барса. По внѣшнему виду онъ отъ него отличается лишь высокимъ ростомъ и большею величиною, да, кромѣ того, у гепарда когти такого же устройства, какъ у собаки... Въ Абиссиніи, напримѣръ, гепарда приручаютъ: онъ обладаетъ способностью привязываться къ человѣку и служить не хуже охотничьей собаки. Въ сущности, несмотря на свою довольно страшную наружность звѣрь миролюбивый.. У насъ недавно постовыя собаки выгнали гепарда изъ зарослей и, ну, его гонять. Довели до полнаго изнеможенія, а тутъ подбѣжали люди и убили его палками... Шкура очень красивая вышла—бѣлая съ черными кольчатыми пятнами.

— Барсъ же другое дѣло; съ тѣмъ встрѣчаться опасно. Иногда такъ здорово живешь, кинется—хоть его и не трогаешь. Бывали примѣры, что сразу изъ зарослей прыгнетъ на крупъ лошади. Одинъ солдатъ въ прошломъ году, нечаянно наткнувшись, потревожилъ его покой... Тотъ на него, ну, да молодчина солдатъ оказался, руками удачно схватилъ его за горло и удушилъ такимъ образомъ. Но замѣчательно граціозное животное. Иногда въ разъѣздѣ видишь, сидитъ гдѣ нибудь на карнизѣ скалы, на солнцѣ грѣется и даже жмурится отъ удовольствія.

Прямо-таки на него залюбуешься. Тигры, встрѣчаются рѣже, да и, правда сказать, этихъ встрѣчъ волей-неволей опасаешься. Ужъ очень серьезный звѣрь, съ нимъ шутки плохія выходятъ. При самомъ благопріятномъ случаѣ искалѣчитъ совершенно, а то и на тотъ свѣтъ отправитъ. Силища у него огромная. Я видѣлъ разъ, какъ онъ, схвативъ около кочевья корову и перекинувъ ее себѣ на спину, прыгалъ черезъ высокіе заборы такъ же легко, какъ будто бы несъ какую нибудь незначительную ношу. Много онъ вреда приноситъ здѣшнему населенію... Бьютъ ихъ порядочно. Шкура представляетъ все-таки значительную цѣнность: рублей 40—50 за нее выручить можно...

Между тѣмъ незамѣтно за разговоромъ мы добрались до поста Чаканъ-Кала, расположеннаго при входѣ въ ущелье, ведущее въ Персію. Постъ занимаетъ старую казачью казарму, окруженную высокою стѣною съ четырьмя двухъ-этажными башнями по угламъ. Постройка подобнаго укрѣпленнаго пункта въ свое время была вызвана безпрестанными набѣгами іомудовъ-аламанщиковъ черезъ это ущелье въ русскіе предѣлы.

— Еще всего два года тому назадъ, уже при мнѣ, былъ такой набѣгъ,—вспоминалъ мѣстный командиръ отряда.

— Часть шайки подошла по ущелью, а остальные заняли горный хребетъ, который противъ насъ, и оттуда начали насъ осыпать свинцовымъ дождемъ изъ своихъ винтовокъ. Пять дней продержали въ осадѣ... Чуть кто покажется на дворѣ, какъ сверху

въ него открываютъ огонь залпами. Бѣда просто была... и вылазку сдѣлать невозможно. Вѣдь чтобы до нихъ добраться, нужно верстъ пять вверхъ по ущелью ѣхать. Ну, мы и занимались перестрѣлкою... Хорошо еще, у насъ такъ карагачи да чинары разрослись, что за ними можно скрыться, а то прямо бы на выборъ перебили. Запасовъ было мало, такъ мы за эти дни попостились: у насъ одного всего человѣка да лошадь убили. На слѣдующемъ посту Акъ-Кая такой же случай былъ. Главное дѣло, они легко достаютъ наши же винтовки Бердана, и поэтому всѣ вооружены прекрасно. Послѣднее время появились также и винтовки системы Берингеля. Снабжаютъ ихъ наши же армяне и евреи, доставляющіе оружіе черезъ Черное море и турецкія владѣнія въ Малой Азіи. Стоимость винтовки Бердана здѣсь отъ 100 до 200 рублей, за трехлинейную же винтовку даютъ 300—400. Послѣднія достать труднѣе—ну, они и бьютъ нашихъ же солдатъ, а то и кражами оружія съ нашихъ постовъ занимаются. Здѣсь съ этимъ приходится держать ухо востро. Мы даже на ночь винтовки особою цѣпью на пирамидѣ запираемъ... Другое неудобство здѣшней жизни—это маляріи. Сами видите, постъ стоитъ въ долинѣ; вокругъ вездѣ вода. По Чендыри заросли камыша большія, поэтому люди болѣютъ сильно.

Квартиру офицера составляютъ двѣ комнаты въ той же казармѣ, заставленныя различными фотографическими аппаратами.

— Только и развлеченія, что снимаю,—жаловался офицеръ, съ особымъ удовольствіемъ прислу-

шивавшійся къ нашему разговору. Метереологическія наблюденія, кромѣ того, дѣлаю. Если къ этому добавить незначительное время бездѣлія, то вотъ вамъ и полная картина моей жизни... Про службу не говорю, она у насъ вездѣ по всей границѣ одинаково тяжела.

— До поста Акъ-Кая вамъ придется ѣхать горами, все по вершинамъ хребта; тамъ увидите сами какіе дивные уголки, но только, какъ не любишь природу, а все же хочется посмотрѣть на жизнь культурныхъ людей. Лучше всего, сидя въ городѣ разсматривать картины глухихъ уголковъ, а жить въ этихъ уголкахъ, не дай Богъ. Здѣсь чѣмъ дальше, тѣмъ больше приволья и больше растительности. Но до Акъ-Кая и дальше мѣста пойдутъ горныя. Населенія никакого. Развѣ гдѣ встрѣтите стадо барановъ. За то дальше отъ Дузлу-Тепе снова начнется культурный край. Тамъ уже попадаются громадные участки обработанной земли и большіе аулы, не то что у насъ, двѣ три кибитки.

Въ особенности обратите вниманіе, когда будете проѣзжать черезъ аулъ Нухуръ.

Это по нашимъ мѣстамъ не аулъ, а цѣлый городъ около тысячи если не больше, жителей.

Старинное мѣсто.

Теперь около Нухура на плато располагается войска лагеремъ. Говорятъ, что Нухуръ былъ когда-то городомъ, а потомъ пришелъ въ упадокъ. Жители его принадлежатъ, повидимому, къ семитическому племени, ибо по внѣшности совершеннѣйшіе семиты... Тотъ же типъ, что у нашихъ евреевъ. Хотя это какъ

говорятъ арабы. Нухуръ сослужилъ намъ службу при завоеваніи края принявъ скоро нашу сторону противъ текинцевъ...

Спустившись съ высотъ горнаго кряжа и проѣхавъ черезъ постъ Акъ-Кая, расположенный среди скалистыхъ горъ, мы выѣхали къ ущелью, ведущему къ Дузлу-Тепе.

IX.

Кара-Кала-Кайне-Касыръ.

Укрѣпленіе Кара-Кала является однимъ изъ значительныхъ по числу населенія пунктовъ Закаспія... Почтово-телеграфная контора, таможня и нѣсколько лавокъ наглядно указываютъ на это значеніе. Казачья сотня, резервная рота и Штабъ отдѣла пограничной стражи составляютъ его гарнизонъ. Общее впечатлѣніе этого пункта такое же какъ и всѣхъ небольшихъ городовъ въ области. Вокругъ русскаго города по теченію рѣки Сумбару тянутся аулы осѣдлыхъ туркменъ принадлежащихъ къ племени гокланъ.

Ущелье, идущее отъ Кара-Кала по направленію къ Дузлу-Тепе, въ которое мы въѣхали, тянется между горнымъ хребтомъ на разстояніи почти 35-ти верстъ и принадлежитъ къ числу самыхъ живописнѣйшихъ мѣстъ Закаспійской области. При взглядѣ на открывающіеся вдоль дороги виды чудной растительности, невольно забывается сожженная солнцемъ песчаная пустыня. Картины природы здѣсь поражаютъ своимъ разнообразіемъ, представляя собою изумительно красивые уголки. Громад-

ныя сѣрыя скалы поднимаются на всемъ протяженіи ущелья сплошными стѣнами, то расходясь далеко другъ отъ друга и образуя долины, покрытыя зарослями, то сближаясь, превращаются въ широкій мрачный корридоръ съ нависшими надъ дорогою карнизами. По дну ущелья, журча и прихотливо извиваясь, протекаютъ воды Сумбара, берущаго свое начало съ высотъ Кара-Калинскаго хребта и впадающаго въ Атрекъ около Чата. Мѣстами, заросли казались цѣлымъ непроницаемымъ лѣсомъ. Подъ склонами горнаго ущелья вездѣ чувствовалось присутствіе влаги, являющейся большой противоположностью горячимъ раскаленнымъ степямъ. Громадные карагачи, чинары и гранатовыя деревья привольно разростались по берегу рѣки, покрывая собою всѣ склоны ущелья. Переплетаясь съ различными кустарниками, они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляли собою заросли, куда не въ состояніи заглянуть даже прямые лучи южнаго яркаго солнца. Кое-гдѣ, пустивъ свои корни въ расщелины скалъ, на страшной высотѣ, виднѣлись кусты инжира, питающагося незначительнымъ количествомъ влаги сохраняемой землею, наполняющей эти расщелины. Порою передъ нами растилались небольшія долины, среди которыхъ виднѣлись двѣ-три кибитки туркменъ, расположенныхъ около участковъ, засѣянныхъ джугарою, арбузами и пшеницею. Иногда, гдѣ-то высоко надъ нашими головами, слышалось журчаніе воды, просачивающейся сквозь каменные массивы горнаго кряжа. Словно брилліанты искрились на солнцѣ капли падающей воды, выступая будто слезы

на каменной поверхности. Въ этихъ мѣстахъ на всѣхъ карнизахъ виднѣлась изумруднаго цвѣта свѣжая зеленая трава, имѣя видъ шелковистаго бархатнаго ковра, задрапировавшаго красивыми складками сѣрыя скалы, Темные тоны различныхъ видовъ мха покрывали огромные обломки скалъ, разбросанныхъ по ущелью. Колоссальный геологическій переворотъ, образовавшій эту грандіозную трещину, нагромоздилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыя горы камней. Кое-гдѣ на поверхности скалистыхъ стѣнъ виднѣлись отверстія пещеръ, закрытыхъ нависшими карнизами. Стаи летучихъ мышей, испуганныя стукомъ копытъ нашихъ лошадей, гулко разносившагося по ущелью, поднимались и начинали носится въ воздухѣ, издавая пронзительный визгъ...

— Когда-то, видимо, эти пещеры служили мѣстомъ жительства для людей, — заговорилъ штабъ-ротмистръ №... меня очень интересовали онѣ и поэтому я какъ-то разъ вздумалъ изслѣдовать двѣ пещеры, про которыя у мѣстнаго населенія ходятъ разсказы, что въ нихъ когда-то жила шайка разбойниковъ, которые грабили всѣхъ въ окрестностяхъ и, по завоеваніи края русскими, были принуждены уйти въ Персію, скрывъ награбленныя богатства въ этихъ пещерахъ. Запаслись мы достаточнымъ количествомъ веревокъ и я, устроивъ нѣкоторое подобіе люльки, употребляемое штукатурами при работахъ началъ спускаться сверху. Входъ въ пещеру, какъ вы сами видите, находится отъ поверхности земли саженяхъ въ 30, причемъ, какъ можно предполагать, когда-то

карнизъ, начинавшійся сверху, зигзагами спускался къ этой пещерѣ и такимъ образомъ служилъ дорогою къ ней. Впослѣдствіи, вѣроятно, горная порода вывѣтрилась и карнизъ, обрушился, образовалъ гладкую стѣну, которую мы теперь видимъ. Ощущеніе было не изъ пріятныхъ и невольно чувствовалось головокруженіе при взглядѣ внизъ, вися надъ 200 саженной бездной. Передъ пещерой сохранилась небольшая площадка, выйдя на которую, я направился въ самую пещеру, взявъ съ собою на всякій случай запасъ свѣчей и веревку. Внутри пещера довольно значительныхъ размѣровъ, сажень 10 длины и сажени 4 ширины, при высотѣ отъ 1 до 3 и 4 сажень. Съ одной стороны на стѣнѣ виденъ налетъ черной копоти, повидимому, давняго происхожденія. Въ углу вырубленъ очагъ. Далѣе эта пещера соединялась съ другою, корридоромъ въ нѣсколько сажень длины; слѣдующая пещера была несравненно большихъ размѣровъ и слабый свѣтъ свѣчей не давалъ позможности опредѣлить ея размѣры. Единственно, что чувствовалось это страшная тяга воздуха, указывавшая на соединеніе ея или съ другими пещерами, или же съ поверхностью земли. Нашелъ я нѣсколько обломковъ грубо обдѣланныхъ каменныхъ предметовъ, имѣвшихъ нѣкоторое отдаленное сходство съ плоскими чашками. Грунтъ въ пещерахъ каменистый, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны кучи глины. Дальше, по корридорамъ, я свои изслѣдованія не рискнулъ продолжать, въ виду того что свѣчи тухли отъ тяги воздуха, да и, кромѣ того, чувствовалось какое-то невольное угнетенное состояніе.

Ущелье между тѣмъ все расширялось и передъ нами вдали уже виднѣлся аулъ Дузлу-Тепе, расположенный среди значительной долины, покрытой зеленью различныхъ посѣвовъ.

— Здѣсь очень хорошая почва для земледѣлія,— заговорилъ штабъ-ротмистръ,—сѣютъ всего много, а въ особенности много бахчей. Все мѣстное населеніе почти цѣлое лѣто питается исключительно лепешками изъ пшеничной муки (чуреки), да арбузами или дынями, поэтому ихъ засѣваютъ въ большомъ количествѣ. Ну, джугару, просо, рисъ тоже сѣютъ и все это родится недурно, за исключеніемъ пшеницы, которая и мелка, и имѣетъ много примѣси ржи. Кромѣ обычнаго здѣсь поливнаго хозяйства, уже въ этихъ мѣстахъ существуютъ, такъ называемые, богарные посѣвы.

„Вотъ странное названіе!.. — заинтересовался одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

— Богарные посѣвы?!..

— Да это въ сущности посѣвъ безъ поливки.,.

Для такого посѣва обыкновенно выбираютъ мѣста на высотахъ горъ, не ниже 3,000 футовъ надъ уровнемъ океана. Тамъ, во-первыхъ, иногда выпадаютъ дожди, а во-вторыхъ, посѣвы не сжигаются солнцемъ. Вообще-же, какъ говорятъ знатоки, удачны посѣвы не ниже полосы горныхъ тумановъ. Урожаи бываютъ вообще хорошіе. Внизу по теченію рѣки, какъ видите, идутъ заросли камышей и здѣсь для охотника, что называется, земля обѣтованная,—дичи масса, въ особенности кабановъ, которые подходятъ ночью къ самому посту. Здѣсь у людей чуть не

круглый годъ всегда есть запасы свинины. Бьютъ они ихъ чуть не каждый день. Мясо вкусное, хотя скоро пріѣдается".

— Постъ, расположенный въ бывшей казачьей казармѣ, несетъ свою трудную службу изо дня въ день, разнообразя ее лишь охотами на кабановъ, да на дикихъ козъ, которыхъ водится здѣсь также порядочно. Жизненныя же условія для людей въ этомъ раіонѣ очень недурны, да и станція отъ Кара-Кала всего 90 верстъ.

Дальше въ Кайне-Касыру мы ѣхали все время по теченію того-же Сумбара, который питаетъ своими водами цѣлый рядъ туркменскихъ ауловъ, занимающихся хлѣбопашествомъ... Горные склоны начались болѣе пологіе, мало-по-малу утративъ характеръ типичнаго горнаго ущелья. Растительность по склонамъ горъ также исчезла; вмѣсто нея небольшая трава покрывала землю. Порою передъ нами вырисовывались туркменскія кладбища, устраиваемыя ими преимущественно по склонамъ горъ. Нѣсколько деревянныхъ шестовъ, увѣшанныхъ рваными цвѣтными тряпками, замѣняли собою памятники умершимъ, особенно прославившимся во время своей земной жизни. Обыкновенно же хоронятъ и лишь набрасываютъ груду камней надъ могилой, чтобы шакалы не вытащили тѣла. Просто живутъ и просто умираютъ здѣсь люди; черезъ десятка два-три лѣтъ не остается даже признака могилы... Былъ человѣкъ, и нѣтъ его—и только.

На высотѣ небольшой скалы виднѣются развалины какой-то крѣпостцы, когда-то гордо возвышав-

шейся надъ окрестностями, а въ настоящее время своими полуразрушенными башнями и осыпавшимися стѣнами производящая особенное унылое впечатлѣніе, какъ бы служа наглядным доказательствомъ, что ничто не вѣчно на землѣ и что все, созданное руками людей, съ теченіемъ времени подвергается обязательному и неизбѣжному разрушенію.

По лѣвому горному склону, громко журча несутся по арыку воды какой-то незначительной рѣки, отведенныя гдѣ-то далеко вверхъ по теченію. Отъ этой водяной магистрали проведена цѣлая сѣть маленькихъ арыковъ, питающихъ своею водою поля, лежащія по лощинѣ.

Пограничный постъ Кайне-Касыръ, расположенный при въѣздѣ въ аулъ того же имени, представляетъ ту отличительную особенность относительно остальныхъ постовъ, что, кромѣ казармы нижнихъ чиновъ и дома офицера, здѣсь же устроено для надобностей пограничной стражи лазаретное отдѣленіе, при которомъ живетъ младшій бригадный врачъ, а также имѣется полный штатъ фельдшеровъ и лазаретныхъ служителей.

Кайне-Касырское лазаретное отдѣленіе Закаспійской бригады устроено въ 1900 году и помѣщается въ спеціально выстроенномъ для него зданіи, рядомъ съ которымъ построенъ особый домъ для врача. Отдѣленіе приспособлено на 15 больничныхъ мѣстъ для нижнихъ чиновъ и 2 для офицеровъ, но величина зданія вполнѣ свободно допускаетъ и увеличеніе количества мѣстъ въ случаѣ необходимости.

Общій наружный видъ зданія съ перваго же взгляда указываетъ на его назначеніе. Громадный домъ съ большими окнами, построенный у подошвы горнаго склона, представляетъ рѣзкій контрастъ съ безпорядочно разбросанными по долинѣ низкими глино-

Типы Туркменъ.

битными саклями туркменъ. Внутри зданія широкій свѣтлый корридоръ, спеціально устроенный для прогулки больныхъ, ведетъ въ палаты, которыя расположены по обѣимъ его сторонамъ. Полы, двери, окна все блеститъ, указывая на тотъ замѣчательный порядокъ, который установленъ въ лазаретѣ. Нѣсколько больныхъ въ синихъ холщевыхъ халатахъ стоятъ около своихъ коекъ, внимательно прислушиваясь къ словамъ врача, дѣлающаго подробный до-

кладъ о каждомъ генералу, интересующемуся малѣйшею мелочью солдатскаго обихода, а потому и относящемуся особенно внимательно къ больнымъ.

„Больше всего маляриковъ, ваше превосходительство, а затѣмъ съ различными механическими поврежденіями,"—слышится намъ спокойный голосъ врача, въ то время, какъ мы осматриваемъ одну палату за другою и останавливаемся въ операціонной комнатѣ...

— А обращаются къ вамъ туркмены за медицинскою помощью? задаетъ вопросъ генералъ, быстро окидывая все замѣчающимъ взглядомъ обстановку операціонной.

— Постоянно обращаются и вообще съ большою вѣрою относятся къ русскому леченію. Не только я, но и всѣ мои фельдшера постоянно осаждаются больными, среди которыхъ въ особенности много встрѣчается больныхъ различными глазными болѣзнями... Яркій свѣтъ солнца, жара, вызывающая обильную испарину и ѣдкая пыль являются причинами очень многихъ болѣзней; къ этому нужно добавить и то обстоятельство, что за медицинскою помощью туркмены ко мнѣ въ лазаретъ приходятъ съ самыми застарѣлыми формами болѣзни, сплошь и рядомъ попробовавъ получить облегченіе примѣненіемъ цѣлаго ряда туземныхъ средствъ"...

— Жаль, что на такіе пункты у насъ недостаточно обращается вниманія, конечно, благодаря отсутствію денежныхъ средствъ, а правду сказать, учрежденіе глазныхъ амбулаторій въ нѣкоторыхъ пунктахъ Закаспійской области было бы благодѣя-

ніемъ для туземнаго населенія... Иногда просто въ ужасъ приходишь, когда видишь больнаго, уже побывавшаго въ рукахъ туземныхъ знахарей и попробовавшаго ихъ леченіе. Вѣдь у нихъ засыпать глаза купоросомъ или чѣмъ нибудь вродѣ этого — дѣло обыкновенное. Ихъ знахари набираютъ различные травы, корни, минералы и употребляютъ ихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, дѣйствіе которыхъ имъ хорошо извѣстно, безъ всякой системы. Что подъ руку попалось то и отпустятъ больному.

Одно нужно сказать; различные виды накожныхъ болѣзней и порѣзы они лечатъ изумительно. По отношенію первыхъ ими употребляется такой-то минеральный порошокъ, имѣющій большую долю сѣры въ своемъ составѣ. Порошокъ этотъ смѣшивается съ масломъ и растирается въ ступкѣ до густоты клейстера и тогда имъ намазываются пораженныя мѣста... Парши, чесотки такимъ образомъ излечиваются въ какую-нибудь недѣлю. По отношенію же порѣзовъ и другихъ механическихъ поврежденій единственнымъ лекарствомъ служитъ корень какого-то растенія... Да вотъ, кстати, я его вамъ могу показать, и у меня есть нѣсколько корней, — одинъ знакомый туркменъ принесъ“...

— И докторъ быстро направился въ другую сторону къ одному изъ шкафовъ, откуда вынулъ довольно большой корень красно-синеватаго цвѣта, толщиною до полувершка.

„Я самъ пробовалъ имъ лечить и дѣйствительно получаются блестящіе результаты... Заживленіе всякихъ ранъ происходитъ при его употребленіи за-

мѣчательно быстро, и, кромѣ того, нужно сказать, что онъ имѣетъ антисептическое свойство"...

Проведя цѣлый день въ Кайне-Касырѣ, частью въ квартирѣ доктора, а частью у мѣстнаго командира отряда, мы рано на зарѣ тронулись дальше, по направленію къ горѣ Арвазу, выдѣлявшейся среди горнаго хребта и давно показавшейся на краю горизонта. До поста Дайне, находящагося около аула того же имени, мы проѣхали разстояніе въ нѣсколько верстъ совершенно незамѣтно. Мѣста здѣсь имѣли совершенно одинаковый характеръ широкой долины, засѣянной различными видами зерноваго хлѣба, кунжута и риса. Развалины персидской крѣпости Кайне-Касыра быстро изчезли изъ нашихъ глазъ. Кони наши шли крупною рысью, дробно выбивая подковами по твердому грунту наѣзжанной дороги.

— Не правда-ли, какъ странны здѣшнія мѣста по всему Закаспію — каждая даже маленькая долина, гдѣ есть вода, отличается хорошей растительностью а подниметесь изъ нея вверхъ на плоскогорье, такъ снова все совершенно мертво,—сказалъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, указывая на поднимавшіеся по сторонамъ голые, пустынные холмы. При этомъ вода распредѣлается крайне неравномѣрно. Пойдутъ дожди и начинаются наводненія. Прошелъ этотъ періодъ и снова все высыхаетъ.

— Вдали, между тѣмъ, виднѣлись уже горные хребты, покрытые темными пятнами зелени — это арчевые лѣса, покрывающіе вершины горъ. Арча или горный кипарисъ принадлежитъ къ породѣ

хвойныхъ деревьевъ. Заросли его встрѣчаются почти по всей Закаспійской области, но особенно ихъ много въ этой части Копетъ-Дага. Вышиною не болѣе 3-хъ сажень, дерево это достигаетъ до одного аршина толщины у корня и въ то же врема очень быстро утончается въ верхушкѣ. При большой твердости, оно очень узловато. Вслѣдствіе недостатка древесныхъ породъ его употребляютъ на постройку, но чистой отдѣлкѣ оно не поддается. Туземное населеніе, кромѣ употребленія арчи для своихъ надобностей, занимается также выжиганіемъ изъ него углей и добываніемъ смолистаго вещества, вродѣ дегтя.

Отдохнувъ на посту Дайне и перемѣнивъ лошадей, мы длинною вереницею вытянулись по горной тропѣ, начавъ подниматься по склону горы, лежащей передъ Арвазомъ. Медленно, шагъ за шагомъ, двигались привычные кони въ гору.

Подъемъ становился все круче и круче. Съ лѣвой стороны передъ нашими глазами виднѣлось ущелье, по краю котораго, прихотливо извиваясь, пролегала конная тропа, по которой мы ѣхали. Часа черезъ два съ половиной начался спускъ съ первой горы, а затѣмъ и подъемъ на гору Арвазъ, темной шапкой виднѣвшуюся передъ нашими глазами. Заря между тѣмъ уже догорѣла и за нею непосредственно, какъ бы разомъ, упала на землю темнота. Яркія блестящія звѣзды выдѣлялись на темномъ фонѣ неба, которое казалось огромнымъ куполомъ, высоко поднимавшимся надъ нами. Мѣстами подъемъ былъ такъ крутъ, что приходилось слѣзать съ лошадей и

двигаться впередъ, держась за сѣдельное стремя или за хвостъ своего коня. Сбоку темнѣла какая-то темная страшная бездна, по самому краю которой увѣреннымъ шагомъ подвигались наши кони, лишь порою на минуту останавливаясь, чтобы перевести дыханіе. Мы были уже на высотѣ 7,000 футовъ. Невольно каждый чувствовалъ какое-то угнетенное состояніе при взглядѣ на темную полосу, которой обозначалось ущелье. Гдѣ-то далеко внизу виднѣлся неясный, свѣтящійся темною точкою огонекъ разложеннаго пастухами-туркменами костра.

— Не правда-ли, чувствуешь себя какъ-то непріятно надъ этою бездною, въ особенности не на своихъ, а на чужихъ ногахъ? обратился ко мнѣ притихнувшій на время докторъ?

— Это вы вѣрно говорите, послышался въ отвѣтъ откуда-то изъ темноты спокойно увѣренный голосъ мѣстнаго командира отряда, ротмистра №...

— Все, конечно, зависитъ отъ привычки... Проѣдете нѣсколько разъ и даже перестанете видѣть эти пропасти, — онѣ уже тогда не кажутся такими глубокими... Когда ѣздить въ недѣлю раза два по этому подъему на Арвазъ, такъ и гора не кажется высокою. Дорога тогда какъ будто дѣлается короче. Кто не привыкъ къ такимъ путешествіямъ, тотъ, конечно, чувствуетъ себя неважно. Но, правду, сказать, опасности особенной вѣдь нѣтъ. Здѣсь непріятно ѣздить послѣ дождей, тогда, дѣйствительно даже страшновато; поскользнется конь и тогда пиши пропало; костей не соберешь, потому что скользко, да и земля можетъ каждую минуту осыпаться. На-

дняхъ верблюдъ тутъ одинъ оступился и скатился внизъ. Конечно, отъ него котлетка лишь осталась. Вѣдь схватится не за что, то покатость, то отвѣсная стѣна въ нѣсколько десятковъ саженъ высоты. Недавно одинъ офицеръ проѣзжалъ по этой тропѣ, такъ, вѣрите ли, слѣзъ съ лошади, завязалъ себѣ глаза и его все время двое солдатъ подъ руки вели. Страшно боялся, а храбрый человѣкъ, на войнѣ былъ. Только съ этимъ страхомъ высотъ ничего не подѣлаешь. Нервы не выдерживаютъ у многихъ.

Вдали, на сосѣднемъ хребтѣ появилась какая то полоса свѣта, а черезъ часъ съ небольшимъ ѣзды мы увидѣли уже яркое пламя огня, освѣщавшее горизонтъ.

— Ишь ты, лѣсъ горитъ, должно быть туркмены подожгли нечаянно, какъ бы отвѣчая на нашъ вопросъ, сказалъ ротмистръ. Здѣшніе лѣсные пожары уничтожаютъ массу арчевыхъ лѣсовъ и, главное, что разъ загорится, такъ покуда не сгоритъ все на извѣстной площади, пожаръ не прекращается. Бываетъ, большіе участки выгораютъ—по нѣсколько дней горитъ. Главное, сушь страшная, да и сама по себѣ арча горитъ какъ порохъ. Пожаръ между тѣмъ разгорался все больше и больше. Легкій вѣтерокъ раздувалъ пламя, быстро бѣжавшее по вѣтру. Казалось, что вдали извивался какой-то огненный змѣй, разбрасывая вокругъ себя цѣлые снопы искръ. Въ воздухѣ слышался запахъ гари и несмотря на то, что лѣсъ горѣлъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ, мы чувствовали теплоту огня. Картина пожара была своеобразно красива.

— Много теперь выгоритъ лѣса,—съ сокрушеніемъ вздохнулъ ротмистръ.

— Пока весь хребетъ этотъ не обгоритъ—пожаръ не остановится. Вѣроятно жгли уголь или костеръ развели, а то и прямо такъ, здорово живешь, кто поджегъ. У кочевника-туркмена прямо какая-то природная антипатія къ растительности. Онъ, мнѣ кажется, радъ бы былъ уничтожить всѣ здѣшнія лѣса, если бы не охраненіе ихъ администраціей области. Вѣдь надо вамъ сказать, что на охраненіе растительности въ области еще не очень давно не обращалось никакого вниманія и лишь генералъ-адъютантомъ Куропатинымъ, во время бытности его начальникомъ Закаспійскаго края приняты были мѣры къ охраненію лѣсовъ и зарослей въ краѣ. Теперь обращаются съ лѣсомъ болѣе бережно, чѣмъ прежде... На нашей сторонѣ и пожары бываютъ относительно рѣдко, а на персидской, такъ тамъ постоянно. Вѣдь всѣ лѣсныя площади въ настоящее время приведены въ извѣстность и ими завѣдуетъ администрація, безъ разрѣшенія которой порубки запрещаются. Кромѣ того, еще установленъ особый попенный сборъ, который уплачивается каждымъ за срубленное дерево... Затѣмъ были изданы правила объ обязательномъ насажденіи деревьевъ по всѣмъ арыкамъ области. И правду сказать, прошло всего 8—10 лѣтъ, а уже много мѣстъ въ краѣ, недавно голыхъ пустынь, превращено въ цѣлыя площади зарослей всевозможныхъ деревьевъ и растеній.

Между тѣмъ, постепенно поднимаясь, мы достигли вершины Арваза, покрытой цѣлымъ лѣсомъ арчевыхъ зарослей, достигавшихъ значительныхъ раз-

мѣровъ. Масса старыхъ арчей, вырванныхъ съ корнями вѣтромъ, валялись по всѣмъ направленіямъ, сплетаясь своими вѣтвями и представляя собою основательныя преграды. Порою, съ трескомъ ломая эти сухія вѣтви, черезъ нашу тропу перескакивали какія-то животныя и исчезли во мракѣ ночи. Испуганные неожиданнымъ шумомъ кони, пугливо прядя ушами, на мгновеніе останавливались, всматриваясь въ темноту, и какъ будто убѣдившись, что нѣтъ никакой опасности, трогались дальше снова, увѣренно направляясь по извилистой тропѣ. Спускъ внизъ былъ и для лошадей, и для всадниковъ гораздо непріятнѣе подъема. Все время отваливаясь на крупъ, чтобы освободить передъ лошади, медленно сползали мы съ горы, внимательно всматриваясь въ дорогу и съ нетерпѣніемъ ожидая, когда наконецъ покажется, такъ долго нами ожидаемый, привѣтливо блестящій въ темнотѣ огонекъ Арвазскаго поста. Яркость звѣздъ между тѣмъ увеличивалась и ихъ блѣдный мерцающій свѣтъ освѣщалъ весь небесный куполъ, имѣвшій темно-синій тонъ.

Спустившись еще немного по склону и сдѣлавъ два-три поворота, мы остановились среди сѣдловины въ которой закрытый со всѣхъ сторонъ горами, расположился Арвазскій постъ. Послѣдній пока помѣщался временно въ просторной, свѣтлой землянкѣ, невдалекѣ отъ родника, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ котораго уже спѣшно строилась новая кирпичная казарма для этого поста. Раскинувшись на солдатскихъ кроватяхъ и отдыхая отъ знойныхъ ночей, проведенныхъ раньше, мы всѣ моментально погрузились въ глубокій сонъ.

X.

Арвазъ.-Сулюкли.-Хейрабадъ.

Въ Арвазъ дорога проложена по склону горы и направляется на постъ Сарамъ-Сакли, находящійся недалеко отъ поселка Саратовскаго. Мы то поднимались на возвышенности хребта, то спускались внизъ. Горы дѣлались все безлѣснѣе и лишь изрѣдка встрѣчались незначительныя заросли чахлыхъ кустарниковъ; арча попадалась значительно рѣже, рельефно выступая на поверхности холмовъ. Арчевыя деревья, стоящія далеко другъ отъ друга, были гораздо мельче по объему и по своей величинѣ. Видимо, здѣсь растительность уже неоднократно уничтожалась людьми и пожарами и поэтому вездѣ виднѣлся молоднякъ. Безшумно скользя по землѣ и сверкая на солнцѣ изгибами своего тѣла, отливающаго металлическимъ блескомъ, проползла черезъ тропу змѣя довольно значительныхъ размѣровъ. Кони наши насторожились, нервно прядя ушами и посматривая въ ея сторону.

— И здѣсь эти гады есть, пугливо посматривая на змѣю,—вздохнулъ сокрушенно докторъ.

— Терпѣть не могу ихъ... Просто какой-то ужасъ они во мнѣ возбуждаютъ.

— Полноте,—успокоительнымъ тономъ утѣшалъ

его ротмистръ №, вовсе ихъ не такъ много въ здѣшнихъ мѣстахъ. Всего-то одну, двѣ, небось, вы за всю дорогу встрѣтили. Эта еще не велика, есть гораздо больше.

На заграничной персидской сторонѣ живутъ курды родовъ Шаделлю и Зафраилу, которые управляются особыми ханами носящими званіе ильханій... Харосанскій персидскій губернаторъ въ управленіе этими племенами почти не вмѣшивается. Племена эти отличаются воинственностью.

Тропа между тѣмъ уже проходила по холмамъ, понижавшимся къ посту Сулюкли, постройки котораго и поселокъ Саратовскій уже видны были въ долинѣ. Родникъ свѣтлой холодной воды, превращенной въ большой бассейнъ, обложенный камнями лежалъ на нашей дорогѣ и невольно манилъ къ себѣ. Утомившіеся кони, почуявъ воду, прибавили шагу и черезъ нѣсколько минутъ мы остановились около постовой казармы, обнесенной высокимъ заборомъ, недалеко отъ которой виднѣлся прудъ и постройки поселка.

Саратовскій поселокъ возникъ около десяти лѣтъ тому назадъ. Мысль о заселеніи удобныхъ мѣстъ области русскими уроженцами принадлежала генералъ-адъютанту Куропаткину, изыскивавшему всѣ способы, чтобы привлечь переселенцевъ. По отношенію къ нимъ были созданы особыя льготы, которыя и явились главною причиною, что скоро въ далекій, пустынный Закаспій потянулись ходоки, разыскивающіе подходящія мѣста для земледѣлія. Льготы эти были слѣдующія: освобожденіе отъ вся-

кихъ повинностей и налоговъ до 1903 года, освобожденіе отъ воинской повинности, выдача особыхъ безплатныхъ билетовъ для проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и наконецъ выдача по прибытіи на мѣсто особой безвозвратной ссуды въ количествѣ 100 рублей на первоначальное обзаведеніе. При отысканіи удобныхъ и отводѣ удобныхъ мѣстъ для поселеній, администраціи приходилось назначать для этого свободныя земли, незанятыя туземнымъ населеніемъ, и по этой причинѣ, казавшаяся въ началѣ такою простою, задача усложнялась. Лишь благодаря твердо поставленному требованію, незанятыя туркменами земли были опредѣлены и постепенно одинъ за другимъ основались русскіе поселки. Главнымъ элементомъ, который явился отчасти и самымъ удобнымъ для колонизаторскихъ цѣлей были наши сектанты, двинувшіеся частью съ Кавказа, а частью изъ губерній внутренней Россіи. Самою существенною приманкою для нихъ служило освобожденіе отъ воинской повинности. Штундисты, баптисты, жидовствующіе, хлысты, молокане потянулись длинною вереницею, бросая свои насиженныя мѣста и стремясь поселиться на новыхъ земляхъ, въ новомъ краѣ, гдѣ можно было свободно исповѣдывать свои вѣроученія. Скоро образовалось такимъ образомъ въ области около 20-ти слишкомъ русскихъ поселковъ, съ населеніемъ до 2,500 человѣкъ, обрабатывающихъ до 2,000 десятинъ земли. Поселокъ Саратовскій населенъ нѣмцами баптистами по исповѣданію. Просторные свѣтлые домики, обсаженные деревьями, отличаются чистотою и указываютъ во многомъ на бла-

госостояніе, которымъ пользуется ихъ населеніе. Весь поселокъ занимается земледѣліемъ, засѣвая яровую и озимую пшеницу, ячмень, просо и картофель. Урожаи при поливномъ хозяйствѣ почти всегда хороши. Пріятное впечатлѣніе производитъ большое зданіе школы, расположенное среди поселка. Прежде во всемъ этомъ раіонѣ жили курды ушедшіе въ Персію.

— Одно плохо, жаловался намъ староста поселка-трудно намъ приходилось вначалѣ вести наше хозяйство, не привыкли обращаться съ водою, да и теперь многіе только о томъ и думаютъ, чтобы перебраться на такія мѣста, гдѣ бы можно сѣять хлѣба подъ дождикъ, котораго здѣсь почти и вовсе не бываетъ все лѣто. Зимою же отъ дождей незнаешь куда дѣваться. Какъ начнутъ лить, такъ и удержу нѣтъ. Все размываютъ. То и дѣло приходится хату чинить. Мы вѣдь сюда изъ Саратовской губерніи перебрались и въ поселкѣ у насъ все одни нѣмцы. Кажется, ужъ на что хорошій народъ, а всѣ жалуются. Положимъ, грѣхъ говорить, урожаи постоянно хорошіе,—а обработка земли, и уходъ за посѣвомъ очень тяжелый... Скотъ разводимъ—травы въ горахъ не важныя, а все же есть. Ниже по Гермабскому ущелью мѣста пойдутъ уже лучше нашихъ,—ну и живутъ поэтому куда зажиточнѣе нашего.

Удобно размѣстившись на разостланныхъ кошмахъ, подъ тѣнью небольшой группы деревьевъ, мы отдохнули послѣ долгаго и утомительнаго переѣзда по горамъ.

— Здѣсь раіонъ очень бойкій-говорилъ командующій отрядомъ молодой поручикъ, только что недавно переведенный изъ полка.

— То и дѣло стычки бываютъ. Мѣстность страшно пересѣченная и поэтому надзоръ за границею особенно труденъ. Недавно у меня такой случай былъ. Ѣду съ разъѣздомъ по одной сторонѣ ущелья, смотрю, а по другой идетъ караванъ контрабандистовъ и ничего подѣлать нельзя; перебраться черезъ ущелье невозможно—нужно верстъ 30 внизъ спускаться. Пробовали стрѣлять далеко. Такъ на нихъ рукою махнуть пришлось. Все въ Асхабадъ возятъ контрабанду.

Отъ Сулюкли до Гермаба протянулось живописное ущелье, хотя и не покрытое по скатамъ растительностью, но само по себѣ красивое огромными сѣрыми скалами. По дну его, тихо журча, протекаетъ быстрый горный ручей съ достаточнымъ для надобностей населенія количествомъ воды, дающей возможность орошать ею землю по ручью, засѣянную различными посѣвами хлѣба и травы. Густыя поросли люцерны красиво выдѣляются среди долины своимъ сочнымъ зеленымъ цвѣтомъ. Вырисовываясь на фонѣ зелени широкой долины, покрытой значительной группою растительности, издалека еще виднѣется крестъ гермабской приходской церкви. Съ какимъ-то особеннымъ трогательнымъ чувствомъ умиленія мы стали всматриваться въ этотъ чудный и родной каждому русскому человѣку символъ любви и всепрощенія, одиноко возвышавшійся среди дикихъ горъ. Густой и мелодичный звукъ ко-

локола, призывающій прихожанъ на молитву по случаю воскреснаго праздника, пробудилъ въ памяти у каждаго цѣлый рой воспоминаній. Разговоры прекратились и всѣ долго ѣхали молча. По мѣрѣ приближенія, передъ нами все больше выдѣлялась небольшая гермабская церковъ.

— Вотъ подите-ка разберите, прервалъ наконецъ молчаніе непосѣда докторъ.

— У себя въ Россіи совершенно не замѣчаешь церкви, когда проѣзжаешь мимо, смотришь на нее какъ на обыкновенную постройку... А здѣсь не то. Кажется, я къ вопросамъ религіи уже совсѣмъ сталъ относиться безразлично. Въ церковь годами не хожу. Жизнь давно заглушила другими впечатлѣніями способность приходить въ умиленіе, а тутъ видъ этой же церкви, построенной на чужбинѣ, разбудилъ въ душѣ много давно позабытаго. Сразу какъ будто переживаешь какое-то душевное обновленіе. И добрѣе, и лучше себя чувствуешь. Какъ ни говорите, а великій чудный символъ. Все же у каждаго свѣтлымъ воспоминаніемъ на всю жизнь останется церковь и служба въ ней въ большіе праздники. Этого не расчленимъ—первыя понятія о религіи даетъ почти всегда каждому мать; первымъ молитвамъ научаетъ она же. Поэтому-то въ воспоминаніяхъ образъ матери связывается во многомъ съ церковью. Я не буду касаться теперешняго воспитанія; его я не знаю, но у людей нашего времени весь фундаментъ, на которомъ построена дальнѣйшая жизнь, созданъ былъ матерью и церковью. Для меня эти понятія нераздѣльны.

Гермабскій русскій поселокъ по числу населенія можетъ считаться однимъ изъ самыхъ большихъ въ области. Кромѣ мѣстныхъ жителей здѣсь расквартированы: штабъ 3-го отдѣла пограничной стражи, командиры отдѣла и отряда и младшій офицеръ, казачья сотня Кубанскаго войска съ командиромъ сотни и двумя офицерами. Если къ этому добавить, что тутъ же живутъ приходскій священникъ и учитель, то общество можно считать по здѣшнимъ мѣстамъ очень значительнымъ. Дружно и сплоченно живетъ здѣсь эта горсть русскихъ интеллигентныхъ людей, работая на пользу государства и края. Весь поселокъ русскихъ крестьянъ и солдатъ, во главѣ съ вышеприведеннымъ обществомъ, представляетъ изъ себя на этой далекой окраинѣ одну изъ маленькихъ спицъ государственнаго механизма, проводящаго въ области русскую культуру и русское вліяніе.

Небольшая, но свѣтлая церковь была полна молящихся и производила своею чистотою отрадное впечатлѣніе. Казаки, солдаты пограничной стражи, крестьяне благоговѣйно молились. Въ церкви не слышно было тѣхъ разговоровъ въ полголоса о предметахъ совершенно постороннихъ, которыми такъ изобилуетъ служба въ городскихъ церквахъ.

— Много пришлось положить труда, пока не удалось завести здѣсь все то, что вы видите, сообщилъ намъ священникъ, радушно принимая насъ у себя.

— Во многомъ большое спасибо администраціи. Одно лишь плохо, что здѣсь въ краѣ очень много сектантовъ и при томъ принадлежащихъ по своимъ

вѣроученіямъ къ числу особенно вредныхъ сектъ. Хлысты, молокане—эти даже служатъ краю хорошую службу, сохраняя вездѣ свою русскую самобытность. Другое же дѣло штундисты, баптисты и т. п. секты. Я про жидовствующихъ и говорить не буду... Обставлены мы здѣсь въ матеріальномъ положеніи недурно, а все порою на родину тянетъ. Хочется посмотрѣть, какъ живутъ у насъ въ русскихъ губерніяхъ.

Самый поселокъ имѣлъ характеръ малороссійскаго села, Харьковской или Полтавской губерніи. Обсаженные высокими стройными тополями, привѣтливо изъ зелени выглядывали чистенькіе домики крестьянъ. Зданія штаба отдѣла, казарма поста, квартиры офицеровъ придавали его серединѣ видъ мѣстечка.

Верстахъ въ сорока отъ Гермаба около станціи желѣзной дороги находятся развалины текинской крѣпости Геокъ-Тепе...

Осыпавшіеся валы и рвы напоминаютъ собою ту грозную твердыню, которую штурмовали наши войска подъ начальствомъ генерала Скобелева. Рядъ памятниковъ надъ павшими героями и военный музей заслуживаютъ особеннаго вниманія. Изъ рамокъ портрета какъ живой смотритъ покойный Михаилъ Дмитріевичъ... Карта съ его собственноручными помѣтками виситъ тутъ-же... Стѣны музея покрыты оружіемъ и портретами славныхъ сподвижниковъ Бѣлаго генерала. Покрытые пылью стоятъ боевые барабаны. Налетомъ ржавчины покрыто все оружіе...

Уже истлѣли кости героевъ, но память объ нихъ

не умретъ. Золотыми буквами записали они свои подвиги на страницахъ исторіи.

Въ тихія свѣтлыя ночи тѣни павшихъ носятся надъ крѣпостью, а въ бурныя осеннія ночи, среди рева вѣтра порою слышатся крики. Глухо звучатъ барабаны... Чудятся мѣрные звуки копытъ скачущей конницы.

И порою появляется на конѣ фигура Бѣлаго генерала, осматривающаго поле сраженія. „Отступленія не будетъ-надо побѣдить или умереть“!!.

Какъ будто ясно слышаться его слова бывшія лозунгомъ всего отряда штурмовавшаго Геокъ-Тепе. Вѣчная память Михаилу Дмитріевичу...

Дальше за Гермабомъ ущелье начало дѣлаться уже и уже. Почти отвѣсныя каменныя громады скалъ угрюмо сдвинулись около ручья, оставляя пространство въ нѣсколько десятковъ саженей. Горы, одна выше другой, поднимались надъ нами. Ихъ огромныя каменныя массы угрюмо и непривѣтливо встрѣчали путниковъ, нарушавшихъ ихъ безмолвіе. Тишина въ ущельи лишь нарушалась однообразнымъ журчаніемъ ручья, постоянно углублявшаго свой путь и быстро несшаго свои холодныя воды дальше отъ этихъ мертвыхъ горъ въ мѣста, гдѣ его воды съ пользою будутъ израсходованы людьми. Проѣхавъ довольно долгое время по ущелью, мы наконецъ добрались до подъема на Хэйрабадскій перевалъ. Еще недавно этотъ подъемъ сопряженъ былъ съ значительными трудностями, но вновь устроенная дорога ихъ уничтожила. Эта дорога поднимается винтомъ на самую вершину перевала и изгибы ея, проведен-

ные по подъему, настолько пологи, что дѣлаютъ крутизну горы совершенно незамѣтною, и лишь поднявшись на гору при взглядѣ внизъ можно увидѣть ту крутизну, которую она имѣетъ. Съ горы далеко виднѣлось пройденное нами ущелье, а по другую

Пикетъ пограничной стражи.

сторону подъема еще выше поднимался Хейрабадъ, почти на вершинѣ котораго, на небольшой площадкѣ пріютились постройки Хейрабадской санитарной станціи.

Послѣдняя была построена по мысли генералъ-адъютанта Куропаткина, выбравшаго это самое высокое мѣсто въ области для помѣщенія станціи. Расположенная на высотѣ 7000 футовъ, она представляетъ собою мѣсто, въ которомъ, благодаря особой чистотѣ и свѣжести воздуха, совершенно невозможны проявленія маляріи. Поэтому всѣ войска За-

каспійской области высылаютъ сюда своихъ больныхъ маляріей. Совершенно истощенные долгими приступами болѣзни, едва передвигающіе ноги люди. болѣе похожіе на тѣни, въ самый короткій срокъ здѣсь снова поправляются и по истеченіи срока пребыванія возвращаются совершенно здоровыми съ новымъ запасомъ силъ въ свои части. Леченіе же здѣсь заключается преимущественно въ прогулкахъ и движеніи. Съ горы, далеко открывается горизонтъ и видна равнина, на краю которой съ правой стороны виднѣется Асхабадъ. Темными пятнами выступаютъ поселенія и станціи, выдѣляясь на желтомъ фонѣ равнины. Недалеко отъ санитарной станціи построена дача, въ которой любилъ проводить время лѣтнихъ жаровъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Ниже въ ложбинѣ, закрывая собою ущелье, ведущее въ Персію, расположенъ пограничный постъ Хейрабадъ, бѣлая, недавно выстроенная казарма котораго примкнула своимъ краемъ къ разработанной дорогѣ къ Фирюзу.

Отъ Хейрабада дорога идетъ между горъ, постепенно понижающихся по направленію Фирюзы.

Смѣнивъ верховыхъ лошадей на показавшуюся намъ особенно покойную небольшую телѣжку, запряженную парою коней, мы, подскакивая на кочкахъ, по хорошо наѣзженной каменистой дорогѣ быстро спускались внизъ по извилинамъ дороги. Горы здѣсь были совершенно лишены растительности и лишь чахлая трава кое гдѣ покрывала ихъ вершины.

На половинѣ дороги, пріютившись около родника, стоитъ пограничный постъ Чаекъ, закрывающій входъ

въ Чулійское ущелье.

Спустившись съ горъ послѣ двухъ часовъ неимовѣрно быстрой ѣзды, при которой, казалось, невыдержатъ колеса брички, мы наконецъ выѣхали въ небольшую лощину, покрытую чудною растительностью. Большія деревья различныхъ породъ тѣсною группою покрывали теченіе небольшой рѣки Чули, извивающейся по лощинѣ.

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ мы ѣхали подъ тѣнью этого лѣса, а далѣе дорога снова пролегаетъ по пустыннымъ каменистымъ ущельямъ, которыя, постепенно понижаясь, вывели насъ ко входу въ Фирюзинское ущелье.

XI.

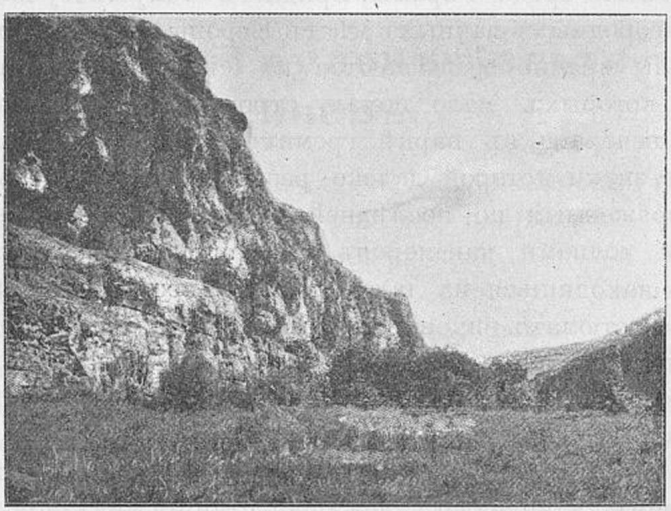
Фирюза.-Гауданъ-Кельте-чинаръ.

Сдѣлавъ два три поворота, мы наконецъ выѣхали въ Фирюзинское ущелье, направляющееся отъ персидской границы внутрь края. Ущелье это, густо покрытое растительностью, считается самымъ красивымъ и въ то же время здоровымъ мѣстомъ области. Благодаря близости его къ Асхабаду, до котораго считается около 35 верстъ, ущелье это сдѣлалось мѣстомъ, куда лѣтомъ выѣзжаютъ, ища спасенія подъ тѣнью его деревьевъ отъ палящаго зноя асхабадскаго солнца, превращающаго городъ въ раскаленную печь. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ вся верхняя часть ущелья быстро застроилась дачами. Деревья, растущія по горнымъ склонамъ и по теченію рѣки Фирюзинки, особенно бережно охраняются администраціей и частными владѣльцами, причемъ кромѣ существовавшихъ было много сдѣлано посадокъ новыхъ деревьевъ. Дачи тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги, привѣтливо выглядывая изъ за густой зелени чинаръ и грецкаго орѣха. Огромные карагачи какъ будто спорятъ своею величиною съ

чинарами, достигающими здѣсь колоссальныхъ размѣровъ. На лѣто въ Фирюзу переселяются почти всѣ состоятельные жители Асхабада, а также и служащіе различныхъ административныхъ учрежденій, которые переходятъ въ спеціально построенныя для лѣтняго времени помѣщенія. Хорошенькій паркъ разбитый среди Фирюзы, придаетъ этому мѣсту видъ пригородныхъ дачныхъ мѣстъ Европы. Живописныя скалы мрачно возвышаются по склонамъ ущелья, на которыхъ мало помалу строятся новыя дачи. По вечерамъ въ паркѣ гремитъ музыка, мелодичные звуки которой далеко разносятся по ущелью. Разряженныя по послѣдней модѣ дамы, окруженныя толпами кавалеровъ, заставляютъ забывать, что находишься на далекой отъ Европы окраинѣ. Въ костюмахъ виденъ отпечатокъ парижскихъ модъ и представленіе столичнаго жителя объ асхабадцахъ разомъ бы измѣнилось при видѣ разряженной въ пухъ и прахъ толпы гуляющихъ.

Телеграфъ соединяетъ Фирюзу съ остальнымъ міромъ, а невдалекѣ лежащая станція желѣзной дороги даетъ возможность совершать поѣздки въ Асхабадъ по узкоколейной желѣзной дорогѣ, построенной желѣзнодорожною кушкинской ротой. Зимою жизнь Фирюзы замираетъ. Уже съ начала октября постепенно временныя ея жители перекочевываютъ въ городъ и въ мѣстечкѣ остается незначительное число людей, постоянно здѣсь живущихъ, да мѣстный командиръ отряда пограничной стражи, домъ котораго вмѣстѣ съ солдатской казармой расположенъ у верховьевъ рѣки Фирюзинки, при входѣ в

Фирюзинское ущелье. Ниже по теченію Фирюзы, въ 2-хъ верстахъ отъ границы, высится церковь, построенная въ русскомъ поселкѣ, носящемъ названіе поселка Ванновскаго. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ ущелья, имѣющаго видъ ровной долины довольно значительныхъ размѣровъ, пост-

Фирюзинское ущелье около Асхабада.

роены хаты поселка, закрытыя густо разросшейся зеленью деревьевъ и кустарниковъ. Тутъ же, вокругъ, виднѣются пашни полей, часть которыхъ засѣвается безъ искусственной поливки, въ виду того, что въ ущельи не бываетъ тѣхъ страшныхъ жаровъ, которыми отличается вся Закаспійская область.

Фирюзинское ущелье присоединено къ Россіи на основаніи конвенціи съ Персіей 1893 года. Взамѣнъ

этого ущелья былъ уступленъ Персіи находящійся въ Атекскомъ приставствѣ Тедженскаго уѣзда аулъ Хиссаръ. Русскій поселокъ, образованный здѣсь

А. В. Комаровъ.

всего восемь лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время находится въ цвѣтущемъ состояніи. Тѣ ссуды, которыя при водвореніи получили поселенцы, пошли имъ на пользу, послуживъ фундаментомъ ихъ

благосостоянія. Поливные луга по теченію рѣки Фирюзинки даютъ возможность поселенцамъ разводить рогатый скотъ, молочные продукты котораго имѣютъ широкій сбытъ какъ въ Асхабадѣ въ теченіи всего года, такъ и въ самой Фирюзѣ лѣтомъ.

За переваломъ дорога по границѣ снова имѣетъ видъ горной тропы, то поднимающейся на склоны горъ, то опускающейся въ ущелье, у одного выхода котораго размѣщенъ пограничный постъ Гендываръ, охраняющій выходъ и запиряющій собою дорогу въ Асхабадъ, куда въ большомъ количествѣ со всѣхъ пунктовъ границы провозится контрабанда. Просторная свѣтлая казарма издалека виднѣется, выступая своими бѣлыми оштукатуренными стѣнами на темномъ фонѣ долины. Недалеко отъ нея, въ прежнемъ старомъ зданіи поста, проданномъ за негодностью съ аукціоннаго торга, помѣщается молочная ферма, одиноко стоящая у подошвы горы. Большое количество травъ по склонамъ и хребтамъ горъ даетъ возможность привольно пасти здѣсь большое количество коровъ и овецъ. Нѣсколько туркменскихъ кибитокъ тутъ же расположились у колодца.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, горы снова поднимались все выше и выше. Едва замѣтною узкою ленточкою вилась конная тропа, то поднимаясь на огромную высоту, открывая намъ безпредѣльный горизонтъ, то спускаясь въ глубокія щелья. Гранитные утесы сурово надвигались длинною грядою. Головоломные спуски чередовались съ пологими подъемами, разнообразя впечатлѣніе дороги.

Въ глухой и пустынной долинѣ, но близъ проѣзжей колесной дороги, ведущей въ Асхабадъ, поставленъ постъ Каранки, временно помѣщенный въ небольшой землянкѣ, находящейся рядомъ съ отстроенной еще вчернѣ новой постовой казармою.

— Нужно скорѣе выѣзжать дальше,—совѣтовалъ намъ подполковникъ Г. сопровождавшій генерала по своему отдѣлу отъ самаго поста Сулюкли.

— Теперь-то и начнутся самые головокружительные подъемы. Взобраться на Гауданъ, это все таки большая задача. Хотя туда и ведетъ раздѣльная дорога, но все же горы такъ круты, что передъ ними даже подъемы военно-грузинской дороги на Кавказѣ не покажутся очень значительными. Надъ этою дорогою работали тысячи человѣкъ въ теченіи болѣе года и въ сущности теперь создали отличную, конечно, условно, колесную дорогу. Длина подъема верстъ шесть слишкомъ, причемъ онъ устроенъ винтообразно и идетъ зигзагами по склону горнаго хребта. Здѣсь вѣдь прямая дорога изъ Асхабада на Мешедъ въ Персію и поэтому проложено шоссе, по которому все время безостановочно идутъ караваны, привозящіе къ намъ хлѣбъ, кишмишъ, чай и лѣтомъ фрукты. Тысячами проходятъ взадъ и впередъ верблюжьи караваны, а поселенцы—молокане кромѣ того ѣздятъ и повозками, перевозя товары и пасажировъ. Въ Асхабадѣ въ виду значительнаго къ намъ ввоза изъ Персіи товаровъ устроена первоклассная таможня; на Гауданѣ имѣется ея передовое отдѣленіе, также очищающее часть товаровъ на самой границѣ. Всѣ транспорты идутъ въ таможню

подъ охраною особаго конвоя, наряжаемаго отъ постовъ Гауданъ и Курту-Су. Въ Персію же отъ насъ идутъ керосинъ въ значительномъ количествѣ и сахаръ. За вывозъ этихъ товаровъ наше правительство, въ виду поощренія развитія нашей торговли съ Персіей, выдаетъ особую премію и, кромѣ того, возвращаетъ акцизъ. Верблюдамъ только сильно достается на Гауданскомъ подъемѣ. Здѣсь ихъ много гибнетъ; въ особенности во время дождей; то поскользнется и свалится съ крутизны, то прямо таки разорвется. Дѣло въ томъ, что лапы у верблюдовъ широкія и поэтому они страшно скользятъ на мягкомъ глинистомъ грунтѣ. Обыкновенно, какъ разъѣдутся у него заднія ноги, такъ и происходитъ разрывъ связокъ и верблюдъ уже никуда не годенъ. Тогда прямо бросаютъ издыхать на дорогѣ. Жалость беретъ, когда приходится видѣть такого оставленнаго за негодностью верблюда. Лежа на землѣ, онъ съ такою грустью смотритъ вслѣдъ уходящему каравану, что прямо нѣтъ силъ видѣть этотъ ужасный взглядъ, въ которомъ отражается и безпомощность, и ужасъ, и полная покорность судьбѣ. При этомъ обыкновенно на глазахъ у такого верблюда видны слезы. Страшно за животное и еще страшнѣе за человѣка, который спокойно бросаетъ на произволъ судьбы своего работника, служившаго ему иногда много лѣтъ, и бросаетъ безъ взякаго сожалѣнія. Между тѣмъ вездѣ въ Средней-Азіи верблюдъ является единственнымъ перевозочнымъ средствомъ и можетъ быть названъ кораблемъ—пустыни. Безъ верблюда здѣсь смерть. Когда то еще пройдутъ

Шахъ Персидскій.

желѣзнодорожныя линіи по краю. Теперь ходятъ упорные слухи, что на Мешедъ проложатъ желѣзную дорогу. Говорятъ, уже сдѣланы изысканія. Эта дорога тогда будетъ имѣть огромное товарное движеніе, не говоря уже о пассажирскомъ. Вѣдь Мешедъ-это одна изъ святынь мусульманства; каждый правовѣрный, побывавшій тамъ на поклоненіи, получаетъ даже особый титулъ Мешеди, которымъ очень гордятся мусульмане. Теперь въ Мешедѣ уже много нашихъ торговыхъ фирмъ открыли свои отдѣленія и конторы, а съ прошлаго года дѣйствуетъ русскій ссудный банкъ. Вообще городъ въ торговомъ отношеніи имѣетъ огромное значеніе.

Асхабадъ или по персидски Ешхабадъ т. е. городъ любви принадлежалъ къ числу старинныхъ населенныхъ мѣстъ и былъ занятъ генераломъ Скобелевымъ 18-го Января 1881 года. Невдалекѣ отъ него находятся развалины стариннаго города Анау. Русскій Асхабадъ въ сущности своимъ возникновеніемъ обязанъ генералу Скобелеву выбравшему это мѣсто какъ центральное въ краѣ. Городъ разросся въ крупнный торговый пунктъ.

Подъемъ между тѣмъ начался. Извиваясь винтообразно по склонамъ горъ, дорога поднималась все выше и выше. Съ лѣвой стороны отъ насъ виднѣлись обрывы съ очень крупными скатами. Черезъ часъ ѣзды мы незамѣтно поднялись на огромную высоту, съ которой открывался передъ нами видъ на равнину, не имѣвшую, казалось, конца. Гдѣ-то далеко, на самомъ краю горизонта облака сливались съ поверхностью земли, расплываясь въ какія-то неопредѣ-

ленныя тѣни. Температура постепенно дѣлалась прохладнѣе. Поднявшись нѣсколько разъ на значительныные перевалы и съ нихъ снова спустившись, мы, наконецъ, достигли до главнаго хребта, по которому подъемъ продолжался еще больше полутора часовъ. Громко стуча колесами и дребежжа всѣмъ своимъ остовомъ, порою мимо насъ быстро проѣзжали фуры поселенцевъ, везущихъ кладь въ Асхабадъ. Привычные кони, сдерживаемые сильною рукою, сами дѣлали поворотъ по извилинамъ дороги. Безпечность же крестьянъ на такомъ страшномъ спускѣ была при этомъ просто изумительна. Иногда, казалось, быстро катящаяся фура по инерціи съ разбѣга перескочить черезъ незначительную насыпь, сдѣланную на поворотахъ дороги и тогда, конечно, отъ нея не осталось бы щепокъ. Сорваться съ высоты 200—300 сажень перспектива не изъ пріятныхъ, но привычные нервы извозчиковъ, видимо были совершенно нечувствительны къ этимъ опасностямъ.

Поднявшись на высшую точку хребта, мы перевалили черезъ него и, спустившись немного внизъ, въѣхали въ небольшую долину, среди которой расположенъ русскій поселокъ Гауданъ. Десятка три домовъ полугородскаго типа построены по обѣимъ сторонамъ шоссейной дороги, ведущей въ Персію. Всѣ постройки поражаютъ своею заброшенностью и недостаткомъ ухода за ними. Обитая штукатурка на стѣнахъ лежала около каждаго дома и темныя пятна глины на бѣломъ фонѣ стѣнъ придавали какой-то особенно унылый характеръ поселку, весь видъ ко-

тораго своею неопрятностью, скученностью и почти полнымъ отсутствіемъ зелени очень напоминалъ собою еврейскія мѣстечки привислянскаго или юго-западнаго края. Нѣсколько женщинъ въ ситцевыхъ платьяхъ городского фасона сидѣли около своихъ домовъ; тутъ-же въ перемежку съ овцами, курами и собаками бродили донельзя грязно одѣтые ребятишки поселенцевъ.

— Обратите особенное вниманіе на это мѣстечко, вѣдь это поселокъ жидовствующихъ,—сказалъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

Жидовствующіе...!!?

Какъ странно звучитъ для русскаго уха названіе этой секты.

Невольно въ памяти воскресаютъ картины прошлаго. Нѣсколько образованныхъ по тогдашнему времени евреевъ въ царствованіе Іоанна III появились въ Москвѣ. Дѣятельность ихъ въ первое время покрыта мракомъ неизвѣстности, но уже нѣсколько лѣтъ спустя имя жида Захарія начинаетъ упоминаться москвичами. Цѣлый рядъ русскихъ интеллигентныхъ людей того времени знакомится съ нимъ и входитъ въ тѣсное соприкосновеніе. Пытливый умъ многихъ русскихъ людей, жаждавшихъ просвѣщенія, представлялъ изъ себя благодарную почву. Умный и ученный Захарія, занимавшійся изслѣдованіемъ философскихъ системъ, началъ опровергать гдавнѣйшія догматы христіанства. Мало подготовленные и мало знакомые съ основаніями христіанской религіи москвичи не были въ состояніи опровергнуть его неопровержимыхъ, какъ имъ казалось, доводовъ,

и благодаря этому многіе изъ нихъ скоро подпали подъ его полное вліяніе, соглашаясь съ его лжеученіями, отвергавшими ученіе о Св. Тройцѣ, почи-

М. Д. Скобелевъ.

таніе иконъ, святыхъ и т. п. Мало-по-малу ловкій и умный еврей съумѣлъ проникнуть въ дома высшей московской знати. Ересь начала распростра-

няться въ Москвѣ все больше и больше, и въ особенности пріобрѣла большое значеніе, когда къ ней примкнули княгиня Елена, невѣста Великаго Князя, а затѣмъ и архимандритъ Симонова монастыря Зосима, возведенный, благодаря своей близости къ Іоанну III, въ санъ митрополита. Изъ свѣтскихъ лицъ какъ одинъ изъ дѣятельныхъ распространителей новаго ученія былъ любимый дьякъ Великаго Князя Федоръ Курицынъ. Несмотря на указанія архіепископа Новгородскаго Геннадія на опасность, которая грозила православію распространеніемъ этой ереси, Великій Князь долго не принималъ рѣшительныхъ мѣръ противъ нея, такъ какъ еретики находили себѣ поддержку при дворѣ въ лицѣ Княгини. Наконецъ, въ 1504 году былъ созванъ духовный соборъ, осудившій ересъ жидовствующихъ, причемъ уличенные въ ней были частью всенародно сожжены въ клѣткѣ, частью сложили головы на плахѣ. Менѣе виновнымъ отрѣзали языки, заключили въ тюрьмы или въ монастыри. Но этими суровыми мѣрами ересь прекращена не была. Послѣдователи ея разсѣялись по всей Россіи; скрываясь въ дебряхъ лѣсовъ, они продолжали распространеніе своего лжеученія. Въ послѣдующіе вѣка порою возникали дѣла по обвиненію многихъ въ принадлежности къ ереси, и снова фанатики этого ученія отправлялись въ тюрьмы, ссылку и погибали на плахѣ. Фанатизмъ сектантовъ былъ изумителенъ. Прошли вѣка и снова въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія возникли обвиненія противъ сектантовъ. Лжеученіе, идущее въ разрѣзъ съ основами христіанства, было

признано вреднымъ и опаснымъ для государства. Его послѣдователи поэтому были выселены въ отдаленныя губерніи Сибири и Кавказа, откуда часть ихъ затѣмъ переселилась въ Закаспійскую область, гдѣ они и были водворены въ Гауданѣ и Яблоновкѣ. По духу своего ученія секта эта имѣетъ въ себѣ много антипатичнаго. Вліяніе еврейства во многомъ сказывается въ образѣ жизни въ складѣ понятій сектантовъ.

На самомъ выѣздѣ изъ поселка по направленію къ границѣ расположенъ дворъ отдѣленія Асхабадской таможни, заваленный огромнымъ количествомъ мѣшковъ съ кишмишемъ и другими товарами. Положенные на землю верблюды и сидящіе около нихъ погонщики терпѣливо ожидаютъ, пока окончится выполненіе чиновниками таможни осмотра и по уплатѣ пошлины будутъ выданы документы. Невдалекѣ отъ таможни у рогатки помѣщается постъ пограничной стражи, охраняющій границу вооруженною силою.

На персидской територіи въ нѣкоторомъ разстояніи отъ границы лежитъ небольшой персидскій городъ Бачкиръ, въ которомъ живетъ пограничный комиссаръ, называемый—кюргюзаромъ. Въ городѣ этомъ сосредоточивается значительная торговля кишмишемъ, а далѣе за нимъ лежитъ городъ Кучанъ, почти разрушенный землетресеніемъ бывшимъ въ 1902 году.

Отъ Гаудана по направленію поста Кельтечинара, расположеннаго при входѣ въ ущелье того же имени, снова начинается конная тропа, которая про-

ходитъ надъ значительными крутизнами горнаго хребта. Съ перевала уже видна длинная полоса Кельтечинарскаго ущелья, въ долинахъ котораго по теченію небольшой горной рѣки выдѣляются нѣсколько русскихъ поселковъ, населенныхъ преимущественно баптистами, штундистами и молоканами; большинство изъ этихъ сектантовъ переселилось изъ Закавказья. Всѣ эти поселки, окруженные богатою растительностью, производятъ особенно пріятное впечатлѣніе своею зажиточностью. Просторные свѣтлые дома красиво расположены по обѣимъ сторонамъ широкой улицы, густо обсаженной деревьями, хотя и недавно посаженными, но быстро выросшими, благодаря обилію влаги и питательности почвы, состоящей изъ плодороднаго лёса. По берегу рѣки, а также и по отведеннымъ отъ нея арыкамъ виднѣются заросли кустарниковъ и молодыхъ деревьевъ. Громко журча, между ними быстро текутъ воды рѣки, представляющей собою жизненную артерію всего ущелья. Испуганныя нашимъ приближеніемъ почти изъ подъ ногъ нашихъ лошадей поднимаются цѣлыя стада горныхъ куропатокъ, курочекъ и дрофъ. Эта масса ненапуганной дичи заставляетъ невольно сердца охотниковъ биться сильнѣе. У доктора даже глаза заблестѣли отъ удовольствія, при видѣ этой картины.

— Просто какъ будто подъ ложечкой засосало,— откровенно признавался онъ въ своей страсти.

— Такъ бы сейчасъ взялъ ружье, да и отправился часокъ другой походить по здѣшнимъ мѣстамъ. Здѣсь нужно считать тысячи выводковъ, а главное

совершенно не напуганныхъ. Вѣдь мало кто охотится. У поселенцевъ для стрѣльбы хищныхъ звѣрей имѣются винтовки Бердана, выданные имъ по распоряженію администраціи области, ну, а пулей-то не ахти какъ птицу убьешь, поэтому они стрѣльбою дичи не занимаются. Изъ Асхабада же кое-кто наѣзжаетъ сюда, но все же очень рѣдко.

Около поста Кельтечинаръ ущелье круто поворачиваетъ и направляется въ персидскіе предѣлы, по направленію къ персидскому городу Кельтечинару, ведущему также торговыя сношенія съ Асхабадомъ. Цѣлые караваны верблюдовъ и ишаковъ, нагруженныхъ тяжелыми вьюками, то и дѣло попадались на нашей дорогѣ. Персидскій Кельтечинаръ—мѣстечко довольно значительное и въ немъ все можно достать, что даетъ пограничному офицеру и посту возможность имѣть постоянно всѣ жизненные припасы.

— Очень недурной пунктъ, одинъ изъ лучшихъ въ нашей бригадѣ, —сообщилъ намъ мѣстный офицеръ, видимо совершенно довольный своимъ положеніемъ, отъ Асхабада близко.—Ущелье красивое, жизнь въ немъ хоть видна. Сами видѣли по дорогѣ, какъ хороши здѣсь наши поселки. Крестьяне живутъ очень зажиточно, въ полномъ довольствіи. И урожаи хороши, и луга есть. Травы для скота отличныя по ущелью. Народъ все трезвый и работящій. Въ особенности хорошо у баптистовъ. Видѣли какая школа—она у нихъ играетъ одновременно и роль молитвеннаго дома. Къ кому не заѣзжаете—хлѣбъ пшеничный, отлично выпеченный. Молочные скопы у всѣхъ. Бахчи около каждой хаты и деньги

про запасъ на черный день имѣются. Въ общемъ народъ очень симпатичный. На посту же живемъ постоянно за дѣломъ. Служба занимаетъ достаточно времени, а когда свободенъ, то и пріятно углубится въ размышленія; тѣмъ болѣе, что когда сдѣлается почему либо особенно скучно, то и въ Асхабадъ можно поѣхать, на людей посмотрѣть и себя показать. Страдаемъ здѣсь часто отъ разливовъ рѣки. Чуть только дожди въ горахъ, такъ начинаетъ дурить рѣка. Въ этомъ году у меня погребъ смыла и много убытку сдѣлала, а устроить ничего съ нею нельзя, потому что зданія стоятъ какъ разъ по серединѣ ущелья и напоръ воды идетъ прямо на нихъ.

По дорогѣ все время намъ попадались ѣхавшіе съ караванами персы, вомногомъ по внѣшнему виду отличавшихся отъ представителей этой-же народности видѣнныхъ нами въ Персіи... Это Бабисты, удовлетворилъ наше любопытство, докторъ. Секта очень симпатичная; вслѣдствіе преслѣдованія въ Персіи, переселившіеся съ намъ и живущіе въ Асхабадѣ... По сущности они являются протестантами мусульманства.

Персы признаютъ, что Али зять Магомета былъ воплощеніемъ Божества, а такими же воплощеніями были 12 имамовъ изъ которыхъ послѣдній Махди изчезъ съ лица земли и вновь явится передъ концомъ мира. Притѣсненіе властей и алчность магометанскаго духовенства привели къ тому, что народъ въ Персіи готовъ признать преемникомъ Махди каждаго человѣка ведущаго строгій образъ жиз-

ни. Такимъ образомъ въ началѣ 19 столѣтія толпа почитателей собралась вокругъ Шейха-Ахмедъ-Ахсана... Онъ проповѣдывалъ вѣру въ единаго Бога, во всѣхъ пророковъ и имамовъ, заключающихъ въ себѣ частицу Божества и училъ, что въ людяхъ и во всѣхъ тваряхъ также отражается создатель ихъ, почему всѣ и вся" чисты, что слѣдовательно, нельзя питать той ненависти къ иновѣрцамъ, которою отличались мусульмане. Кромѣ изученія Корана, находилъ необходимымъ изучать и науки, при этомъ его главное стремленіе было направлено къ нравственному обновленію, не касаясь совершенно дѣлъ политическихъ. Въ томъ же направленіи проповѣдывалъ преемникъ Шейха, Казешъ-Решти, послѣ смерти котораго въ 1843 году главою секты былъ избранъ Сеидъ-Мирза-Али-Махамедъ, впослѣдствіи принявшій титулъ Бабъ т. е. въ буквальномъ переводѣ дверь... Продолжая проповѣдь Шейха-Ахмеда, Бабъ признавалъ совокупную преемственность проявленія всѣхъ свойствъ божества въ наставникахъ человѣческаго рода; по его теоріи, всѣ эти лица были воплощеніемъ одного и того же духа. Бабъ училъ, что Богъ неустанно направляетъ родъ человѣческій къ постиженію истины, которая и есть. И чтобы не дать людямъ уклониться отъ намѣченнаго имъ пути, воплощается черезъ извѣстный промежутокъ времени въ какомъ-либо человѣкѣ, который выдѣлялся бы своими качествами, высотой своихъ проповѣдей, чудесными стихами, которые внушаются ему Богомъ. Всякое новое воплощеніе раскрываетъ человѣчест-

ву „тайну и безконечнаго совершенства“ (Божества) въ зависимости отъ просвѣщенія народовъ, такъ какъ къ первыя эпохи своего существованія люди не могли бы понять многаго, изъ того, что стало доступнымъ слѣдующимъ поколѣніямъ. Бабъ предписывалъ своимъ послѣдователямъ воспитывать дѣтей, предоставлялъ обучать ихъ разнымъ предметамъ, но запретилъ лишь изученіе логики, философіи и иностранныхъ языковъ. Онъ отмѣнилъ многія запрещенія Магомета, какъ напримѣръ пить вино, и въ то же время проповѣдывалъ равноправность женщинъ. Его разрѣшеніемъ женщинамъ ходить съ не закрытымъ лицомъ первая воспользовалась красавица Курретъ-уль-Айнъ, знаменитая героиня бабистовъ съ особою горячностью, проповѣдывавшая ученіе Баба на улицахъ и базарахъ. Бабъ отвергалъ всякое насиліе и признавалъ необходимымъ въ будущей странѣ Бабизма уничтожить все созданное посредствомъ принужденія, даже мечти и дворцы, потому что они возведены людьми которыхъ при разчетахъ обманывали или заставляли силой выходить на работу... Ученіе Баба вооружило противъ него магометанское духовенство. Начались гоненія, во время которыхъ погибъ и Бабъ и множества его послѣдователей въ томъ числѣ и прекрасная Курретъ-уль-Айнъ. Бабиды пытались мстить но покушеніе на убійство шаха вызвало новыя казни сектантовъ. Ученіе продолжалось распространяться, но въ то же время среди бабистовъ возникъ расколъ и образовались двѣ секты получившихъ названіе по именамъ учителей преемни-

ковъ Баба Эзелія и Бехаулы-Эзелидовъ и Бехаидовъ. Первые—строгіе бабиды ни на іоту не уклонившіеся отъ наставленія Баба. Бехаула-же многое изъ этого ученія отмѣнилъ. Онъ считаетъ обязательнымъ давать извѣстное образованіе дѣтямъ, рекомендуетъ обучать ихъ наукамъ, искуствамъ, а также языкамъ не только родному, но и иностраннымъ. При этомъ высказываетъ мысль о необходимости для всего человѣчества пользоваться однимъ языкомъ, выбравъ таковой изъ существующихъ или создавъ новый языкъ. Въ своемъ ученіи онъ въ особенности преслѣдуетъ ложь какова бы и не была ея цѣль и не допускаетъ низко-поклонства. Онъ еще болѣе чѣмъ его учитель ограничилъ многоженство и не только освободилъ свой народъ отъ обязательства войны за вѣру, которую проповѣдывалъ Магометъ, но считаетъ войну дѣломъ преступнымъ, предлагая всѣмъ народамъ улаживать дѣла третейскимъ судомъ. Въ общемъ секта очень симпатичная, почему у насъ и оказываютъ покровительство... ея послѣдователемъ.

Отъ Кельтечинара до Шамли дорога проходитъ по лощинамъ небольшихъ горъ, совершенно лишенныхъ растительности. Лишь долины и склоны горъ покрыты густою травою, дающей возможность туркменамъ въ этомъ раіонѣ заниматься овцеводствомъ. Цѣлыя стада барановъ подъ надзоромъ пастуховъ, виднѣются по долинамъ. Крупные, покрытые длинною густою шерстью, мѣстные бараны даютъ кромѣ мяса и значительное количество шерсти, идущей на продажу и на потребности населенія. Въ раіонѣ

области кромѣ большого количества кошмъ, войлоковъ, паласовъ, выдѣлывается много ковровъ, имѣющихъ общее названіе текинскихъ, но раздѣляемыхъ по своимъ рисункамъ на четыре вида: ахальскіе, мервскіе, іомудскіе и пендинскіе. Ковры эти, имѣя особый характерный рисунокъ, отличаются плотностью ткани, бархатистостью и низкостью стрижки, почему безспорно считаются лучшими во всей Азіи. Въ настоящее время ковровое производство въ качественномъ отношеніи значительно ухудшилось, благодаря окраскѣ шерсти быстро выцвѣтающими анилиновыми красками. Шерсть для ковровъ прежней выдѣлки окрашивалась растительными красками и поэтому окраска ихъ отличалась изумительною яркостью и прочностью красокъ. Благодаря большому ежегоднему вывозу ковровъ за границу, стоимость ковровъ прежней выдѣлки достигаетъ значительной суммы. Въ среднемъ нужно признать цѣну около 10 рублей за квадратный аршинъ не особенно высокою. Лучшій сортъ пендинскихъ ковровъ при этомъ достигаетъ до 15 рублей за квадратный аршинъ. Въ особенности изъ нихъ цѣнятся ковры съ древнимъ рисункомъ, называемымъ салорская роза. Общій колоритъ фона ковровъ малиновый съ шашками бѣлаго цвѣта и каймами самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ.

Въ нѣкоторыхъ долинахъ виднѣлись текинскіе аулы, около которыхъ, нарушая однообразіе мѣстности, тянулись засѣянные арбузами и дынями участки. Близь аула Шамли у подошвы хребта виднѣлся пограничный постъ а невдалекѣ отъ него,

выдѣляясь своею темною, листвою, росла группа огромныхъ карагачей, возрастъ которыхъ судя по ихъ величинѣ, можно насчитывать вѣками. Исполины, охраняемые населеніемъ, пользовались особеннымъ его вниманіемъ, давая прохладу желающимъ укрыться подъ ихъ густою сѣнью. Небольшой родникъ чистой какъ хрусталь ключевой воды выбивался изъ нѣдръ горы, омывая корни деревьевъ и доставляя имъ жизненную силу. Луга роскошной травы разстилались сплошнымъ зеленымъ ковромъ по долинѣ, представляя собою огромный соблазнъ нашимъ конямъ, какъ то особенно весело выступавшимъ по мягкой почвѣ. Бѣлая высокая казарма поста пограничной стражи, окна которой были обращены на долину, такъ и манила къ себѣ на отдыхъ.

Около линіи желѣзной дороги раскинулся довольно значительный аулъ Гяурсъ...

Обратите вниманіе господа на это мѣсто указалъ намъ одинъ изъ спутниковъ. Видите ли остатки вала, которые тянутся по равнинѣ—это слѣды здѣшней Китайской стѣны. Въ древнія времена Иранъ огражденъ былъ отъ сѣверныхъ народовъ каменной стѣною. Стѣна эта тянулась отъ Каспійскаго моря и до самаго Герата. Сооруженіе было колоссальное. Теперь остатки видны здѣсь, а также между Атрекомъ и Гюргеномъ гдѣ они называются Кизиль-Аломъ или Сетъ-Искандеръ. Замѣтны слѣды стѣны и въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Каахка въ мѣстности Торли-Ябъ, и кромѣ того около Чаача гдѣ повидимому она закрывала входъ въ ущелье. Постройка этой стѣны приписывается Александру

Македонскому, хотя въ дѣйствительности построилъ ее персидскій Шахъ Измаилъ.

Поднявшись на высокій хребетъ, мы увидѣли наконецъ линію Средне-Азіатской желѣзной дороги, узкою лентой тянувшуюся по совершенно гладкой равнинѣ, верстахъ въ десяти отъ подошвы горнаго хребта. Безконечный какъ казалось, рядъ телеграфныхъ столбовъ, грохотъ несущагося поѣзда, свистки паровоза доставили намъ какое то особенно пріятное сознаніе, что мы снова близки къ цивилизованному міру, связаны съ нимъ телеграфомъ и желѣзной дорогою. Послѣ двухмѣсячнаго скитанія, по пустынямъ и дебрямъ Закаспія явилось невольное стремленіе увидѣть иную жизнь и иныхъ людей.

Номады, ихъ жизнь и даже всѣ мы другъ другу уже порядочно надоѣли.

Но до конца поѣздки было еще далеко.

XII.

Акъ-Су—Хивеабадъ.

Въ глубокихъ, глухихъ и безлюдныхъ ущельяхъ, въ разстояніи 15-ти верстъ другъ отъ друга и въ 10-ти верстахъ отъ полотна желѣзной дороги, расположены посты Ходжа и Ак-су. По неимовѣрно скверной дорогѣ, то поднимаясь, то опускаясь, двигались мы шагъ за шагомъ по этимъ ущельямъ. Небольшіе источники воды разработаны около каждаго поста, но вода въ нихъ имѣетъ невыносимо-непріятный запахъ и вкусъ сѣро-водорода. Лишь послѣ долгаго времени люди и въ особенности лошади привыкаютъ къ ея употребленію. Ни малѣйшаго признака растительности нѣтъ въ этихъ заброшенныхъ ущельяхъ и лишь слѣды старыхъ арыковъ, проведенныхъ отъ верховьевъ источника, указываютъ, что и здѣсь когда-то была жизнь, прекратившая свое существованіе вмѣстѣ съ прекращеніемъ дѣятельности источника. сочащагося въ настоящее время капля по каплѣ. Жизнь мѣстнаго населенія умерла, осталась лишь жизнь слугъ земли русской, по обязанности службы живущихъ въ этихъ всѣми забытыхъ уголкахъ. Новыя зданія казармъ въ обоихъ

ущельяхъ какъ-то особенно уныло стоятъ среди общаго безмолвія.

Молодой текинецъ, состоящій на службѣ джигитомъ на посту пограничной стражи, служилъ намъ проводникомъ, указывая дороги на эти посты. Высокій, статный, плечистый, въ огромной бараньей папахѣ, онъ имѣлъ видъ хорошо дисциплинированнаго, выправленнаго военнаго. Порядочно говоря по-русски и отвѣчая очень обстоятельно на всѣ наши вопросы, онъ занималъ всѣхъ насъ во время долгаго и утомительнаго пути.

Превосходный конь текинской породы заставлялъ каждаго, понимающаго толкъ въ лошадяхъ, невольно обратить на себя особенное вниманіе. Хорошо сложенный, вершка $3^1/_2$ роста, съ тонкими ногами и богато развитою мускулатурою, этотъ конь являлся типичнымъ представителемъ лошадей текинской породы.

— Не правда ли, чудный конь подъ Магомою? обратился ко всѣмъ вообще штабъ-ротмистръ, большой любитель лошадей.

— Какая досада, что эта порода постепенно уничтожается. Главною причиною этого, конечно, прекращеніе аломанства. Пока текинцы занимались набѣгами и грабежемъ, нуженъ былъ обязательно хорошій конь, могущій пробѣгать огромныя разстоянія. Когда же разбойничать сдѣлалось нельзя, такъ надобности въ такомъ конѣ уже не встрѣчалось. Населеніе постепенно переходитъ къ земледѣлію и скотоводству, поэтому на лошадь начали смотрѣть лишь, какъ на перевозочное средство. Ѣздятъ пре-

имущественно шагомъ, перевозятъ на лошадяхъ тяжести и только. Скакуны, могущіе пройти большія разстоянія, теперь встрѣчаются рѣдко. Вѣдь вотъ, напримѣръ, такой конь, какъ у Магомы, можетъ свободно пройти галопомъ до 50-ти верстъ и не особенно устанетъ. Прежде были случаи, когда на хорошемъ конѣ дѣлали до ста верстъ. Если подсчитать все количество текинскихъ лошадей чистой крови, находящихся въ области, то ихъ не наберется и сотни, благодаря чему ихъ стоимость возрасла до 800—1,000 рублей за каждую. Текинская лошадь, въ сущности, произошла не отъ арабской, какъ думаютъ многіе, а она представляетъ собою совершенно самостоятельную породу, водившуюся въ предѣлахъ Средней Азіи задолго до появленія здѣсь арабскихъ производителей. Было время когда лошади были такъ хороши, что производителей отсюда выводили въ Персію. Часть персидской кавалеріи во время войны Александра Македонскаго сидѣла на лошадяхъ этой породы. Вѣдь если вглядѣться, то въ этихъ лошадяхъ мало вы увидите сходства съ типомъ арабской лошади. Начиная съ Тамерлана, часть этихъ лошадей стала скрещиваться съ арабами. Обыкновенно паломники совершавшіе священный ходжъ въ Мекку, при возвращеніи изъ путешествія приводили изъ Аравіи чудныхъ скакуновъ, служившихъ производителями... Выводились же жеребцы кровные, ведущіе свое происхожденіе отъ пяти кобылицъ Магомета, потомство которыхъ записывается въ особыя книги. Послѣ всѣхъ войнъ эмиры дарили туркменамъ лучшихъ производите-

лей. По преданіямъ же текинцевъ родоначальникомъ ихъ коней была лошадь, принадлежащая пророку Али и называвшаяся Дюль-Дюль. Судя по ихъ о ней разсказамъ, лошадь эта была колоссальныхъ размѣровъ. Около Меручака и теперь указываютъ мѣсто на высокой горѣ, гдѣ стоялъ этотъ миѳическій конь, который, не сходя съ горы, могъ наклонять свою голову къ Мургабу, чтобы пить воду изъ этой рѣки. На противоположной горѣ стояли ясли, изъ которыхъ Дюль-Дюль ѣлъ ячмень. Надо полагать, что величина его шеи была покрайней мѣрѣ въ 50 саженъ, если не больше.

Теперь государственное коннозаводство признало необходимымъ поддержать текинскую породу и не дать ей выродиться, для чего устроило заводскія конюшни въ Асхабадѣ и Байрамъ-Али. Въ эти конюшни были пріобрѣтены лучшіе представители текинской породы, оставшіеся у кое-кого изъ населенія. Платили за нихъ большія деньги. Ну, теперь дѣло это понемногу начинаетъ налаживаться. Стремленіе къ спорту вообще у населенія очень большое, поэтому здѣсь очень многіе принимаютъ участіе въ скачкахъ устраиваемыхъ скаковымъ обществомъ. Государственное коннозаводство назначаетъ въ тѣхъ же видахъ поощренія съ своей стороны призы. При правильной постановкѣ всего этого дѣла, можно надѣяться, что коневодство, пришедшее временно въ упадокъ, снова разовьется. Въ настоящее время лишь кое-гдѣ около Тахта-базара да Асхабада можно видѣть хорошихъ лошадей, а то больше встрѣчаются однѣ клячи. Еще на Атрекѣ есть раз-

новидность текинской лошади, носящей названіе іомудской, но та все-же хуже, такъ какъ менѣе породистая, да и, кромѣ того, гораздо мясистѣе и съ болѣе худшей мускулатурою, чѣмъ текинская. Но все же эти лошади представляютъ собою чудный матеріалъ для кавалеріи. Покойный генералъ Скобелевъ придавалъ огромное значеніе развитію здѣшняго коневодства, считая текинскихъ лошадей отличными во всѣхъ отношеніяхъ. Между прочимъ предполагая въ началѣ своего похода вступить въ переговоры съ текинцами онъ намѣтилъ въ числѣ условій, которыя должны быть имъ предложены, это выдача 1,000 жеребцовъ и кобылъ для нашего конозаводства.

— А скажите кстати ротмистръ, почему имя Скобелева такъ рѣдко, или вѣрнѣе совсѣмъ не упоминается въ краѣ?

— Да какъ Вамъ сказать, уже давно извѣстно, что ни одинъ пророкъ въ своемъ отечествѣ не признавался... Такъ и съ нимъ... Въ Асхабадѣ назвали площадь Скобелевскою да на томъ и успокоились... Еще одинъ поселокъ носитъ его имя... А вѣдь по правдѣ слѣдовало бы поставить ему памятникъ въ краѣ, который онъ покорилъ Россіи. Иниціатива этого дѣла должна бы была идти изъ Асхабада и навѣрно вся Россія поддержала бы эту мысль... Хотя впрочемъ потомки вѣроятно будутъ къ Михаилу Дмитріевичу справедливѣе современниковъ.

—Кстати,—добавилъ штабъ-ротмистръ послѣ долгаго молчанія, указывая на струившуюся изъ рѣки воду съ сильнымъ запахомъ сѣро-водорода,—по

преданіямъ тѣхъ же текинцевъ, появленіемъ воды съ такимъ дурнымъ запахомъ всѣ источники обязаны тому же Дюль-Дюлю. Очевидно, по характеру это была очень своенравная лошадь. Какъ только вода въ источникѣ, изъ котораго онъ пилъ, ему не нравилась, онъ тотъ часъ же портилъ ее. Что же касается до самаго Али, то это былъ по ихъ вѣрованіямъ богатырь страшной силы и роста. Достаточно вамъ сказать, что онъ ѣздилъ всегда на своемъ Дюль-Дюлѣ по прямому направленію безъ всякихъ дорогъ и если на пути ему попадалась гора, то онъ разсѣкалъ ее своею саблею и тогда образовывалось удобное для проѣзда ущелье. Такимъ образомъ всѣ ущелья въ области образовались лишь благодаря его саблѣ.

Отъ поста Акъ-су граница спускается съ горнаго хребта и направляется по низменной равнинѣ, называемой Аттекскимъ оазисомъ, часть территоріи котораго была получена отъ Персіи въ обмѣнъ на Фирюзинское ущелье. Значительная площадь плодородной земли, изрѣзанной арыками съ проведенною водою, вся покрыта аулами, окруженными самою разнообразною растительностью. Обработанныя поля тянутся сплошною полосой вдоль линіи желѣзной дороги. Весь этотъ оазисъ считается самою лучшею мѣстностью въ Закаспійской области. Населеніе здѣсь издавна занимается земледѣліемъ, поэтому слава житницы всего края упрочилась за оазисомъ. Большое количество воды изъ горныхъ рѣчекъ даетъ возможность почти всему населенію заниматься посѣвами хлѣбовъ, дающихъ здѣсь отлич-

ные урожаи. Громадные аулы встрѣчаются на самомъ незначительномъ разстояніи другъ отъ друга, какъ на нашей, такъ и на персидской сторонѣ. Посты Артыкъ, Каушуть, Казганъ-Кала расположены въ аулахъ тѣхъ же названій бдительно охраняя этотъ, такъ легко переходимый, участокъ границы. Изъ отстоящихъ недалеко отъ границы персидскихъ городовъ Миръ-Кала и Лютфобадъ привозятся въ громадномъ количествѣ различные товары, для очистки которыхъ пошлиною устроены таможни въ Артыкѣ, Душакѣ и Хивеабадѣ. Господствуя надъ окружающею равниною, вырисовываются на горизонтѣ холмы съ остатками развалинъ старыхъ крѣпостей, устроенныхъ въ отдаленное время для защиты жителей оазиса отъ набѣга аломанщиковъ. Полуразрушенныя башни и стѣны, построенныя на высокихъ, искусственныхъ, насыпныхъ, громадныхъ холмахъ, говорятъ о прежней силѣ и значеніи ихъ владѣльцевъ. Теперь же общій видъ этихъ крѣпостей напоминаетъ собою кладбище. Все въ нихъ мертво и вездѣ, гдѣ еще недавно жизнь била ключемъ, царствуетъ безмолвіе, и лишь призраки былыхъ властелиновъ безшумно носятся надъ этими грудами обломковъ кирпича и камня, да летучія мыши, съ визгомъ нарушая тишину, носятся цѣлыми стаями въ уцѣлѣвшихъ угрюмыхъ старыхъ башняхъ. По ночамъ, стаи шакаловъ, рыская около аула, жалобнымъ лаемъ оглашаютъ окрестности, скрываясь среди развалинъ, да одинокая, не любящая общества, гіена находитъ въ нихъ себѣ пріютъ. Персидскіе отряды, дикія орды хивинцевъ и стальную

щетину русскихъ штыковъ видѣли крѣпости эти подъ своими стѣнами, но все это прошло и осталось далеко въ прошломъ. Какъ могучіе исполины лежатъ онѣ теперь поверженныя въ прахъ и, подвергаясь постепенному разрушенію, развѣваются вѣтромъ.

Рѣзкою противоположностью съ этою прекратившеюся жизнью являются новыя казармы пограничныхъ постовъ и въ особенности зданія таможень, представляющихъ собою цѣлые небольшіе городки съ кипящею ключемъ жизнью. Пролегая невдалекѣ отъ границы по однообразной ровной и цвѣтущей долинѣ, дорога проходитъ мимо нѣсколькихъ ущельевъ, а затѣмъ снова поднимается по склону горнаго хребта и направляется къ посту Хивеабаду. Горы въ этихъ мѣстахъ уже имѣютъ видъ высокихъ холмовъ, покрытыхъ неболшою травою. Кое-гдѣ здѣсь попадаются колодцы киризной системы, при которой вода изъ горы выводилась подземнымъ тонелемъ на поверхность; на разстояніи трехъ — четырехъ саженъ другъ отъ друга устраивались колодцы, сообщавшіеся съ тонелемъ и доставлявшіе воздухъ, дававшій возможность проводить подобную систему на разстояніе нѣсколькихъ верстъ.

Снова по склонамъ холмовъ стали намъ попадаться огромныя стада барановъ, привольно пасшихся подъ наблюденіемъ одного—двухъ пастуховъ и цѣлой стаи овчарокъ. Пологія лощины мелькали передъ нами одна за другою, утомляя глаза своимъ однообразіемъ. Среди значительной

долины, невдалекѣ отъ небольшой рѣки, разбросанныя на большомъ пространствѣ, виднѣлись развалины города Хивеабада, окруженныя высокою, но осыпавшеюся стѣною съ башнями, уныло глядѣвшими своими когда-то грозными бойницами. Городъ Хивеабадъ, пришедшій въ настоящее время въ полное разрушеніе, кипѣлъ жизнью въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. Построенный какъ крѣпость, онъ былъ заселенъ плѣнными хивинцами, отъ которыхъ и получилъ свое названіе.

За Хивеабадомъ начинаются снова обработанныя поля, воду для которыхъ доставляетъ небольшой арыкъ, отведенный отъ незначительной рѣки, выходящей изъ персидскихъ предѣловъ. Въѣхавъ въ долину, по которой течетъ рѣка, мы все время шли вверхъ по ея теченію, направляясь къ посту Хивеабаду. Небольшія заросли ежевики покрывали берега рѣки, образуя совершенно непроходимыя преграды. Невысокія таловыя и ивовыя деревья кое-гдѣ группами поднимались среди этихъ зарослей. Постъ Хивеабадъ, расположенный на склонѣ горы, обсаженъ нѣсколькими чахлыми деревьями, не успѣвшими еще, вслѣдствіе недавней посадки, разрастись, какъ слѣдуетъ. Казарма и офицерскій домъ недавно еще построенные, вмѣстѣ съ предполагаемымъ къ постройкѣ зданіемъ таможенной заставы, временно помѣщающейся въ настоящее время въ Каахка, въ будущемъ образуютъ въ этомъ глухомъ пунктѣ новый русскій поселокъ съ нѣсколькими русскими интеллигентными людьми, а пока мѣстный пограничный офицеръ ведетъ свою жизнь здѣсь одиноко съ своею семьею.

По лощинѣ имѣющей направленіе изъ Персіи къ Каахка, постоянно тянутся караваны верблюдовъ съ товарами, оживляющіе эту глухую мѣстность.

— Текинцы появляются весною со своими стадами и тогда мой уголокъ здѣсь оживаетъ, разсказывалъ намъ мѣстный офицеръ, а теперь они по случаю наступившихъ жаровъ откочевали дальше въ горы, потому что частью бараны съѣли траву, а частью солнце ее сожгло. У многихъ есть огромныя стада, а вообще нужно признать, что народъ очень зажиточный. Не даромъ, они съ особымъ уваженіемъ относятся къ пророку Моисею, который у нихъ считается покровителемъ овцеводства. Въ сущности это племя по своему характеру и качествамъ очень симпатично. Главное его достоинство то, что, несмотря на ихъ принадлежность къ мусульманству, въ сущности они плохіе мусульмане. Мусульманство вообще вездѣ отличается фанатизмомъ и нетерпимостью, чего нельзя сказать про текинцевъ, которые къ дѣламъ религіи относятся вполнѣ индиферентно, выполняя лишь нѣкоторые обряды. Поэтому молодежь очень охотно изучаетъ русскій языкъ и чувствуетъ большія симпатіи ко всему русскому. Здѣсь мусульманское духовенство не имѣетъ никакого значенія, и мулы и ишаны, появляющіеся иногда изъ Хивы и Бухары, встрѣчаются съ большимъ недовѣріемъ. Даже благочестивый ходжъ въ Мекку и тотъ у нихъ иногда не выполняется. Но твердый народъ по своему характеру. Если ужъ что обѣщаетъ, такъ сдѣлаетъ непремѣн-

но, во что бы то ни стало. А ужъ если приметъ присягу, такъ это крѣпче крѣпкаго, потому что по ихъ понятіямъ, если принявшій присягу ея не выполняетъ, то Божій гнѣвъ будетъ не только на немъ но и на всѣхъ присутствовавшихъ при принесеніи присяги. Вслѣдствіе этой причины, въ судахъ, когда приводятъ кого нибудь изъ свидѣтелей къ присягѣ, обыкновенно всѣ присутствующіе текинцы стараются подъ какимъ нибудь предлогомъ уйти, чтобы не быть отвѣтственными передъ Богомъ за показаніе принявшаго присягу.

— А скажите, кстати намъ, вѣдь вы уже старожилъ въ области,—обратился къ говорящему кто-то изъ присутствующихъ,—вотъ вы упомянули про суды, вѣдь здѣсь въ этомъ отношеніи у нихъ свое особое судоустройство?

— „Ну по этой части я, положимъ, кое что знаю, а все же это дѣло вамъ лучше меня разскажетъ вотъ Александръ Ивановичъ,—указалъ онъ на подъѣхавшаго къ посту мѣстнаго пристава капитана Н. который черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣлъ среди нашего общества, охотно посвящая насъ въ детали своей административной дѣятельности по отношенію управленія текинцами Атекскаго оазиса.

— Васъ интересуютъ существующія спеціальныя постановленія для туземнаго населенія. Кромѣ Асхабадскаго уѣзда, гдѣ есть особые аульные суды съ выборными судьями изъ текинцевъ, вездѣ установлены приставскіе или уѣздные суды, составляющіе собою первую инстанцію. Въ нихъ судьи выборные изъ населенія, а предсѣдательствуетъ въ этихъ судахъ приставъ или помощникъ начальника уѣзда,

при чемъ въ нихъ для толкованія шаріата приглашается мулла или ишанъ. Этимъ судамъ подсудны дѣла почти тѣже, которыя разбираются мировыми судьями. Вторая инстанція—это чрезвычайный съѣздъ народныхъ судей, открываемый разъ въ годъ на извѣстное время въ г. Асхабадѣ, подъ предсѣдательствомъ особаго лица изъ администраціи края, по назначенію начальника области. Въ судьи въ этотъ съѣздъ назначаются отъ каждаго племени по одному представителю, и кромѣ того участвуетъ нѣсколько знатоковъ шаріата, т. е. мусульманскаго закона и въ частности корана и адата, т. е. права обычнаго. Вызовъ судей отъ всѣхъ племенъ необходимъ въ виду того, что по тому же обычному праву только то рѣшеніе считается законнымъ, которое сдѣлано кѣмъ либо изъ принадлежащихъ къ составу своего племени. Высшей же властью и окончательною по всѣмъ дѣламъ является начальникъ области. Во всѣхъ тяжебныхъ дѣлахъ судъ руководствуется обычнымъ правомъ, которое выработано у населенія и во многомъ не согласуется съ нашими понятіями и законами. Напримѣръ, по адату за изнасилованіе женщины полагался штрафъ, и въ то же время потерпѣвшая имѣла право убить того, кто это съ нею сдѣлалъ. За убійство платился также штрафъ и кромѣ того полагалось тюремное заключеніе. Цѣлый рядъ преступленій, наказуемыхъ по нашему уложенію, совершенно не наказуется адату. Такимъ образомъ, эти суды очень своеобразны.

—По отношенію же преступленій, совершенныхъ въ раіонѣ русской осѣдлости, а также при участіи не-туркменъ, виновные привлекаются къ отвѣтст-

венности и судятся общимъ Асхабадскимъ окружнымъ судомъ. Но правду сказать, судъ этотъ чуждъ по духу и поэтому не пользуется популярностью среди населенія, которое не привыкло и долго еще не освоится со многими формами нашего судопроизводства. По адату, каждый обвиняемый долженъ на судѣ самъ оправдываться отъ возводимаго на него преступленія, между тѣмъ у насъ назначается защитникъ. Въ числѣ превратныхъ понятій, совершенно невольно являющихся у полудикихъ кочевниковъ, побывавшихъ въ судѣ и знающихъ порядокъ нашего судопроизводства по наслышкѣ, образовалось понятіе о защитникѣ какъ о лицѣ, принадлежащемъ къ составу суда и поэтому въ мало-мальски сомнительномъ дѣлѣ текинецъ готовъ дать какой угодно гонораръ защитнику, вполнѣ убѣжденно считая, что онъ самъ подѣлится съ остальными судьями и тѣ постановятъ затѣмъ приговоръ въ его пользу. Все же всякій, поживши, среди этихъ кочевниковъ, признастъ, что наши суды для текинцевъ введены слишкомъ рано, и правду сказать, они во многомъ принесли значительный вредъ текинцамъ, поселивъ въ нихъ крайне несимпатичное кляузничество и дѣйствуя въ значительной степени развращающимъ образомъ на эти честныя по своей натурѣ племена.

Въ двадцати верстахъ отъ Хивеабада на линіи желѣзной дороги находится довольно значительное мѣстечко Каахка, населенное частью персами и частью осѣдлыми текинцами. Въ настоящее время оно имѣетъ торговое значеніе, такъ какъ лежитъ сравнительно близко отъ Машхеда...

XIII

Меана-Чаача-Рухнабадъ.

По направленію къ аулу Меана, около котораго расположенъ постъ того же названія, мѣстность, постепенно понижаясь, переходитъ въ равнину разстилающуюся на огромномъ пространствѣ до конца горизонта. Здѣсь снова начинается пустыня, среди которой по дорогѣ встрѣчается оазисъ около незначительнаго ручья, протекающаго черезъ аулъ Меана. Совершенно гладкая, какъ столъ, равнина утомляетъ до крайности своимъ однообразіемъ, поэтому всю дорогу мы, не обращая вниманія на эту унылую картину, занимались разговорами. Словоохотливый приставъ Н. съ особою любезностью крайне охотно удовлетворялъ наше любопытство. Изрѣдка передъ нами виднѣлись заросли какъ будто мертваго саксаула и темно-зеленаго гребенщика. Узловатыя вѣтви перваго казались какъ будто высохшими на солнцѣ. Дерево это, имѣющее необычайную твердость, годится лишь на топливо, давая огромную, благодаря своей плотности, теплоту. Корни же его, какъ будто узлы, тянутся подъ землею совершенно закрытые особою корою въ тѣхъ видахъ,

чтобы не подвергаться дѣйствіямъ жаровъ. Заросли же гребенщика разнообразили унылую картину, рѣзко выдѣляясь среди темно желтой сожженной солнцемъ почвы. Жара между тѣмъ все увеличивалась и уже къ 11-ти часамъ утра сдѣлалась невыноси-

Сердарь—Куль—Батырь начальникъ инфатеріи текинцевъ. Былъ помощникомъ пристава и поручикъ милиціи.

мою. Небольшая группа разстительности давно была намъ видна, но растояніе до нея казалось не уменьшалось. Лишь проѣхавъ еще часа два, мы наконецъ подъѣхали къ аулу Меана, недалеко отъ котораго виднѣлась группа текинцевъ съ

аульнымъ старшиною во главѣ, вышедшихъ навстрѣчу генералу. Аульный старшина, высокій сѣдобородый текинецъ, съ желтыми погонами урядника туркменскаго конно-иррегулярнаго дивизіона, поднеся хлѣбъ-соль, просилъ въ то же время сдѣлать ему честь и заѣхать къ нему въ гости.

Спустя четверть часа подъ тѣнью нѣсколькихъ таловыхъ деревьевъ, мы расположились на богатомъ текинскомъ коврѣ, разостланомъ по землѣ. Невдалекѣ отъ насъ на треногомъ таганѣ варилась въ огромномъ котлѣ шурпа (супъ) изъ баранины. Тутъ же грѣлась вода для чая въ чугунныхъ высокихъ кувшинахъ, называемыхъ кунганами. Зной палящаго солнца казался гораздо меньше послѣ первой же чашки чая, предложеннаго радушнымъ хозяиномъ. Нѣсколько взрѣзанныхъ арбузовъ и дынь лежали около насъ, соблазняя своимъ ароматомъ.

— Для гостя барана рѣзалъ, сейчасъ готовъ будетъ, сообщилъ намъ старшина, усаживаясь лишь послѣ приказанія генерала на землю.

— Хорошій баранъ, жирный,—соблазнялъ онъ насъ, подавая плоскія большія чашки съ кусками душистой вкусной баранины, которой всѣ сейчасъ же, несмотря на жару и усталость, отдали должную честь.

По обычаю туркменъ принято каждаго гостя принимать и угощать по мѣрѣ возможности, при чемъ для встрѣчи особенно почтеннаго гостя обязательно зарѣзать барана на угощеніе. Гостепріимство очень развито среди туркменъ, и на гостя принято смотрѣть какъ на посланнаго Богомъ. Причины, способствовавшія развитію гостепріимства, заключают-

ся главнымъ образомъ въ томъ, что мужское населеніе почти цѣлые дни совершенно свободно, такъ какъ всѣ домашнія работы возлагаются на женщинъ и этотъ избытокъ времени породилъ невольное стремленіе заполнить хоть чѣмъ-нибудь свои досуги. Если же къ этому добавить, что каждый кочевникъ особенно интересуется всякими новостями, то будетъ понятно то чувство особеннаго удовольствія, съ которымъ встрѣчали каждаго гостя, какъ вѣстника всякихъ новостей.

Аульный старшина, степенно важный по манерамъ, носилъ на себѣ отпечатокъ военной выправки, полученной имъ во время службы въ туркменскомъ дивизіонѣ. Долго былъ на военной службѣ, старшина—обратился генералъ къ старику?

Тотчасъ же вставъ съ мѣста и въ знакъ почтенія, приложивъ правую руку къ сердцу, старшина довольно правильнымъ русскимъ языкомъ отвѣтилъ, что прослуживъ въ дивизіонѣ всего пять лѣтъ, причемъ послѣднихъ два года состоялъ въ званіи урядника, съ которымъ и уволенъ отъ службы.

— На какихъ собственно основаніяхъ существуетъ этотъ дивизіонъ?—спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— А видите ли-быстро загорорилъ капитанъ Н., видимо нелюбившій долго сидѣть молча, Туркменскій конно-иррегулярный дивизіонъ, сформированный въ началѣ, какъ милиція, въ составѣ 30-40 человѣкъ, переформированъ былъ въ сотню, а лѣтъ 9—10 тому назадъ въ дивизіонъ. Комплектуется онъ туркменами, жалающими служить въ немъ добровольно. Каждый

изъ нихъ даетъ обязательство прослужить всадникомъ въ дивизіонѣ два года и по окончаніи этого срока можетъ по желанію или далѣе продолжать службу или же быть уволеннымъ. Во время состоянія въ дивизіонѣ всѣ всадники должны имѣть собственную верховую лошадь. Отъ казны же имъ дается винтовка и жалованье по 25 рублей въ мѣсяцъ, на которое они должны также содержать и свою лошадь. Охотниковъ служить въ дивизіонѣ всегда масса. Это хорошая воинская часть, сидящая на отличныхъ коняхъ. Служба всадниковъ совершенно та же, что и нашихъ казачьихъ частей. Офицеры же въ дивизіонѣ частью назначаются изъ кавалерійскихъ полковъ, а частью производятся изъ тѣхъ же всадниковъ безъ экзамена въ офицеры милиціи. Вообще туркмены представляютъ собою прекрасный матеріалъ для комплектованія нашей кавалеріи. По своему характеру и вѣками усвоеннымъ понятіямъ, это народность, особенно желательная въ рядахъ нашей арміи. Поэтому уже въ сущности пора ввести среди нихъ общую воинскую повинность комплектуя ими этотъ же дивизіонъ, который тогда лишь придется развернуть въ полкъ.

Проговорилъ долго о всевозможныхъ вопросахъ, касавшихся области, мы тутъ же легли отдыхать, убаюкиваемые тихимъ брянчаніемъ струннаго инструмента, имѣвшаго видъ домры. Тихіе, мелодичные, но однообразные звуки туркменской мелодіи разносились далеко въ тишинѣ. Южная ночь уже наступала. Ярко сіяли звѣзды на прозрачномъ небосклонѣ. Край луны, освѣщая всѣ окрестности мягкимъ блѣд-

нымъ свѣтомъ, медленно начала появляться на горизонтѣ. Гдѣ-то невдалекѣ около самаго аула слышался тихій лай шакаловъ. Съ разсвѣтомъ мы были уже снова въ сѣдлахъ, направляясь по равнинѣ къ посту Чаача. Снова передъ нами во всѣ стороны разстилалась безбрежная, сожженная солнцемъ равнина. Поднимая облака пыли, несся намъ на встрѣчу южный горячій вѣтеръ, затрудняя дыханіе и не давая возможности нашимъ конямъ держать правильное направленіе. Сидя бокомъ на сѣдлѣ и укрываась отъ летѣвшихъ по вѣтру массъ песчинокъ, мы всѣ скоро пришли въ самое отвратительное настроеніе, особенно когда солнце стало припекать насъ безъ всякаго милосердія. Всѣ сердито ворчали себѣ подъ носъ, посылая всякія ругательства по адресу вѣтра.

— Хорошо, что въ здѣшнихъ мѣстахъ грунтъ довольно твердый, такъ еще можно терпѣть,—заговорилъ докторъ, кутаясь въ полотняный бѣлый башлыкъ, а дальше около Тахтабазара если бы попасть въ такой вѣтеръ такъ просто хоть караулъ пришлось бы кричать. Съ пескомъ шутки плохія. Когда въ песчаныхъ барханахъ поднимается вѣтеръ, такъ живо можно Богу душу отдать. Песокъ мететъ съ страшною силою, перебрасывая цѣлыя песчаныя горы съ мѣста на мѣсто. Пока есть силы лошади идутъ, а выбьются, такъ только и остается, что лечь на землю и умереть. Занесетъ вѣдь моментально пескомъ. Бываетъ что и туркмены, сбившись съ дороги, погибаютъ въ этомъ безбрежномъ морѣ песку, среди котораго, если нѣтъ звѣздъ на

небѣ, такъ даже нѣтъ никакой возможности оріентироваться. Песчаные холмы всѣ совершенно одинаковы и похожи другъ на друга, поэтому разъ попали въ такой случай и сбились—значитъ конецъ.

Жара, между тѣмъ, казалось, увеличивалась. Кожа на лицѣ и рукахъ, раздражаемая попадавшими песчинками, ныла нестерпимо. Во рту и горлѣ чувствовалась какая то особенная сухость, которую не могли даже уничтожить глотки воды, выпивавшіеся нами изъ бутылокъ съ водою, притороченныхъ по сторонамъ каждаго сѣдла. Обшитыя солдатскимъ сукномъ, періодически смачиваемымъ тою же водою, бутылки эти, подвергаясь дѣйствію вѣтра понижали температуру воды. При частомъ смачиваніи поверхности такая вода можетъ сдѣлаться буквально ледяною. Большую часть дня мы испытывали дѣйствіе вѣтра и лишь подъ вечеръ, съ большимъ трудомъ сдѣлавъ по этой безводной пустынѣ съ небольшимъ пятьдесятъ верстъ, добрались до поста Чаача, виднѣвшагося группою своихъ построекъ у склона горнаго хребта.

— Посмотрите-ка, издали Чаача кажется порядочнымъ поселкомъ — такъ много сгруппировано тутъ построекъ, а подъѣдете близко, такъ окажется, что кромѣ дома поста ничего нѣтъ. Всѣ остальныя будки, домики, сараи, это остатки бывшаго здѣсь въ 1898 г. противочумнаго пункта. Когда была чума въ Индіи и частью въ Афганистанѣ, а затѣмъ и у насъ въ кишлакѣ Анзопѣ, Самаркандской области, такъ была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества принца

Ольденбургскаго для борьбы съ чумною заразою, Комиссія эта выстроила на границѣ цѣлый рядъ карантинно-врачебныхъ противочумныхъ пунктовъ, съ нужнымъ персоналомъ врачей и огромнымъ имуществомъ. Пункты эти были размѣщены въ особыхъ временныхъ постройкахъ, въ томъ числѣ и въ Чаача. Здѣсь были устроены приспособленія для дезинфекціи, продовольствія и леченія значительнаго количества людей, прибывающихъ къ намъ изъ Персіи. Просуществовали эти пункты года полтора—два, а затѣмъ были закрыты. Постройки безъ ремонта приходили въ упадокъ и разваливались; имущество также сдѣлалось негоднымъ. Теперь въ одномъ изъ этихъ домиковъ помѣщается переходный таможенный пунктъ и живетъ управляющій таковымъ—старый отставной маіоръ. Интересный въ своемъ родѣ человѣкъ.

Временное помѣщеніе, въ которомъ жилъ маіоръ, представляло собою небольшой досчатый баракъ, сбитый изъ досокъ, въ широкія щели которыхъ свободно влеталъ вѣтеръ пустыни, внося съ собою массу пыли, ложившейся густымъ слоемъ на всѣхъ предметахъ, составляющихъ обстановку помѣщенія. Радушный, но совершенно отвыкшій отъ людей, хозяинъ приложилъ все свое стараніе, чтобы размѣстить своихъ гостей поудобнѣе въ этомъ тѣсномъ и неуютномъ домикѣ, который вдобавокъ ко всему еще былъ весь какъ будто источенъ какими-то насѣкомыми. Древесная пыль лежала толстымъ слоемъ на всѣхъ выступахъ и каждая доска обшивки была покрыта сплошнымъ узоромъ дырочекъ.

— Это термиты, удовлетворилъ наше любопытство маіоръ. Насѣкомое, имѣющее отдаленное сходство съ муравьемъ, но летающее, благодаря парѣ крыльевъ, имѣющихся на спинѣ. Термиты — это бичъ здѣшнихъ мѣстъ. Во всей области болѣе страшнаго врага, разрушающаго постройки, найти нельзя. Нѣтъ такой вещи изъ дерева, бумаги, шерсти, которую бы ни уничтожали полчища этихъ насѣкомыхъ. Цѣлыя бревна ими истачиваются въ теченіи нѣсколькнхъ мѣсяцевъ и при этомъ иногда снаружи даже не видно никакихъ слѣдовъ, за то внутри остается лишь одна труха. Бываютъ иногда случаи, что крыши обрушиваются на домахъ, совершенно незамѣтно испорченныя этими насѣкомыми".

— Неужели вы здѣсь и зиму прожили, маіоръ, заинтересовался докторъ, присматриваясь все время къ обстановкѣ совершенно лѣтняго помѣщенія.

— Какъ же, прожилъ, утвердительно закивалъ маіоръ головою...

— И даже, если хотите, недурно прожилъ. Холодновато только порою бывало, а такъ въ общемъ ничего.

Съ невольнымъ изумленіемъ мы еще разъ осмотрѣли баракъ удивляясь этой замѣчательной непритязательности... Съ чѣмъ только не мирится русскій человѣкъ когда нужно!

Противъ поста Чаача находится персидскій аулъ Чаача, черезъ который ведется довольно значительная торговля. Караваны направляются на Душакскую таможню. Извиваясь, протекаетъ около Чаача

небольшой ручей, но растительность имѣется лишь около персидскаго Чаача.

Отъ Чаача до Ясы-Тепе идетъ все та же равнина, до того ровная, что на пространствѣ свыше 90 верстъ не видно никакой даже самой незначительной складки мѣстности. Гладкая поверхность земли имѣетъ видъ утрамбованнаго тока. Полное отсутствіе воды дѣлаетъ этотъ переходъ очень затруднительнымъ, поэтому, чтобы избѣжать дневную жару, мы выѣхали съ наступленіемъ ночи и всю ночь, шагъ за шагомъ, плелись, покачиваясь въ сѣдлахъ и частенько клюя носомъ. Вѣтеръ давно уже стихъ, но раскаленный воздухъ и согрѣтая солнцемъ почва давала себя чувствовать. Освѣщенныя свѣтомъ луны, наши фигуры верхомъ на лошадяхъ бросали огромныя тѣни, скользившія по поверхности земли. Пройдя половину перехода, мы остановились бивакомъ въ мѣстности называемой Кальгаузомъ, около значительной ямы, наполненной дождевою водою, которая, собираясь въ этой впадинѣ въ теченіи весеннихъ дождей, сохраняется въ ней вплоть до половины іюня. Лишь при полномъ отсутствіи воды и страшной жаждѣ, вызванной палящимъ солнцемъ, возможно употреблять эту воду, имѣющую какой то особенно противный, гнилой вкусъ. Хорошо, что свѣтъ луны, серебря поверхность этого маленькаго пруда, не далъ въ то же время возможности разсмотрѣть цвѣтъ воды, бывшій, какъ надо полагать, далеко непривлекательнымъ. Даже уставшіе и томимые жаждой кони наши, сдѣлавъ два три глотка воды изъ ямы уныло отворачивались и били

копытами землю, какъ бы высказывая свой протестъ противъ подобнаго питья. Лишь неприхотливыя овцы въ состояніи пить ее и поэтому Кальгаузская яма въ началѣ лѣта осаждается стадами кочевниковъ, пасущихся на равнинѣ, пока солнце не выжжетъ травы на ней.

Разведя костеръ и сосредоточенно смотря на огонь, извивавшійся по горящимъ кускамъ саксаула, мы всѣ легли тутъ-же невдалекѣ на буркахъ. Докторъ ворочался съ боку на бокъ и разворчался не на шутку.

— Положительно нѣтъ никакой возможности заснуть на такой чудной постели, а я, право бы, заснулъ съ удовольствіемъ, говорилъ онъ, выбирая болѣе удобное положеніе“.

— Въ пескахъ лучше, тамъ хоть, по крайней мѣрѣ, бока не такъ болятъ. Вѣдь это все равно, что на камняхъ спать,—постучалъ онъ по твердому грунту.

— Да еще здѣсь, чего добраго, каракуртъ укуситъ. Говорятъ, по этимъ мѣстамъ ихъ встрѣчается очень много.

— Что такое каракуртъ, про котораго вы упоминаете?

— Да, какъ вамъ сказать, это въ сущности не большой, но страшно ядовитый паукъ чернаго цвѣта, покрытый сверху какъ будто волосами. Весною его укусъ смертеленъ даже для верблюда, на овцу же ядъ его не дѣйствуетъ. Но за то и каракуртъ въ свою очередь боится овцы, которая обыкновенно, говорятъ, съѣдаетъ его съ большимъ удовольствіемъ. Для человѣка каракуртъ является очень опаснымъ

врагомъ, такъ какъ укусъ его безусловно смертеленъ.

Спать не хотѣлось и поэтому всѣ молча смотрѣли на огонь.

— Это, вѣрно, бояръ, что человѣкъ умираетъ, если его укуситъ каракуртъ, заговорилъ одинъ изъ джигитовъ сидѣвшихъ около насъ, только каракуртъ умнаго человѣка никогда не укуситъ. Умный человѣкъ всегда убережется отъ него — кошму постелетъ или что другое. Каракуртъ боится всего, что бараномъ пахнетъ. Ну, а глупый человѣкъ не то. Глупаго человѣка можетъ и звѣрь и всякое животное укусить, потому что онъ не думаетъ какъ и что нужно сдѣлать, чтобы этого не было. У насъ про глупыхъ людей есть сказка...

— Какая сказка. Разскажи Анна — Гельды, — заинтересовался докторъ".

— Вы не можете себѣ представить, какъ интересны по своему содержанію бываютъ у нихъ сказки, — обратился онъ къ намъ.

Джигитъ выдвинулся впередъ, погладилъ свою сѣдую бороду, собираясь съ мыслями и затѣмъ тихимъ голосомъ немного на распѣвъ началъ:

— Давно, очень давно жили въ старомъ Рухнабадѣ восемь друзей изъ которыхъ семерыхъ звали Магометами и одного Али. Всѣ они занимались плотничьимъ мастерствомъ, изготовляя арбы и сбывая ихъ на базарѣ. Изъ нихъ Али работалъ лучше и оканчивалъ одинъ въ день арбу, а всѣ семеро Магометовъ одну въ день; завидуя успѣху Али, они однажды въ отсутствіе его сговорились и сожгли у него только—что оконченную арбу.

Возвратившись Али нашелъ отъ своей арбы только одни угли. Опечаленный этимъ онъ, немного подумалъ и собравъ угли въ мѣшокъ, рѣшилъ продать ихъ на базарѣ. Во время дороги онъ встрѣтился съ купцомъ, который, увидя человѣка съ ношей, остановился и спросилъ, что онъ несетъ въ мѣшкѣ. Али отвѣтилъ, что онъ несетъ золото продавать. Купецъ, желая узнать цѣну, спросилъ его, что онъ возьметъ за весь мѣшокъ. Немного подумавъ. Али отвѣтилъ: промѣняю его тебѣ на 20 верблюдовъ, если хочешь. Рѣшивъ, что сдѣлка выгодна, купецъ, захотѣлъ лишь посмотрѣть на него, но Али сказалъ, что при дневномъ свѣтѣ золота смотрѣть нельзя, ибо оно можетъ превратиться въ угли и что его можно вынимать изъ мѣшка сколько угодно, а въ мѣшкѣ даже не будетъ видно убыли, но только это нужно дѣлать въ темномъ мѣстѣ. Прельстившись этимъ неистощимымъ богатствомъ, чтобы еще больше разбогатѣть, купецъ рѣшилъ промѣнять на мѣшокъ съ золотомъ свои 20 верблюдовъ и, взявши у Али драгоцѣнный мѣшокъ, взвалилъ его на плечи и немедля ушелъ, боясь, чтобы Али не раздумалъ, но Али, въ свою очередь, съ тѣми же самыми мыслями быстро сѣлъ на верблюда и направился обратно къ своему дому.

Магометы, увидя его, ведущаго большой караванъ, стали узнавать, гдѣ именно онъ могъ пріобрѣсти столько верблюдовъ и какимъ образомъ. Али тогда объяснилъ имъ, что на базарѣ на столько дороги угли, что 20 верблюдовъ дали ему лишь за одинъ мѣшокъ. Не подозрѣвая въ этомъ объясненіи

обмана, Магометы рѣшили сжечь свои арбы и послѣдовать примѣру Али. Явившись каждый съ мѣшкомъ углей на базаръ, Магометы начали съ навязчивостью предлагать ихъ желающимъ промѣнять на 20 верблюдовъ. Люди, увидя такую глупость Магометовъ, только смѣялись, а базарные стражники прогнали ихъ палками съ базара. Возвратившись съ пустыми руками домой, Магометы страшно разсердились на Али, и, не заставъ его дома, накинулись всѣ на его мать, которую и убили. Вернувшись домой и найдя свою мать мертвою, Али сильно загоревалъ, но потомъ придумалъ слѣдующій выходъ: одѣвъ трупъ въ богатое платье и посадивъ на верблюда, онъ отправился въ путь.

Долго онъ ѣхалъ и на другой день къ вечеру, поѣзжая къ какому-то аулу, онъ на вопросъ встрѣчныхъ отвѣтилъ, что везетъ себѣ невѣсту изъ за моря. Благодаря любопытству жителя аула выскочили изъ юртъ и испугали верблюда, который прыгнувъ, уронилъ мнимую невѣсту Али. Али, притворившись, что очень огорченъ случившимся, поплакавъ надъ мертвою, объявилъ аулу, что онъ пойдетъ къ падишаху съ жалобой на нихъ и взыщетъ съ нихъ деньги за смерть своей невѣсты. Затѣмъ взявши своего верблюда, онъ отправился къ падишаху и заявилъ свою жалобу. Падишахъ былъ человѣкъ справедливый и сейчасъ же потребовалъ къ себѣ виновныхъ въ причиненіи смерти невѣсты Али. Выслушавъ обѣ стороны, падишахъ посудилъ отдать самую красивую дѣвушку изъ аула. Тутъ Али, поклонившись и получивъ дѣвушку, вернулся къ

себѣ домой. Магометы же, увидя у него красавицу, спросили, гдѣ онъ ее взялъ. Али тогда отвѣтилъ имъ, что милостивый падишахъ за умершихъ всѣхъ старухъ-матерей, изъ состраданія къ несчастью, выдаетъ своимъ подданымъ по дѣвушкѣ. Магометы, посовѣтовавшись между собою, рѣшили убить своихъ матерей и послѣдовать примѣру Али, что и исполнили, а затѣмъ, явившись къ падишаху съ трупами ихъ просили послѣдняго дать имъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ... Но велико было ихъ удивленіе, когда падишахъ приказалъ стражѣ посадить ихъ въ темницу, а тѣло велѣлъ похоронить. Отбывъ присужденное падишахомъ наказаніе, озлобленные Магометы вернулись домой и рѣшили разъ навсегда покончить съ ненавистнымъ имъ Али, для чего предумали убить Али и потащили съ этою цѣлью его въ море, чтобы утопить, но боясь, что мѣшокъ съ Али не утонетъ, посадили его въ него, пошли искать хорошій камень, чтобы вложить въ мѣшокъ, причемъ оставили его на берегу моря. Въ ихъ отсутствіе мимо прогонялъ пастухъ стадо барановъ и, увидя мѣшокъ захотѣлъ полюбопытствовать, что въ немъ находится, но только что онъ успѣлъ развязать его, какъ оттуда быстро выскочилъ Али. Пастухъ сначала испугался, но когда опомнился, то спросилъ Али, зачѣмъ онъ сидѣлъ въ мѣшкѣ. Хитрый Али, не задумываясь, отвѣтилъ ему, что онъ отъ рожденія былъ на одинъ глазъ кривъ и по совѣту муллы просидѣвши въ этомъ мѣшкѣ нѣсколько времени, совершенно излѣчился и теперь видитъ отлично обоими глазами. Пастухъ, который былъ тоже

на одинъ глазъ кривъ, пожелалъ въ свою очередь излечиться, для чего просилъ Али позволить ему сѣсть въ мѣшокъ на нѣкоторое время. Али какъ бы нехотя согласился на просьбу пастуха, но когда тотъ сѣлъ въ него, хитрецъ немедленно завязалъ мѣшокъ; затѣмъ стадо барановъ погналъ къ своему дому, между тѣмъ Магометы возвратились къ мѣсту, гдѣ оставили мѣшокъ. Ничего не зная о происшедшемъ, они привязали къ нему тяжелый камень какой только они были въ состояніи поднять, подтащили мѣшокъ къ морю и бросили свою жертву съ крутаго берега, а сами съ торжествомъ направились въ домъ Али и забрали себѣ все его имущество и его красавицу невѣсту. Но каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли черезъ нѣсколько времени, что Али спокойно гонитъ большое стадо барановъ къ себѣ во дворъ. Видятъ они и не вѣрятъ своимъ глазамъ. Даже рѣшили, что это не Али, а человѣкъ лишь на него похожій. Рѣшившись провѣрить, дѣйствительно ли это Али, они спросили его, кто онъ такой и тотъ доказалъ имъ, что онъ только что брошенный ими въ море Али, возвратившійся обратно и видѣвшій, что на днѣ моря пасется несмѣтное количество барановъ, изъ которыхъ онъ только для себя взялъ 500 штукъ. Услышавъ это Магометы, забывъ всякую вражду къ Али, просили его указать имъ то мѣсто, гдѣ онъ нашелъ это богатство. Али не задумываясь, повелъ ихъ къ берегу моря. Тогда Магометы взяли каждый по хворостинѣ и послали старшаго по лѣтамъ выгонять изъ моря барановъ. Тотъ бросился

въ воду и началъ тонуть, размахивая въ это время хворостиной.

Оставшіеся на берегу Магометы, думая, что онъ одинъ не можетъ справиться съ массою барановъ, прыгнули въ свою очередь за нимъ въ море, чтобы помочь ему, но потонули всѣ въ бурныхъ водахъ. Али же, посмѣявшись надъ ихъ глупостью, вернулся домой и, сдѣлавшись богатымъ человѣкомъ зажилъ съ своей молодой женой въ свое удовольствіе.

— Вотъ какъ, бояръ, глупые люди дѣлаютъ, закончилъ джигитъ свой разсказъ.

XIV.

Серахсъ.

Отдохнувъ часа три, мы двинулись дальше по направленію поста Ясы-Тепе. Съ правой стороны отъ насъ виднѣлся Ханъ-Геранскій проходъ, являющійся дорогою, ведущей въ предѣлы Персіи. Проходъ этотъ лежитъ на торной тропѣ между Мешедомъ и Каахка, а потому и служитъ удобнымъ мѣстомъ для перехода границы, въ силу чего черезъ него обыкновенно двигаются караваны съ контрабандными товарами. Пунктъ этотъ уже давно обращалъ на себя вниманіе и потому въ этомъ проходѣ предполагалось поставить пограничный постъ. Пустынность всего раіона даетъ возможность контрабандистамъ везти изъ Персіи чай въ наши предѣлы почти безнаказанно. Вдали среди равнины уже давно виднѣлся бѣленькій домикъ, въ которомъ временно помѣщается постъ Ясы-Тепе; не доѣзжая до него намъ начали попадаться остатки цѣлой сѣти арыковъ, покрывавшихъ поверхность земли. Эти арыки когда то доставляли воду въ здѣшнія безлюдныя мѣста и здѣсь прежде видимо кипѣла жизнь. Чѣмъ дальше, тѣмъ размѣры арыковъ

были значительнѣе. Постъ Ясы-Тепе жилъ среди остатковъ человѣческой культуры, неся свою трудную службу въ этой мертвой пустынѣ. Колодезь съ мутной, пахнувшей гнилью водою былъ единственнымъ на 50 верстъ вокругъ источникомъ, дававшимъ эту драгоцѣнную влагу, необходимую для жизни людей поста. Небольшая землянка являлась лишь временнымъ помѣщеніемъ для поста, казарма для котораго строилась тутъ же. Груды сырцового кирпича, бревна, доски были сложены вкругъ. Нѣсколько рабочихъ персовъ мѣсили глину приготовляли кирпичъ. Кое-гдѣ на дорогѣ валялись куски дерева и доски. Строительный матеріалъ былъ доставленъ и постройка только-что началась. Шеренга солдатъ, выстроенныхъ передъ постомъ, обращала на себя вниманіе своимъ здоровымъ и молодцоватымъ видомъ. Нѣкоторые же изъ нихъ, несмотря на жару, были въ теплыхъ валенкахъ, что невольно бросалось въ глаза.

— Это все съ пендинками, — въ полголоса сообщилъ намъ ротмистръ В. дѣло въ томъ, что почему-то здѣсь ихъ особенно много, вѣроятно главною причиною этой язвы является вода.

— Пендинская язва принадлежитъ къ числу накожныхъ болѣзней и происхожденіе ея еще мало изслѣдовано. Прежде она встрѣчалась лишь въ одномъ Пендинскомъ приставствѣ, откуда и получила свое названіе. Ничего въ этой язвѣ опаснаго нѣтъ, а страшно непріятная болѣзнь, —сказалъ докторъ.

— Дѣло въ томъ, что леченію она почти не под-

дается, т. е. примѣняются прижиганія молочной кислотой и даже начинается заживленіе, но подобное леченіе оставляетъ слѣды и, конечно непріятно имѣть на лицѣ пятна и шрамы. Въ заболѣваніи этой язвою замѣчено интересное явленіе, что она у женщинъ появляется преимущественно на лицѣ, а у мужчинъ на ногахъ и рукахъ. Излечивается она въ сущности лишь временемъ. Появится гдѣ-либо и затѣмъ мѣсяцевъ 6, 8 и до года нужно, чтобы она зажила.

За постомъ Ясы-Тепе мѣстность приняла кочковатый характеръ, явившійся, повидимому, слѣдствіемъ давней обработки почвы земледѣльческими орудіями. Глубокій когда-то, вѣроятно, многоводный, арыкъ пересѣкалъ нашу дорогу, извилинами проходя черезъ равнину, а съ обѣихъ сторонъ его тянулись небольшіе арыки, цѣлою сѣтью покрывавшіе огромное пространство.

— Всѣ эти мѣста, какъ видите,—сказалъ ротмистръ В. были прежде очень густо населены. По историческимъ даннымъ туркменское племя Салыровъ въ 1786 году перекочевало сюда съ Мангишлакскаго полуострова. Поселившись, раньше всего подумали о водѣ, безъ которой въ этомъ краѣ не можетъ быть никакой жизни. Около горы Кизилъ-Кая была устроена ими плотина, питавшая своимъ запасомъ водъ всѣ здѣшнія окрестности и край разцвѣлъ, превратившись съ изумительной быстротой въ сплошной садъ. Но племя это отличалось воинственностью, да и положеніе его между хивинскими, мервскими и персидскими владѣніями давало

широкое поле для аломанства. Набѣги ихъ на Мервъ бывали постоянно. Несмотря на кажущуюся силу Персіи въ то время, они налетали и грабили Хороссанскую провинцію, держа ея жителей въ постоянномъ страхѣ. Почти полстолѣтія прожили они здѣсь въ полномъ довольствѣ, но, наконецъ, правитель Хороссана, персидскій принцъ Абасъ-Мирза, человѣкъ храбрый и сильный духомъ, рѣшилъ разорить это разбойничье гнѣздо. Собравъ значительное войско, онъ въ 1830 году налетѣлъ на Серахсъ, разбилъ Салыровъ и увелъ большую часть плѣнныхъ въ Мешедъ, откуда черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ выкупили родственныя племена. Тогда салыры временно поселились около Маручака на рѣкѣ Мургабѣ, а затѣмъ снова возвратились къ Серахсу въ 1850 году, но видно судьба уже рѣшила дальнѣйшую участь этого племени. Черезъ нѣсколько лѣтъ на нихъ сдѣлалъ набѣгъ Каушутъ-Ханъ и, разбивъ на голову, разорилъ ихъ аулы, а главное разрушилъ плотину и сразу въ самое короткое время край, лишенный воды, снова превратился въ пустыню. Солнце быстро сожгло, а вѣтеръ развѣялъ остатки человѣческаго существованія въ этихъ мѣстахъ. Съ этихъ поръ вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ все мертво вокругъ.

— Иногда какъ посмотришь на здѣшнюю землю, такъ прямо досадно становится, что нѣтъ воды, чтобы ее оживить. Вѣдь силы ея такъ велики, что прямо иногда поражаешься быстротѣ роста каждаго посаженнаго дерева. Одинъ знакомый мнѣ разсказывалъ, что его жена, разъ гуляя, воткнула

зонтикъ въ землю и забыла его, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ него выросло дерево. Это, конечно, одинъ изъ веселыхъ разсказовъ, но все же въ дѣйствительности все растетъ здѣсь неимовѣрно быстро.

Проѣхавъ небольшую цѣпь холмовъ, мы начали опускаться внизъ по пологому склону, въ концѣ котораго мрачно выглядывали развалины персидской крѣпости Каушутъ-Ханъ. Разбросанный на огромномъ пространствѣ, городъ этотъ былъ окруженъ высокими, осыпавшимися въ настоящее время, глинобитными стѣнами. Видимо здѣсь былъ когда-то значительный торговый городъ, защищенный крѣпостными стѣнами и башнями отъ нападеній дикихъ ордъ кочевниковъ. Кое-гдѣ около родниковъ, едва пробивающихся на мѣстахъ прежнихъ колодцевъ, виднѣются группы деревьевъ, пріютившихся за крѣпостными стѣнами. Эти зеленыя куртины дѣлаютъ общій видъ развалинъ еще болѣе похожими на огромное кладбище. Нѣсколько крѣпостныхъ построекъ изъ жженнаго кирпича остались совершенно цѣлыми, служа въ настоящее время загономъ для стадъ барановъ, пасущихся въ окрестностяхъ. Цѣлые лабиринты улицъ обозначаются грудами глины и щебня, лежащими безпорядочными кучами на мѣстахъ, гдѣ прежде стояли дома. Стѣны окружаютъ крѣпость со всѣхъ сторонъ. Отдѣльно, ближе къ горамъ, стоитъ крѣпость Рухнабадъ, въ которой лучше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ города Каушутъ-Ханъ-Кала сохранились крѣпостныя постройки. Среди двора цитадели, закрытаго со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами и башнями, расположенъ

въ баракѣ датской системы временный постъ Рухнабадъ, который охраняетъ участокъ границы отъ Серахса до Ясы-Тепе. Какъ-то особенно жалко выглядываетъ дачнаго типа баракъ среди массивныхъ развалинъ старой крѣпости, въ одной изъ башень которой устроена конюшня поста а въ другой кладовая и цейхгаузъ. Однообразно монотонная жизнь среди этихъ развалинъ кладетъ какой-то особый отпечатокъ не только на людей здѣсь постоянно живущихъ, но и на пріѣзжихъ. Чтобы не нарушать безмолвія этого кладбища, мы всѣ невольно говорили вполголоса. Жутко было среди развалинъ въ ночную пору.

— Тѣни прежнихъ давно умершихъ жителей Каушутъ-Ханъ-Калы не даютъ здѣсь покоя.—сообщилъ намъ одинъ изъ джигитовъ.

— Старые люди говорятъ, что призракъ грознаго Каушутъ-Хана иногда появляется въ лунныя ночи и носится надъ развалинами города, который имъ былъ построенъ.

Самый городъ Каушутъ-Ханъ-Кала былъ построенъ еще въ концѣ XVIII столѣтія, на мѣстѣ старинной крѣпости, принадлежавшей Персіи,—сообщилъ намъ словоохотливый поручикъ Н.—Просуществовавъ до половины девятнадцатаго столѣтія, онъ въ 1863 году былъ разрушенъ хороссанскимъ сатрапомъ Абасъ-Мирзою, сдѣлавшимъ неожиданно набѣгъ на салыровъ. Рѣшивъ наказать одновременно и мервцевъ, онъ заложилъ около города крѣпость Рухнабадъ, въ которой оставилъ сильный гарнизонъ и затѣмъ двинулся далѣе, но благодаря

безводной пустынѣ, отдѣлявшей Мервъ, онъ скоро долженъ былъ вернуться обратно...

Рухнабадъ неоднократно выдерживалъ нападенія туркменъ и съ честью долгое время оправдывалъ свое названіе оплота государства, но въ 1877 году былъ оставленъ персидскими войсками, перешедшими въ Новый Серахсъ. Въ 1884 году при присоединеніи Мервскаго оазиса къ Россіи отрядъ подполковника Алиханова, направляясь къ Серахсу и дальше къ Пуль-и-Хатуму, подошелъ къ оставленной крѣпости Рухнабаду, причемъ къ своему удивленію нашелъ ее снова занятой персами. Какъ оказалось, персы, чтобы доказать свое фактическое владѣніе землями на правой сторонѣ рѣки Теджена и провести государственную границу не по Теджену, а дальше, перевели часть Серахскаго гарнизона въ Рухнабадъ. Вызывающій образъ дѣйствій персидскаго коменданта заставилъ наши войска употребить силу, причемъ крѣпость тогда была очищена и сдана намъ безъ выстрѣла.

Съ правой стороны развалинъ Рухнабада виднѣется полоса зарослей, лежащихъ по теченію рѣки Теджена; довольно значительныхъ размѣровъ рощи производятъ отрадное впечатлѣніе свѣжестью своего зеленаго покрова. Заросли эти старательно охраняются чинами администраціи. Подъѣхавъ ближе, мы увидѣли самый Тедженъ, полноводной весною и какъ будто умирающій лѣтомъ. Группы деревьевъ, изъ которыхъ многіе достигли крупныхъ размѣровъ, принадлежащихъ къ породѣ разнолистнаго тополя, крайне оргинальнаго по своей листвѣ. Верхніе листья

дерева имѣютъ видъ совершенно тополевыхъ, средніе уже крупнѣе, а нижніе продолговатые, напоминающіе своей формою листву ивы. Невдалекѣ виднѣлись туркменскія кибитки недавно поселившихся въ этой мѣстности туркменъ священнаго племени Ата. Племя Ата, переселившееся въ здѣшнія мѣста въ числѣ тридцати слишкомъ кибитокъ, ведетъ свое происхожденіе отъ пророка Магомета и поэтому, гордясь и заботясь о чистотѣ своей крови, не смѣшивается посредствомъ браковъ ни съ однимъ изъ другихъ племенъ. Получая преемственно званіе ишановъ, они пользуются нѣкоторымъ привилегированнымъ положеніемъ среди остальныхъ туркменскихъ племенъ, отъ которыхъ отличаются лишь фанатизмомъ, поддерживать который является для нихъ выгоднымъ, такъ какъ, считаясь ревнителями и охранителями мусульманскаго ученія, они на этой почвѣ создаютъ исключительность положенія своего племени.

За Рухнабадомъ граница все время идетъ по правому берегу Теджена, отъ котораго въ стороны тянутся небольшіе арыки, питающіе окрестность земли.

Вдали передъ нами виднѣлось русское укрѣпленіе Серахсъ, носящее у мѣстныхъ жителей названіе Стараго Серахса, въ отличіе отъ персидскаго Новаго Серахса. Группы деревьевъ, растущихъ въ садахъ и на улицахъ городка, выдѣлялись яркимъ пятномъ среди окрестныхъ песчаныхъ равнинъ. Укрѣпленіе это, занятое нами въ 1884 году, въ настоящее время разрослось въ небольшой городокъ

раскинувшійся на довольно значительномъ пространствѣ; но сохранивъ названіе укрѣпленія, онъ въ настоящее время на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ къ числу таковыхъ. Длинный рядъ большихъ казармъ 5-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, составляющаго здѣшній гарнизонъ, занимаетъ центральную часть городка. Далѣе виднѣются нѣсколько улицъ, густо обсаженныхъ деревьями. Небольшой паркъ, устроенный благодаря трудамъ и энергіи бывшаго здѣсь приставомъ капитана Ломакина, привольно разросся, являясь мѣстомъ, гдѣ можно укрыться отъ палящихъ лучей солнца. Крайне неохотно отнесшееся въ свое время къ мысли устроить садъ, мѣстное населеніе съ особой благодарностью вспоминаетъ теперь этого предпріимчиваго и энергичнаго офицера. На главной довольно широкой улицѣ сосредоточены всѣ лавки, значительное количество которыхъ доказываетъ существованіе здѣсь довольно большой торговли. Грязно-сѣраго цвѣта зданіе Серахской первоклассной таможни, стоящей въ центрѣ улицы, лишь подтверждаетъ это предположеніе. Дѣйствительно, кромѣ жизненныхъ припасовъ, въ видѣ хлѣбнаго зерна разныхъ сортовъ, привозимыхъ изъ Персіи, оттуда же привозятся въ большомъ количествѣ сушеные фрукты, шелковыя матеріи и ковры. Черезъ эту же таможню отъ насъ идетъ въ Персію сахаръ, керосинъ и спички, при вывозѣ которыхъ за границу наше правительство выдаетъ премію и возвращаетъ акцизъ.

Все общество, состоящее изъ офицеровъ стрѣлковаго баталіона, чиновниковъ таможни, мѣстнаго

пристава, офицера пограничной стражи и врача, живетъ довольно дружною жизнью, имѣя своимъ центромъ баталіонное офицерское собраніе. Любительскіе спектакли, поѣздки, танцовальные вечера хоть немного разнообразятъ жизнь жителей укрѣпленія.

— Жизнь въ общемъ сѣренькая,—сообщилъ намъ одинъ изъ офицеровъ баталіона.—не то что въ большихъ городахъ.

— Времени не занятаго службою масса и дѣвать его рѣшительно некуда. Библіотека читана и перечитана. Семейныхъ въ общемъ мало, больше всего холостяки, поэтому скучаемъ порою ужасно. Все развлеченіе въ офицерскомъ собраніи, но. правду сказать, мы другъ другу успѣли надоѣсть страшно. Вотъ вечеромъ приходите въ собраніе, сами увидите. Каждаго медвѣдя вѣдь интересно видѣть въ своей берлогѣ. Приходите и намъ будетъ веселѣе, все же свѣжіе люди...

Осмотрѣвъ въ теченіи получаса весь русскій Серахсъ вдоль и поперекъ, мы рѣшили заглянуть и въ персидскій Серахсъ, лежащій на противоположномъ берегу Теджена и отстоящій отъ русскаго въ разстояніи двухъ верстъ.

Переѣхавъ черезъ Тедженъ, который имѣлъ видъ небольшаго ручья. мы увидѣли передъ собою довольно большую по своимъ размѣрамъ крѣпость, имѣющую видъ неправильнаго прямоугольника. Окруженная высокими глинобитными стѣнами сажени въ четыре-пять вышины съ бойницами и башнями, крѣпость эта расположена на совершенно ровной мѣстности. Стѣны и башни въ ней въ сущ-

ности являются лишь незначительной преградою въ случаѣ неожиданнаго нападенія. Кое-гдѣ стѣны осыпались, размываемыя дождями. Деревянныя полотница воротъ, обитыхъ желѣзными полосами, придаютъ крѣпости видъ какой-то ограды, построенной во всякомъ случаѣ не для защиты за ея стѣнами.

Типъ перса.

Представляя собою нѣкоторое препятствіе для кавалеріи и даже для пѣхоты при условіи неимѣнія штурмовыхъ лѣстницъ, крѣпость эта можетъ быть легко взята, если при отрядѣ будетъ хотя одно артиллерійское орудіе. Два три выстрѣла въ ворота или стѣны сразу сдѣлаютъ значительную брешь для прохода.

Заинтересовавшись величиною гарнизона, мы спросили объ этомъ сопровождавшаго насъ пристава.

— Какъ вамъ сказать,—задумался онъ на минуту. Сами персидскія власти по своимъ отчетамъ показываютъ несравненно большее число людей, чѣмъ ихъ есть въ дѣйствительности, но по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною, у нихъ здѣсь имѣется двѣсти человѣкъ пѣхоты, 50 казаковъ (кавалеріи) и 20 артилеристовъ при шести орудіяхъ старыхъ системъ. Крѣпость въ сущности никакого значенія не имѣетъ, но персидское правительство предполагаетъ, что она защищаетъ дорогу, ведущую отъ Серахса къ Мешеду черезъ Мазандаракскій перевалъ. Къ этому еще нужно добавить, что персидское войско, стоящее здѣсь, снаряжено плохо, а про обученіе и говорить нечего, тутъ приходится лишь рукой махнуть.

Около воротъ караулъ изъ пяти пѣхотныхъ солдатъ, одѣтыхъ невообразимо грязно, отдалъ намъ честь и мы въѣхали въ крѣпость. Узкіе переулки, которые отдѣляли ряды небольшихъ мазанокъ, были положительно трудно проходимы, вслѣдствіе кучъ мусора, битаго кирпича и всякаго сора. Рядъ лавокъ съ съѣстными припасами опоясывалъ собою площадь. Вездѣ толпились люди, видимо съ трудомъ умѣщающіеся на этомъ незначительномъ квадратѣ, обнесенномъ со всѣхъ сторонъ высокою стѣною, мѣшающей росту города. Нѣсколько домовъ большихъ размѣровъ служили жилищами коменданта и пограничнаго комисара. Комендантъ крѣпости въ чинѣ сартипа, т. е. генерала, былъ въ отсутствіи и поэтому намъ удалось видѣть лишь пограничнаго комисара, называемаго кюргюзаромъ. Одѣтый въ черное платье персидскаго покроя онъ

имѣлъ видъ обыкновеннаго богатаго перса. По своему это былъ человѣкъ развитой, интересовавшійся Россіей и питавшій ко всему русскому большія симпатіи.

— Все войско теперь находится въ своихъ жилищахъ, отвѣтилъ онъ съ большимъ сожалѣніемъ на вопросъ, нельзя ли видѣть ученья.

— Солдаты съ семьями живутъ невдалекѣ отъ крѣпости, занимаясь земледѣліемъ. Содержаніе они получаютъ очень небольшое и поэтому должны работать.

Въ общемъ какъ узнали впослѣдствіи, положеніе солдатъ очень незавидное. Получая содержаніе въ нѣсколько рублей ежемѣсячно на бумагѣ, имъ выдаютъ изъ таковаго въ дѣйствительности лишь половину. Остальное же составляетъ доходъ командировъ баталіона и роты, которые, платя за свои мѣста порядочныя суммы, сами существуютъ одними доходами. Лучше другихъ поставлены артиллеристы, комплектуемые преимущественно арабейджанскими турками. Эти хоть содержаніе получаютъ болѣе исправно, да и обмундировка у нихъ лучше.

— Вообще въ Персіи, какъ то особенно трудно наладить какое-либо дѣло, снова заговорилъ капитанъ П.

— Вѣдь хоть бы взять этихъ казаковъ; по соображеніямъ правительства нѣкоторыя приграничныя племена должны выставить милиціонныя конныя части вродѣ нашихъ казачьихъ, причемъ въ Серахсѣ ихъ должно быть двѣ сотни, а на самомъ же дѣлѣ на-

берется десятка четыре человѣкъ, да и то плохо вооруженыхъ. Вотъ кстати, посмотримъ на смѣну караула,—добавилъ онъ, указывая на нѣсколько человѣкъ солдатъ, двигавшихся безпорядочной кучкой по направленію къ воротамъ.

Одѣтые въ куртки и шаровары изъ синей невообразимо грязной матеріи, съ ружьями на плечахъ, они совершенно не соотвѣтствовали нашимъ понятіямъ о регулярномъ войскѣ.

— Ну, на нихъ даже смотрѣть непріятно,—возмутился одинъ изъ нашихъ спутниковъ, сердито отворачиваясь и направляясь къ воротамъ.

Мы послѣдовали его примѣру, унося самое невыгодное представленіе о персидской регулярной арміи, представителей которой намъ удалось видѣть.

Вечеромъ, желая познакомиться съ мѣстнымъ обществомъ и его жизнью, мы заглянули въ офицерское собраніе, Большая зала, въ которой съ успѣхомъ могли бы танцовать до 50-ти паръ, была почти пуста. Двѣ-три пары уныло бродило взадъ и впередъ, перебрасываясь односложными фразами. Какъ будто стремясь навести еще большее уныніе, навстрѣчу намъ неслись печально заунывные звуки какого то вальса. Въ буфетѣ, бильярдной и карточной виднѣлись небольшія группы офицеровъ, среди которыхъ кое-гдѣ мелькало иногда дамское платье. На всѣхъ лицахъ лежалъ отпечатокъ скуки и уныніе. Нашъ приходъ оживилъ немного это небольшое общество, радушно предложившее намъ съ истинно русскимъ гостепріимствомъ себя въ наше полное распоряженіе.

— Сегодня можно посмотрѣть персидскій праздникъ сообщилъ мнѣ капитанъ П. сидя за утреннимъ чаемъ... Какой праздникъ?..

— Чѣмъ онъ интересенъ? посыпались вопросы окружающихъ...

Праздникъ называется Шахсей - Вахсей, день воспоминанія о смерти пророка Али. Кстати уже онъ кажется начинается добавилъ приставъ, прислушиваясь къ глухому шуму, раздававшемуся на улицѣ...

Мы вышли на веранду... Огромная толпа персовъ двигалась по улицѣ неся знамена, бунчуки и распѣвая при этомъ какую то дикую пѣсню. Масса полуодѣтыхъ людей идя впереди били себя по обнаженному тѣлу желѣзными цѣпями, другіе ножами и саблями рѣзали себѣ тѣло и наносили удары по головѣ. Залитыя кровью лица производили тяжелое впечатлѣніе... А сзади на носилкахъ несли какой то трупъ съ перерѣзаннымъ горломъ... Картина была страшная и я невольно отвернулся...

— Неужели-же наши власти не могутъ запретить этихъ безобразій, спросилъ кто-то изъ насъ?

— Какъ вамъ сказать запрещаютъ, но только съ религіозными обрядами и вѣковыми привычками бороться трудно... Толпа фанатиковъ вѣдь очень опасна. Въ случаѣ-же насилія могутъ произойти крупные безпорядки, поэтому начальство смотритъ сквозь пальцы на эти процессіи...

XV.

Пуль—и—Хатумъ.

Длинный рядъ кибитокъ и глинобитныхъ строеній безъ всякой системы раскинулся вдоль теченія рѣки Теджена, и по арыкамъ отъ него проведеннымъ, примыкая къ самому Серахсу — это аулы туркменъ салыровъ, живущихъ осѣдло на всемъ пространствѣ отъ Серахса и до поста Дуалетъ-Абада около котораго находится общая салырская водораздѣльная плотина. направляющая воду въ три магистральныхъ арыка, питающихъ всѣ окрестности. Плотина эта, возобновленная лѣтъ двадцать тому назадъ, въ настоящее время задерживаетъ воду, достаточную для всего русскаго и персидскаго пограничнаго населенія въ этой мѣстности, причемъ количество воды по особому соглашенію распредѣляется пропорціонально между всѣмъ населеніемъ такимъ образомъ, что русское получаетъ $^5/_6$, а персидское $^1/_6$. Распредѣленіе воды производится небольшой водораздѣльной плотиною, направляющей лишь одну шестую часть общаго количества воды на персидскую территорію. Изъ трехъ магистральныхъ арыковъ, вода отводится цѣлою системою арыковъ на поля, которыя обрабатываются мѣст-

нымъ населеніемъ. Стоящій во главѣ салыровъ, нынѣ служащій помощникомъ Серахскаго пристава, маіоръ милиціи Теке-Ханъ является въ то же время однимъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ и овцеводовъ въ области. Заботливо поддерживая водяную систему, онъ въ особенности прилагаетъ много стараній къ сохраненію и къ лучшему использованію водъ Теджена, дающихъ жизнь всему населенію. Глубокіе арыки, густо заросшіе камышемъ, тянутся по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги, ведущей отъ Серахса до желѣзнодорожной станціи Теджень, отстоящей въ разстоянія 120 верстъ. Около кибитокъ, обсаженныхъ деревьями, снуютъ туркменскія женщины, занятыя исполненіемъ различныхъ домашнихъ работъ. Сосредоточенно посматривая на проѣзжающихъ и степенно поднимаясь, чтобы сдѣлать установленный селямъ, встаютъ передъ нами туркмены. Бахчи съ арбузами и дынями окружали каждую кибитку, распространяя вокругъ свой ароматическій запахъ, смѣшивавшійся съ запахомъ лука, чесноку и другихъ огородныхъ растеній. Кое-гдѣ, всегда осѣдланныя по туркменскому обычаю, стояли лошади, привязанныя къ приколамъ, вбитымъ тутъ же около кибитокъ. Высокія, статныя туркменки, своимъ энергичнымъ видомъ, представляли собою рѣзкую противоположность съ остальными женщинами востока, всегда закрытыми покрывалами.

— Въ отношеніи условій жизни, онѣ во многомъ отличаются отъ женщинъ остальныхъ національностей востока, сказалъ капитанъ П., указывая на

группу дѣвушекъ, смѣло смотрѣвшихъ на нашу кавалькаду.

У туркменъ женщина сравнительно пользуется значительною самостоятельностью. Въ особенности же до своего замужества. Она во многихъ случаяхъ даже принимаетъ участіе во всѣхъ дѣлахъ семьи и голосъ ея часто принимается во вниманіе при рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ.

Самое интересное въ ихъ жизни, это порядокъ выхода замужъ, который является остаткомъ обычая глубокой старины, когда женщины добывались всѣми кочевниками путемъ похищенія. Въ настоящее же время, когда кто либо изъ молодежи высмотритъ себѣ невѣсту, то посылаются родственники, чтобы испросить согласіе и опредѣлить размѣръ калыма, уплачиваемаго по обычаю женихомъ отцу невѣсты и достигающаго въ этихъ мѣстахъ отъ 500 до 800 рублей. Если соглашеніе состоялось тогда назначается день увоза невѣсты, причемъ въ этомъ случаѣ женихъ является въ сопровожденіи цѣлой толпы родственниковъ. Около кибитки невѣсты также собираются родные и знакомые. Когда при отъѣздѣ всѣ уже сѣли на коней, женихъ подхватываетъ свою невѣсту и скачетъ съ нею, разыгрывая сцену похищенія. Родственники дѣвушки бросаются въ погоню, а сопровождающіе жениха дѣлаютъ видъ, что защищаются. Но обыкновенно въ этихъ случаяхъ скачка волнуетъ молодежъ и изъ шуточнаго похищенія дѣло переходитъ въ настоящую свалку, во время которой сплошь и рядомъ въ результатѣ оказывается нѣсколько человѣкъ поря-

дочно избитыхъ, а то и изувѣченныхъ. Такимъ образомъ зачастую женихъ, не ускакавшій своевременно отъ погони, теряетъ нѣсколько зубовъ, выбитыхъ ему во время свалки. При этомъ попадаетъ и невѣстѣ. Далѣе жизнь замужней женщины тяжелая, такъ какъ она лишь одна несетъ всѣ работы по домашнему хозяйству. Разводы за то у туркменъ относительно рѣдки, и при этомъ дѣло о разводѣ рѣшается всегда народнымъ судомъ, разбирающимъ все дѣло и основательно взвѣшивающимъ его причины. Если разводъ состоялся по винѣ мужа, то во многихъ случаяхъ калымъ возвращается обратно. По закону каждый туркменъ можетъ имѣть четырехъ женъ, пользующихся всѣми правами своего положенія, но кромѣ этихъ законныхъ женъ правовѣрнымъ разрѣшается брать себѣ неограниченное количество наложницъ, не имѣющихъ никакихъ правъ до рожденія ребенка, причемъ съ рожденіемъ таковаго наложница пріобрѣтаетъ одновременно и нѣкоторыя имущественныя права.

Немного въ сторонѣ отъ границы, въ разстояніи верстъ двѣнадцати отъ Серахса, раскинулся на значительномъ пространствѣ поселокъ Крестовскій, населенный нѣмцами колонистами изъ Саратовской губерніи. Поселокъ этотъ считается едва ли не самымъ богатымъ въ области. Превосходные урожаи хлѣбовъ, близость Серахскаго рынка и значительное количество орошаемой земли даютъ возможность поселенцамъ жить здѣсь припѣваючи. Большинство изъ нихъ принадлежитъ, по сообщенію пристава, къ людямъ очень состоятельнымъ, при-

чемъ извозъ, которымъ занимается большинство колонистовъ, перевозя грузы отъ Серахса до желѣзнодорожной станціи Теджень, является также крупною доходною статьею въ ихъ хозяйствѣ. Рядъ хорошихъ, свѣтлыхъ домовъ поселка производитъ особенно пріятное впечатлѣніе, указывая на полное довольство и зажиточность поселянъ. Большое зданіе школы составляетъ собою центръ поселка, потонувшаго въ массѣ зелени. Вокругъ на значительное разстояніе тянутся обработанныя поля, принадлежащія поселенцамъ. Стада рогатаго скота привольно пасутся по берегамъ Тенджена.

— Въ этомъ случаѣ приходится признать, что самыя лучшія мѣста для устройства русскихъ поселковъ около Серахса по рѣкѣ Теджену, около Кара Кала къ Кайне Касыру и по Мургабу и единственно о чемъ приходится пожалѣть, что земли для устройства таковыхъ мало,—заговорилъ докторъ, осматривая окрестность.

— Пропасть туркменъ живетъ въ этомъ раіонѣ. Можно лишь подосадовать, что въ свое время не были вмѣсто нихъ поселены русскіе переселенцы. Пройдетъ еще 20—30, лѣтъ и мусульманское населеніе удвоится и тогда русскій элементъ въ краѣ будетъ песчинкою среди этого многолюднаго мусульманскаго моря. Право мы, сами, охраняя земельную собственность здѣшнихъ инородцевъ, тѣмъ самымъ подготовляемъ въ будущемъ возможность появленія въ Средней Азіи особаго мусульманскаго вопроса, съ которымъ придется потомъ долго считаться. Въ сущности здѣсь въ Закаспійской обла-

сти туркмены еще не фанатизированы, т. е, конечно встрѣчаются фанатики, но они, благодаря Бога, рѣдки. Во всякомъ случаѣ въ магометанствѣ въ настоящее время уже замѣчаются новыя теченія. Идеи сепаратизма высказываются всѣми мусульманскими газетами, издающимися въ Персіи и Турціи. Изолировать совершенно наше мусульманское населеніе отъ ихъ вліянія не представляется возможнымъ, поэтому понятно идеи мусульманскаго сепаратизма получили широкое развитіе и среди нашихъ мусульманъ

— Вы рисуете, докторъ, во всякомъ случаѣ мрачную картину, отвѣтилъ ему, внимательно прислушивавшійся къ разговору, ротмистръ №.

— Хотя отчасти я все же съ вами согласенъ, такъ какъ самъ встрѣчалъ много статей на мусульманскихъ языкахъ крайне боеваго характера по отношенію всего христіанскаго міра. Европѣ придется дѣйствительно считаться съ мусульманствомъ, но вѣроятно не скоро.

— Какое тамъ не скоро,—перебилъ докторъ, сердито посматривая на своего опонента.

Два-три десятка лѣтъ пройдутъ, какъ мусульманство у насъ въ Азіи выростетъ въ грозную силу съ которой бороться будетъ трудно. Главное, въ чемъ заключается наша слабость въ Средней Азіи—это незначительность площади орошаемой земли, которая занята русскими, сравнительно съ колосальнымъ пространствомъ ея, принадлежащимъ мусульманамъ. Одна изъ крупныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ нашими администраторами, это изданіе законовъ, ограничивавшихъ право пріобрѣтенія земельной собс-

твенности русскими у туземцевъ. Благодаря этому туземное населеніе захватило всѣ земли и въ теченіе 35-ти лѣтъ со времени завоеванія края оно почти удвоилось, между тѣмъ какъ русскіе, разбросанные по всему Туркестану и Семирѣчью, не прибываютъ —считая жителей городовъ, ихъ не болѣе 200 тысячъ человѣкъ. Давно замѣчено, что приростъ населенія находится въ прямой зависимости отъ количества земли. Повѣрьте, что черезъ 25—30 лѣтъ мусульманское населеніе Средней Азіи удвоится, а количество русскихъ останется то же самое, потому что свободныхъ земель для поселеній почти нѣтъ.

Отъ Наурузъ—Абада начался снова горный хребетъ, поднимавшійся на русской сторонѣ и переходившій въ равнину, разстилавшуюся на персидской территоріи. Дорога, извиваясь по горнымъ склонамъ, вышла на конецъ къ самому берегу Тедженa. Сзади насъ остались пограничный и казачій посты Наурузъ-Абадъ, изъ которыхъ послѣдній поставленъ для пересылки служебной корреспонденціи изъ Серахса въ Пуль-и-Хатумъ, гдѣ расположена сотня Таманскаго полка Кубанскаго казачьяго войска.

Рѣка Тежденъ, называемая также Герирудъ, беретъ свое начало въ Афганистанѣ среди скалъ хребта Кухъ-и Баба и течетъ по ущелью, образуемому Джамскимъ хребтомъ и Парапамизомъ, а затѣмъ, около Зюльфагарскихъ горъ переходитъ на русскую территорію и на протяженіи свыше 200 верстъ составляетъ собою нашу государственную границу съ Персіей до Серахса, откуда теченіе рѣки

поварачиваетъ на сѣверо-западъ, пересѣкая Закаспійскую желѣзную дорогу у станціи Теджена и верстахъ въ двадцати къ сѣверу теряется въ пескахъ. Въ Афганистанѣ на Герирудѣ около Герата устроены плотины, отводящія часть его водъ въ сторону и дающія возможность протекать лишь незначительному количеству воды въ русскіе предѣлы. Берега Теджена отъ плотины у горы Кизилъ-Кая и до Серахса покрыты зарослями. Количество воды въ рѣкѣ различно въ зависимости отъ времени года. Самый высокій уровень воды бываетъ съ 1-го марта по 1-е іюня, самый низкій съ 1-го сентября по 1-е января. Вообще замѣчено, что количество воды чѣмъ больше внизъ по теченію, тѣмъ все больше уменьшается. такъ какъ вода расходуется на ирригацію и частью испаряется. Въ жаркое время Тедженъ во многихъ мѣстахъ почти пересыхаетъ и отъ него остается лишь рядъ глубокихъ ямъ наполненныхъ водою. Но вода въ этихъ ямахъ никогда не загниваетъ, что служитъ доказательствомъ просачиванія ея черезъ песчаные пласты.

На низменныхъ долинахъ Тедженъ широко разливается и его берега покрыты древесными зарослями и камышами, являющимися мѣстомъ, гдѣ привольно живутъ цѣлыя стада дикихъ свиней и кабановъ. Царь здѣшней пустыни тигръ, скрываясь въ этихъ камышахъ, частенько тревожитъ своимъ мурлыканіемъ спокойную жизнь всѣхъ остальныхъ живоаныхъ. Огромная стада дикихъ гусей, утокъ и другой водяной птицы покрываютъ берега рѣки лѣниво поднимаясь при приближеніи нашей конной

группы. Чайки съ рѣзкими криками поднимаются цѣлыми тучами надъ нашими головами, да стада куликовъ, издавая свой характерный свистъ, кружатся въ воздухѣ, низко пролетая надъ водою и какъ будто совершенно не обращая вниманія на людей. Порою съ трескомъ, ломая камыши и кустарники черезъ дорогу пробирается кабанъ, весь обросшій иломъ. Лошади вздрагиваютъ и пугливо прядутъ ушами.

— Вотъ эльдорадо то для охотника, сокрушенно вдыхалъ каждый разъ нашъ докторъ.

— Кажется здѣсь жить и умирать не надо. Какая масса дичи. Просто нужно лишь удивляться. Что она даже людей не боится.

— Вотъ еще сказали: здѣсь людей бояться, перебилъ его, какъ будто удивленный этимъ замѣчаніемъ казачій есаулъ К. присоединившійся къ намъ въ Серахсѣ.

— Кто же ее здѣсь пугать то будетъ. Туркменъ кабановъ не трогаетъ, считая ихъ нечистью, а мои казаки во время стоянки въ Пуль-и-Хатумѣ и въ Наурузъ-Абадѣ до этихъ мѣстъ не добираются. Значитъ пугать дичь здѣсь некому. Глушь здѣсь вѣдь безпросвѣтная. Кого хотите здѣсь найдете... И тигръ попадается довольно часто. Это уже серіозный звѣрь.

— Наши молодые офицеры иногда предпринимаютъ него охоты... Только любителей теперь все меньше и меньше... Покойный генералъ Ковалевъ порою забирался сюда на охоту.

— Какой это Ковалевъ?

— А этотъ самый что доктора въ Асхабадѣ посѣкъ...

— Хорошій человѣкъ былъ покойникъ, такъ пропалъ не за понюхъ табаку!

— Но все таки приходилось ли кому либо убить тигра, перевелъ политично разговоръ докторъ, обойдя щекотливую тему?

— А какже, сотникъ Лисевицкій убилъ... Сотникъ Абесаловъ тоже. Ну этотъ чуть живымъ ушелъ изъ тигровыхъ лапъ. Потому горячій человѣкъ. Все искали тигра, а онъ и отсталъ отъ всѣхъ да и въѣхалъ въ камыши. Только тигръ видно этого и ждалъ... Какъ выскочитъ прыжкомъ этакимъ да прямо коню Абесаловскому на крупъ и вскочилъ... Облапилъ коня и началъ лѣвой лапой рвать лѣвую лопатку у него, а правой вцѣпился въ правую ляшку, въ пасть же схватилъ ногу Абесалова. Хорошо, что вмѣстѣ со стременемъ. Товарищи какъ ревъ услыхали подскакали, онъ тогда опять въ камыши ужъ послѣ, часа два спустя тигра прикончить удалось. Абесалову же только ногу помялъ. Стремя спасло, а то бы прикончилъ малаго навѣрное.

Горный хребетъ между тѣмъ постепенно повышался, растительность по рѣкѣ дѣлалась все меньше и меньше. Проѣхавъ версту-другую и завернувъ за выдавшуюся гору, мы снова увидѣли передъ собою желтую песчаную равнину, на которой лишь кое гдѣ незначительными пятнами виднѣлись заросли гребенщика. Общій видъ мѣстности былъ безотрадный.

Проѣхавъ съ десятокъ верстъ, мы замѣтили

среди равнины какія-то черныя точки, тѣсно сгруппированныя на небольшомъ пространствѣ.

— Это кочевка, удовлетворилъ наше любопытство есаулъ К.

— Въ этомъ погроничномъ раіонѣ сравнительно недавно персидское правительство поселило племя Белуджи, которое и кочуетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Племя это въ числѣ 1,000—1,500 человѣкъ отличается воинственностью—прямо сказать разбойники. Поэтому въ случаѣ войны на нихъ персы возлагаютъ большія надежды. Это дикари въ полномъ смыслѣ. Управляются они своимъ особымъ ханомъ, который почти независимъ отъ мѣстныхъ административныхъ властей и лишь номинально подчиняется Хороссанскому генералъ-губернатору. Въ военное время они должны выставитьоколо двухъ сотенъ всадниковъ.

Подъѣхавъ ближе къ кочевкѣ, мы увидѣли рядъ черныхъ шатровъ, раскинутыхъ тѣсною кучею на небольшомъ пространствѣ. Шатры имѣли видъ низкихъ, но широкихъ палатокъ, сдѣланныхъ изъ грубаго сукна чернаго и темно-бураго цвѣта. Среди нихъ виднѣлись люди, овцы и лошади. Кочевка насторожилась и казалось замерла, съ любопытствомъ разсматривая нашу группу. Видимо эти дѣти пустыни никогда не видѣли такой многочисленной и блестящей группы. Около самаго берега Теджена стояло отдѣльно нѣсколько человѣкъ сѣдобородыхъ стариковъ, одѣтыхъ въ шелковые халаты съ богато украшенными кривыми шашками у пояса. Высокій красивый старикъ особенно представительной на-

ружности при нашемъ приближеніи сказалъ нѣсколько словъ на персидскомъ языкѣ и указалъ рукою на груду дынь, лежавшихъ на землѣ.

— Такъ, что онъ закусить проситъ, ваше превосходительство, пояснилъ непонятную для насъ рѣчь одинъ изъ кубанскихъ казаковъ, ѣхавшихъ сзади въ нашемъ коновѣ.

— Очень у нихъ дыни то душистыя, какъ бы вскользь добавилъ онъ, обращаясь къ своему сосѣду.

Соблазнившись ароматомъ, распространяемымъ дынями въ горячемъ воздухѣ, мы спѣшились и минуту спустя на разостланномъ коврѣ съ апетитомъ уничтожали ихъ, утоляя томившую всѣхъ жажду.

— Это ихъ Ханъ,—сообщилъ есаулъ, указывая на привѣтствовавшаго насъ старика.

— Онъ въ отношеніи управленія племенемъ пользуется въ сущности полной самостоятельностью и въ ихъ жизнь персидское правительство не вмѣшивается, предоставляя имъ жить, какъ они хотятъ.

Внимательно смотря на насъ своими черными глазами и какъ будто читая наши мысли, Ханъ что то сказалъ въ полголоса одному изъ нашихъ джигитовъ.

— Что онъ говоритъ? заинтересовался докторъ, пытливо всматриваясь въ его лицо...

— Бояръ, ханъ желаетъ, чтобы дорога ваша была все время благополучна, и чтобы ни одинъ камень не упалъ изъ подъ копытъ вашихъ коней,—перевелъ джигитъ персидскую витіеватую фразу.

— Скажи хану, что мы благодаримъ его за пожеланія, да кстати нельзя ли, чтобы онъ присѣлъ и тогда мы съ нимъ поговоримъ.

Переводчикъ, прикладывая руку къ сердцу, долго говорилъ, передавая нашу благодарность, до того долго, что докторъ, наконецъ, не выдержалъ, плюнулъ и выругался.

— Ну и языкъ у нихъ,—съ сердцемъ сказалъ онъ, вѣдь, сказалъ я всего счетомъ десять словъ, а онъ ихъ переводитъ полчаса.

— Никакъ нельзя, милѣйшій ворчунъ, остановилъ его одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

— Это восточный обычай: чѣмъ цвѣтистѣе рѣчь, тѣмъ лучше и тѣмъ она имѣетъ больше значенія.

Ханъ между тѣмъ также степенно приложилъ руку къ сердцу и опустился на разостланную кошму.

— Однако, что же мы чрезъ джигита переговоры ведемъ когда среди насъ есть такой знатокъ персидскаго языка какъ есаулъ,—вспомнилъ докторъ".

— Иванъ Александровичъ, а ну-ка, спросите его, гдѣ лучше живется, въ Россіи или въ Персіи?

Есаулъ, оказавшійся дѣйствительно хорошо знающимъ персидскій языкъ, быстро вошелъ въ свою новую роль. Ханъ охотно отвѣчалъ на вопросы, видимо съ особымъ удовольствіемъ говорилъ о своемъ положеніи.

— Султанъ спрашиваетъ, гдѣ лучше жить. Конечно подъ защитою могущественнаго Акъ-Падишаха урусовъ, подъ властью котораго такъ хорошо живется всѣмъ правовѣрнымъ, на всемъ пространствѣ его огромнаго царства. Акъ-Падишахъ справедливъ и мудръ, онъ не позволяетъ ни одному изъ хакимовъ (губернаторовъ) обижать людей или брать съ нихъ зякетъ (подать) больше положеннаго. Вездѣ въ его

владѣніяхъ царствуетъ благодатная тишина. Жизнь, имущество каждаго изъ его подданныхъ неприкосновенны и охраняются войсками. Нигдѣ не слышно аломанства, и туркмены мирно живутъ въ своихъ аулахъ, занимаясь своими дѣлами. А вѣдь это былъ народъ, который никогда и никѣмъ побѣжденъ не былъ и лишь грозная сила войскъ Акъ-Падишаха могла покорить этихъ храбрецовъ. Подъ державою шаха, да продлитъ Аллахъ его царствованіе, также могли бы жить люди хорошо—но хакимы (губернаторы) его злы и несправедливы, поэтому и живется имъ плохо.

— Неправда ли, хорошо говоритъ, замѣтилъ есаулъ, окончивъ свою роль переводчика и обращаясь къ намъ?

— Въ этомъ онъ глубоко правъ. Видя какъ живется нашимъ туркменамъ, онъ имъ невольно завидуетъ. Вообще престижъ русскаго имени стоитъ въ этой части Персіи высоко и никакіе происки не въ состояніи его поколебать. Сила русскаго оружія признана всѣми жителями востока. Они всѣ находятъ, что русскія войска непобѣдимы. Въ этомъ еще раіонѣ, благодаря близости въ Афганистану, съ опаскою иногда говорятъ про Афганскаго эмира, считая его все-таки силою, съ которою и русскому Падишаху приходится считаться. Здѣсь престижъ нашъ во многомъ поддерживается нашими казаками. Отсюда, верстахъ въ 100-150 въ глубь Персіи, противъ афганской границы въ городѣ Туръ-Бештѣ устроены нашимъ правительствомъ противочумные санитарные пункты, при которыхъ живутъ наши

русскіе врачи. Для охраны же ихъ военною силою тамъ же расположены, по одному взводу въ каждомъ аулѣ, мои казаки. Ничего себѣ, живутъ и не жалуются, напротивъ про отношенія мѣстнаго къ нимъ населенія отзываются хорошо.

Между тѣмъ высота горнаго хребта все увеличивалась, а мѣстность дѣлалась все пустыннѣе. На вершинахъ горъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлась зелень, выдѣляясь темными пятнами на фонѣ горныхъ склоновъ. Вдали у подошвы хребта показалась среди небольшой площадки группы построекъ.

— Это Пуль-и Хатумъ—моя резиденція, сообщилъ есаулъ, внимательно всматриваясь въ открывшійся передъ нами поселокъ.

Большой домъ прямо—это квартиры для меня и моихъ офицеровъ, 3 года тому назадъ инженерное вѣдомство выстроило. Вотъ то, длинное зданіе —это казарма, сзади ея конюшня, а тамъ съ другой стороны это различныя хозяйственныя постройки.

Поднявшись на незначительную высоту надъ уровнемъ Теджена, протекавшаго въ этихъ мѣстахъ среди крутыхъ отвѣсныхъ береговъ, мы двигались по совершенно ровной площадкѣ, въ концѣ которой въ 3-4 верстахъ отъ насъ виднѣлся Пуль-и-Хатумъ. Вся земля положительно была усѣяна черепахами величиною около четверти, ползавшими по всѣмъ направленіямъ и попадавшими порою подъ копыты нашихъ лошадей. Ихъ костяные панцыри съ громкимъ хрустѣніемъ раздавливались лошадьми, вызывая у насъ какое-то особенно непріятное чувство, при сознаніи, что мы являемся невольно при-

чиной прекращенія жизни одного изъ этихъ безобидныхъ животныхъ.

— Даромъ какое богатство пропадаетъ, недовольнымъ тономъ замѣтилъ при этомъ докторъ!

Все отъ того, это мы не иностранцы. Здѣсь какъ то пріѣзжали французы и вывезли нѣсколько вагоновъ этихъ черепаховыхъ панцырей. Платили за нихъ туркменамъ по одному рублю за пудъ, а надо полагать нажили при этой операціи хорошій капиталъ, потому что черепаха здѣсь съ толстой броней, которая годна на всякія подѣлки. Все иностранцы, а наши капиталисты не предпріимчивы. Недавно напримѣръ сюда пріѣзжали нѣмцы для ознакомленія съ условіями овцеводства. Собираются разводить у насъ въ Закаспіи благородныя породы овецъ и конечно у нихъ дѣло пойдетъ отлично...

За казачьимъ поселкомъ около самаго моста черезъ Тедженъ расположенъ поселокъ пограничной стражи. Тутъ же строится казарма, офицерскій домъ, лазаретъ и будетъ жить врачь, а пока офицеръ и люди поста ютятся въ небольшой землянкѣ, устоенной недалеко отъ моста. Высокій мостъ черезъ Тедженъ, состоящій изъ двухъ арокъ, построенный изъ дикаго тесанаго камня, поражаетъ своимъ изяществомъ и въ то же время отличается видимо изумительною прочностью. На противоположномъ берегу рѣки, на возвышенности виднѣются, освѣщнныя косыми лучами заходящаго солнца, развалины какого-то замка.

— Эти развалины носятъ на себѣ слѣды глубокой древности,—указалъ намъ на нихъ рукою есаулъ.

Пожалуй во всемъ здѣшнемъ раіонѣ это единственный замокъ, построенный изъ камня. Преданіе говоритъ, что крѣпость была построена еще задолго до похода Александра Македонскаго въ Среднюю Азію и была резиденціей какой то царицы здѣшнихъ мѣстъ. Теперь разсказываютъ, и пѣсни поютъ, что она была необыкновенной красоты. Услышавъ о македонскомъ героѣ и желая почтить его особенно, она приказала построить черезъ Теджень мостъ, по которому могли бы переправиться македонскія войска. Мостъ былъ построенъ и вдобавокъ такъ прочно, что арки его простояли неприкосновенными до 1899 года, когда наше военное вѣдомство рѣшило возстановить его, и для этого затративъ на работы до 20 тысячъ рублей, сдѣлало новую каменную настилку моста и облицовало тесанымъ камнемъ всѣ его наружныя стороны.

Названіе моста Пуль-и-Хатумъ; это значитъ мостъ женщины. Очевидно, въ памяти народной исчезло имя этой царственной строительницы, но мостъ, построенный ею, сталъ называться мостомъ женщины.

По историческимъ даннымъ дѣйствительно македонскій царь шелъ здѣсь со своимъ войскомъ, направляясь на Старый Мервъ, и надо полагать, въ этихъ мѣстахъ его отряды стояли довольно долго. Развалины, какъ я уже раньше говорилъ, каменныя: Всѣ башни, стѣны, погреба все было построено изъ тесанаго камня, необычайно прочной кладки. Известь превратилась въ камень и отбить кусокъ отъ стѣнъ теперь почти невозможно.

Обрушивается кладка лишь благодаря выв'Ётриванію камня. Можно предполагать, что замокъ былъ построенъ для значительнаго гарнизона. Подъ нимъ находится цѣлый лабиринъ подземелій, частью обвалившихся. Туркмены находятъ здѣсь много монетъ серебряныхъ и мѣдныхъ, при чемъ на нихъ почти всегда изображеніе Александра Македонскаго. Изъ вещей, которыя мнѣ приходилось видѣть, я помню, разъ казаки нашли какой то молотокъ въ видѣ грифа. Я хотѣлъ его сохранить, да куда-то потомъ онъ задѣвался. Прямо передъ нами лежитъ дорога на персидскій городъ Зурабадъ, съ которымъ у насъ ведется незначительная торговля. Но вотъ что я забылъ сказать вамъ про этотъ замокъ. Ходитъ между персами преданіе, что въ немъ когда то жили христіане-подчинившіе себѣ всѣ окрестныя племена. Мнѣ одинъ старикъ разсказывалъ, что это были страшные люди, всегда закованные въ желѣзные доспѣхи. По нѣкоторымъ персидскимъ источникамъ можно думать, что это гнѣздо было захвачено крестоносцами, отряды которыхъ разбрелись впослѣдствіи изъ Палестины по всей Средней Азіи. Предположеніе это имѣетъ отъ части нѣкоторое основаніе, такъ какъ мнѣ самому пришлось видѣть каменныя плиты съ высѣченными на нихъ рыцарскими шлемами, а также и желѣзные щиты съ крестами посерединѣ и латинскими или итальянскими надписями.

Осмотрѣвъ замокъ, мы направились въ квартиру есаула, радушно предложившаго свой домъ къ нашимъ услугамъ. Сидя за столомъ, уставленнымъ

всевозможными явствами, мы совершенно забыли про пустыню, среди которой находимся. Окорока, кабанья голова, кабаньи соленые языки, жареные поросята, гуси, утки указывали, что охота сегодняшняго дня была удачна.

— Все мои казаки бьютъ, снова заговорилъ есаулъ. Дичи не перебьешь. Объ ея количествѣ судите сами. Два—три стрѣлка привозятъ пудовъ до 30 различной дичи, убитой ими въ теченіи дня. Тутъ, конечно, и кабаны, и козы и птица. Сотня мяса никогда не покупаетъ; довольствуется почти круглый годъ дичью.

— Ну, а какъ вообще живется здѣсь, есаулъ—задалъ кто то изъ присутствующихъ вопросъ?

— Да какъ вамъ сказать... живемъ.

То ученье, то охота, то кое-какая переписка,— ну, и скучать то некогда. Почитываемъ кое-что, да мало, потому что книгъ доставать очень трудно.

Жара между тѣмъ свалила... На дворѣ передъ домомъ послышалось движеніе и нѣсколько минутъ спустя собравшіеся станичники затянули одну изъ своихъ чудныхъ старо-малоросійскихъ пѣсенъ, заунывная мелодія которой, разносившаяся среди пустыни Средней Азіи, пробудила въ каждомъ изъ насъ много далекихъ и милыхъ сердцу воспоминаній.

XVI.

Акаръ-Чешме—Афганская граница.

Отъ Пуль-и-Хатума начался горный хребетъ Акаръ-Чешме, постепенно повышавшійся къ юго-востоку. Всѣ горные склоны были покрыты фисташковыми лѣсами. Представляя изъ себя большую цѣнность и являясь государственною собственностью, эти лѣса, сдаваемые съ торговъ въ аренду, приносятъ въ урожайные годы значительный доходъ. Стоимость фисташекъ на мѣстѣ колеблется отъ 6 до 10 коп. за фунтъ. Кое-гдѣ и расщелины густо поросли различнымъ кустарникомъ, образующимъ непроходимую чащу.

— Вотъ въ особенности привольныя мѣста для тигровъ и пантеръ,—указалъ намъ ѣхавшій съ нами есаулъ.

Тигровъ здѣсь пропасть, и правда сказать, звѣрь это на столько опасный, что съ нимъ нѣтъ особенной охоты встрѣчаться. Хотя все же изъ нашихъ офицеровъ есть всегда желающіе отправиться на тигровую охоту. Бываетъ, что охоты эти удачны, а иногда, коль неудача, такъ выходитъ дѣло совсѣмъ дрянь. У меня въ прошломъ году двое каза-

ковъ отправились на тигра; поставили приманку въ видѣ дохлой лошади, до и засѣли невдалекѣ. Подошелъ среди ночи тигръ, оба заторопились да выстрѣлили, плохо прицѣлившись, ну и поранили его.

А отъ раненаго тигра нѣтъ спасенія. Страшно лютымъ онъ становится. Не успѣли, надо полагать, они глазомъ моргнуть, какъ онъ порвалъ ихъ буквально на клочья. Потомъ долго мы его подсиживали, чтобы убить потому что тигръ, попробовавшій людскаго мяса, прямо таки начинаетъ охотиться на людей. И этотъ, пока его убили, еще двухъ—трехъ туркменъ порвалъ, да еще одного казака въ разъѣздѣ съ лошади стащилъ, но къ счастью лишь плечо вырвалъ, когда схватилъ, ну а потомъ видно чего испугался и бросилъ. Пантера тоже звѣрь опасный. Здѣсь и солдаты пограничной стражи, и казаки, пока не привыкнутъ, порядкомъ въ разъѣздахъ труса празднуютъ.

Горы, между тѣмъ, становились безлѣснѣе и тѣнистыя фисташковыя рощи остались у насъ далеко позади. Стада барановъ виднѣлись кое-гдѣ на склонахъ, выдѣляясь издалека и имѣя видъ какихъ-то темныхъ пятенъ. Все это направляется въ сторону колодца Акаръ-Чешма. Кромѣ водъ Теджена въ этомъ раіонѣ воды очень мало: нѣсколько колодцевъ съ прѣсной водою наперечетъ, а то все озера съ соленою водою. Такихъ озеръ здѣсь пропасть и изъ нихъ нѣкоторыя довольно значительныхъ размѣровъ. Большинство этихъ озеръ лѣтомъ совершенно пересыхаетъ и тогда они имѣютъ видъ

какъ будто покрытыхъ слоемъ пушистой снѣговой пелены.

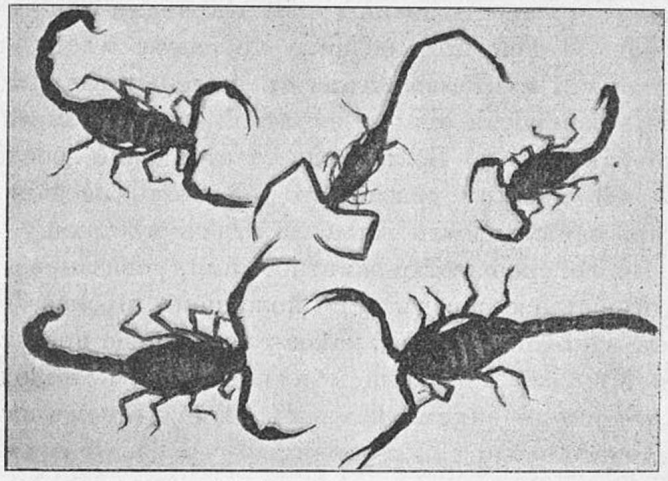
Дорога между тѣмъ шла по скату горы, внизу которой виднѣлось нѣсколько построекъ—казачій и пограничный посты, расположенные въ землянкахъ. Немного выше ихъ, около небольшого колодца, окруженнаго густымъ кустарникомъ, виднѣлась груда безпорядочно набросанныхъ камней. Это колодецъ Акаръ-Чешме, т. е. колодецъ Агари, второй жены Авраама, отъ которой родился сынъ Измаилъ—родоначальникъ всѣхъ тюркскихъ племенъ. Ихъ въ древности звали также агарянами отъ имени матери. Здѣсь по преданію то самое мѣсто, гдѣ выгнанная изъ дома Агарь съ маленькимъ Измаиломъ, изнемогая отъ недостатка воды, собиралась уже умирать, но Богъ, видя ея страданія, послалъ къ ней ангела, указавшаго ей этотъ источникъ. Агарь затѣмъ долго жила въ этихъ мѣстахъ.

Библейское ветхо-завѣтное имя, связанное съ виднѣвшимся передъ нами колодцемъ, произвело на насъ въ этой пустынѣ какое-то особенное впечатлѣніе. Мы всѣ спѣшились и подошли къ колодцу, обложенному дикимъ камнемъ. Вода въ немъ имѣла незначителеный слабо-уловимый горьковато-соленый привкусъ. Сколько вѣроятно перенесла мукъ душевныхъ и физическихъ эта прабабка значительной части человѣческаго рода, когда она измученная появилась среди здѣшняго негостепріимнаго ущелья. Библія поэтическими словами сообщаетъ намъ краткую и грустную исторію ея жизни. Долго въ благоговѣйномъ молчаніи стояли мы смотря въ свѣтлыя

воды колодца, вспоминая цѣлый рядъ сказаній священной исторіи.

— По преданіямъ, существующимъ у мусульманъ, Авраамъ со своими стадами кочевалъ до этихъ мѣстъ. Есть также нѣкоторыя данныя предполагать, что еврейскій народъ, во время своего сорокалѣтняго странствованія по пустынямъ, кочевалъ также и въ этомъ раіонѣ сказалъ докторъ.

И надо думать, что ихъ жизнь въ то время ничѣмъ не отличалась отъ жизни здѣшнихъ туркменъ

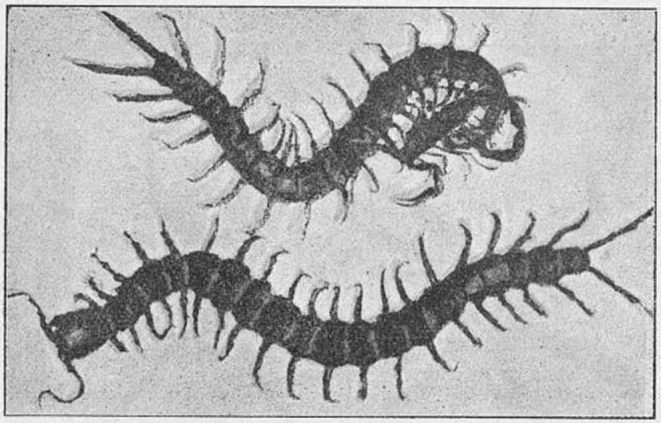

Скорпіоны.

скотоводовъ. Вѣроятно совершенно также паслись въ этихъ пустыхъ горахъ стада ихъ барановъ и также дики и пустынны были эти горы — продолжалъ онъ философствовать, уже покачиваясь на сѣдлѣ.

— Посмотрите, напримѣръ, на эти три существа, живущія неразлучно другъ съ другомъ иногда въ теченіе всей своей жизни,—обратилъ онъ черезъ нѣсколько времени наше вниманіе на колодецъ, виднѣвшійся около тропы, близъ котораго расположилась тѣсная группа, состоящая изъ туркмена, верблюда и осла.

На обязанности этихъ существъ лежитъ добываніе воды изъ колодца для водопоя барановъ, пасущихся здѣсь въ горахъ. Какой нибудь богатый

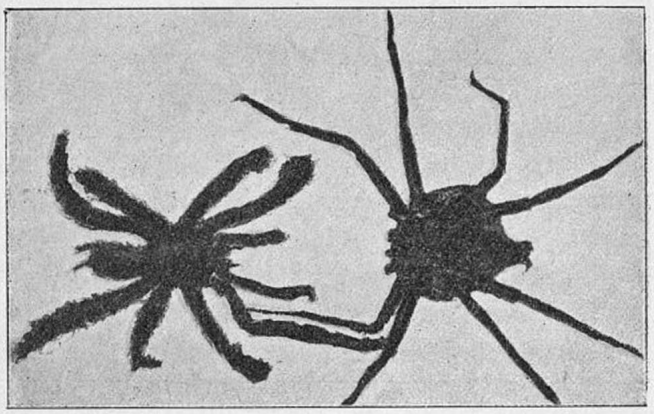

Сколопендры.

туркменъ-скотоводъ выроетъ колодецъ для своихъ стадъ, поселитъ здѣсь своего работника, часто мальчика, и живетъ тогда онъ здѣсь всю жизнь вмѣстѣ съ верблюдомъ и осломъ, запрягая которыхъ въ особую лямку, онъ достаетъ воду изъ глубокаго колодца. Людей, привозящихъ ему пищу, онъ видитъ не чаще раза въ мѣсяцъ, а то и еще рѣже и по

прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ жизни дичаетъ совершенно. Вглядитесь хорошенько въ его лицо: вѣдь это уже не человѣкъ, а животное въ полномъ смыслѣ слова. Вы не прочтете въ его глазахъ никакой мысли. Тотъ же взглядъ напряженнаго тупого вниманія и ничего больше вы не увидите и у верблюда, и у человѣка, и у осла.

Дѣйствительно, всмотрѣвшись въ эту группу, мы не замѣтили между стоявшими передъ нами постоянными жителями пустыни никакой разницы. Человѣкъ, благодаря полному одиночеству, превра-

Фаланги.

тился въ звѣря, равнодушнаго ко всему окружающему.

Отъ Акаръ-Чешме по направленію къ Зюльфагарскому горному проходу мѣстность имѣла уже характеръ настоящей пустыни. Темноватаго оттѣнка почва, состоящая изъ леса съ примѣсью песку,

придавала всей мѣстности какой-то особый колоритъ. По всѣмъ вершинамъ горъ виднѣлись лишь незначительныя заросли колючки, да мѣстами огромныя площади зелени состояли изъ толстыхъ и высокихъ стволовъ какого-то особеннаго растенія.

— Это асафетида,—удовлетворилъ наше любопытство докторъ...

Лекарственное растеніе, имѣющее значительную цѣнность. Глядя на ея массы, здѣсь растущія, лишь можно пожалѣть, что и этотъ продуктъ никѣмъ здѣсь не добывается. Тѣмъ болѣе, что на устройство завода особенно большой суммы не нужно. Какъ подумаешь, сколько нетронутыхъ богатствъ разбросано по всему здѣшнему краю, такъ просто досадно становится".

— Здѣсь же недалеко отъ границы расположенъ персидскій городъ Турбетъ-Хайдари. Въ немъ особенно сильно замѣтны симпатіи персовъ къ русскимъ и къ русской промышленноски. Вытѣсненіе предметовъ англійскаго производства съ мѣстнаго рынка и замѣна ихъ русскими товарами начались въ этомъ раіонѣ Персіи уже давно, причемъ главною причиною означеннаго явленія служитъ недобросовѣстность англичанъ, сбывающихъ въ Персію товары крайне сомнительнаго качества. Напримѣръ, катушка гнилыхъ нитокъ, длиною въ 80 ярдовъ ихъ производства продается по одинаковой цѣнѣ съ катушкою, длиною въ 250 ярдовъ русскаго производства. То же самое можно встрѣтить и по отношенію къ другимъ товарамъ. Одно лишь жаль, что наши торговыя фирмы, распространяя въ Персіи глав-

нымъ образомъ манфуактурный товаръ, совершенно игнорируютъ другія отрасли промышленности, какъ напримѣръ галантерейные, кондитерскіе товары, фарфоровыя и другія издѣлія.

Всѣ предметы этихъ отраслей промышленности встрѣчаются почти лишь исключительно англійскаго производства. Неоднакратно мнѣ приходилось отъ персовъ слышать сожалѣніе, что русскіе купцы не привозятъ въ Персію кондитерскихъ издѣлій, которыя по ихъ личному признанію лучше англійскихъ, не говоря уже о конфектахъ персидскаго издѣлія. Русскія лубочныя картины, завезенныя случайно въ Турбетъ, были не только моментально проданы, но и явились лучшимъ украшеніемъ персидскихъ домовъ. Многіе персидскіе художники брали ихъ, какъ образецъ при разрисовкѣ внутреннихъ стѣнъ въ домахъ. Резиновыя издѣлія, какъ напримѣръ галоши, покупаются за страшно дорогую цѣну. Тоже самое нужно сказать объ обуви вообще. Фарфоръ же въ Турбетѣ исключительно англійскій, продаваемый по очень дорогой цѣнѣ, напримѣръ тарелка съ обыкновенными узорами продается на наши деньги отъ одного до полутора рубля. Полное отсутствіе всѣхъ перечисленныхъ товаровъ даетъ возможность англичанамъ не только безъ всякой конкуренціи распространять товары по очень высокой цѣнѣ, но и указывать персамъ, что Россія страна малокультурная, выписывающая сама всѣ эти предметы изъ Англіи.

XVI.

Наша торговля съ Персіей.

Еще сравнительно недавно вся огромная территорія персидскихъ провинцій Хоросана, Сеистана и Белуджистана была наводнена англійскими товарами и лишь 1881 года Россія включила эти области въ сферу своего вліянія, обративъ особенное вниманіе на развитіе нашей торговли съ Персіей, при чемъ благодаря цѣлому ряду мѣръ предпринятыхъ министерствомъ финансовъ въ сравнительно короткое время удалось увеличить товарообмѣнъ почти въ десять разъ. Предпринявъ борьбу противъ наплыва въ сѣверную Персію англійскихъ товаровъ правительство наше, выполнило въ теченіи 10—15 лѣтъ свою программу, чему въ особенности способствовала постройка желѣзной дороги до Асхабада, улучшеніе путей сообщенія изъ Закаспійской области въ предѣлы Хоросана, открытіе учетнаго банка въ Мешедѣ и цѣлый рядъ льготъ, предоставленныхъ вывознымъ въ Персію товарамъ, къ числу которыхъ относятся выдачи премій за вывозимые сахаръ, керосинъ и мануфактуру, а также и возвратъ акциза съ сахара, керосина, табака и спи-

чекъ. Изъ Персіи же къ намъ ввозятся въ значительномъ количествѣ пшеница, рисъ, джунгара, кунжутъ, хлопокъ, шафранъ хлопокъ, касторовое масло и огромное количество фруктовъ: гранатъ, апельсинъ, лимоновъ, померанцевъ, сливъ, фисташекъ, миндаля и др. Изъ предметовъ же обрабатывающей промышленности различные шелковые матеріи, ковры, кошмы и шерстяныя издѣлія.

Благодаря покровительственной системѣ къ нашей вывозной въ Персію торговлѣ, съ помощью нѣкоторыхъ предпріимчихъ представителей торговыхъ фирмъ Московскаго раіона, постепенно удалось завязать торговыя отношенія съ персидскими фирмами и въ настоящее время вывозъ русскихъ мануфактурныхъ товаровъ достигъ уже значительной цифры. Въ то же время для воспрепятствованія англійскимъ товарамъ проникать изъ Персіи въ наши предѣлы по всей персидской границѣ введенъ Европейскій таможенный тарифъ, благодаря которому всѣ ставки на товары сравнительно съ прежними значительно повышены. Помимо мануфактуры вывозится въ Персію въ большомъ количествѣ сахаръ и керосинъ. Причемъ первый благодаря своей дешевизнѣ конкурируетъ успѣшно съ англійскими, а второй стоитъ на рынкѣ внѣ конкуренціи.

Такимъ образомъ уже и теперь можно констатировать значительность достигнутыхъ результатовъ, но все же нельзя ихъ признать за окончательные. И лишь предпріимчивость и энергія русскихъ торговыхъ фирмъ можетъ поставить нашу торговлю

съ Персіей на ту высоту, которая для нея достижима благодаря особымъ условіямъ Хоросанско-Сеистанскихъ рынковъ, дающихъ полную возможность совершенно вытѣснить оттуда товаръ англійскаго производства. Съ прошлаго 1905 года Бельгійское акціонерное общество заключило особый договоръ съ Персидскимъ правительствомъ и взяло на откупъ весь таможенный доходъ Персіи—нововведеніе это по существу врядъ ли можетъ отразиться неблагопріятнымъ образомъ на Росско—Персидской торговлѣ хотя въ то же время неудачи наши въ Маньджуріи, какъ говорятъ уже на таковой отразились въ невыгодную сторону.

На горизонтѣ въ это время показалось облако пыли, быстро подвигающееся въ нашу сторону. Издали казалось, что на насъ несется цѣлый полкъ конницы, стремительно бросившейся въ атаку. Впереди, сквозь облака пыли, виднѣлись выскочившія впередъ одиночныя лошади, а сзади все терялось въ густой пеленѣ.

— Посмотрите-ка господа,—сказалъ есаулъ, давно всматривавшійся въ сторону пыли,—сейчасъ мы увидимъ довольно рѣдкую картину. Это куланы.

— Что такое куланы? спросилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

Я первый разъ слышу такое странное названіе.

— Куланы—ихъ многіе считаютъ дикими лошадьми, но на самомъ дѣлѣ это неправильно. Скорѣе ихъ нужно отнести къ разновидностямъ ослиной породы Водятся они въ пустыняхъ Монголіи и въ русскихъ владѣніяхъ преимущественно около Теджена. Жи-

вотное въ сущности на столько дикое, что прируче-нію не поддается. Сколько мнѣ не приходилось видѣть, тѣ экземпляры, которые были пойманы, жили по году и болѣе въ неволѣ, но оставались такими же дикими, какъ и раньше. При этомъ по характеру животное страшно злое. Туркмены за ними охотятся, благодаря значительной стоимости ихъ шкуры, которая очень красива и цѣнится здѣсь отъ 10 до 20 рублей за штуку. Да, вотъ посмотрите сами, какой видъ она имѣетъ,—добавилъ онъ, указывая на быстро несущееся передъ нами стадо кулановъ.

Дѣйствительно нужно признать, что общій видъ кулана очень красивъ. Ихъ золотистая шкура съ чернымъ ремнемъ вдоль спины представляла собою большую приманку для любителя. Ростомъ до 1 арш. 15 верш. куланъ издали напоминаетъ лошадь. Отличаясь изумительной быстротою и крѣпостью ногъ, куланы могутъ передвигаться безъ отдыха на огромныя разстоянія. Поднимая облака пыли, съ глухимъ топотомъ, пронеслось мимо насъ стадо въ разстояніи 300—500 шаговъ. Нѣсколько переднихъ, какъ будто удивленные нашимъ неожиданнымъ появленіемъ, на мгновеніе пріостановились, но затѣмъ огромнымъ прыжкомъ выдвинулись впередъ. Докторъ, давно уже всматривавшійся въ нихъ жадными глазами страстнаго охотника, быстро соскочилъ съ лошади, взялъ винтовку у ближайшаго изъ конвойныхъ и внимательно прицѣлился въ середину стада. Раздался глухой выстрѣлъ казенной винтовки, стадо разомъ все ша-

рахнулось въ сторону и, увеличивъ быстроту своего бѣга, черезъ мгновеніе скрылось за складкой мѣстности.

— Экая досада какая, промахнулся,—сердито сказалъ докторъ сконфуженно посматривая на нашу группу.

— Ничего, докторъ, я васъ въ этомъ отношеніи утѣшу тѣмъ, что и мои казаки тоже рѣдко когда бьютъ кулановъ,—замѣтилъ есаулъ.

Мы совершенно незамѣтно добрались до Нардыванскаго прохода. Отсюда уже виднѣются Зюльфагарскія горы въ Персіи. Здѣсь недадеко, въ городѣ Пескимаръ, лежащемъ на рѣкѣ Герирудѣ, живетъ Зюльфагаръ-Ханъ, пользующійся почти полною самостоятельностью. Исключительности своего положенія онъ обязанъ тѣмъ, что его ханство врѣзывается клиномъ между Россіей и Афганскими владѣніями. Городокъ его небольшой, но зато съ довольно значительной торговлей. Самъ онъ человѣкъ очень симпатичный и поклонникъ Россіи.

Остановившись на вершинѣ горнаго плато, мы рѣшили здѣсь стать бивакомъ. Вокругъ на необозримое пространство виднѣлась совершенно дикая пустыня, а внизу подъ нами извивался Нардыванскій проходъ, имѣвшій видъ глубокой пропасти, дно которой терялось среди голубоватаго тумана. Наступала ночь; огонекъ костра разложеннаго казаками, освѣщалъ небольшое пространство, бросая въ то же время прихотливыя тѣни на окрестныя возвышенности.

Костеръ уже догоралъ и на горячихъ углях

наши солдаты и джигиты жарили шашлыки. Невдалекѣ отъ насъ расположилась небольшая партія офицера-топографа, подошедшая на нашъ огонекъ. Нѣсколько персовъ рабочихъ, присѣвъ на корточки, что-то дѣлали, совершенно не обращая вниманія на окружающихъ.

— Что это они—заинтересовался кто-то изъ нашихъ. Молятся?

— Какое тамъ. Курятъ опій,—сердито ворчливымъ тономъ отвѣтилъ топографъ.

Просто сладу съ ними нѣтъ. Накурятся, а на другой день ходятъ совершенно больные, ни къ какой работѣ не способные. Отъ персовъ куреніемъ опіума заразились и наши туркмены. Опій, да наша водка губятъ здѣшнее населеніе.

— Неужели же противъ этого зла не принимается никакихъ мѣръ заинтересовался кто-то изъ сидѣвшихъ.

— Какъ не принимается. Напротивъ, ограниченій въ этомъ отношеніи масса. Напримѣръ, по нашимъ законамъ курящіе опіумъ не имѣютъ права быть избранными на должности аульныхъ старшинъ, народныхъ судей, ихъ показаніямъ на судѣ не придаютъ вѣры. Наконецъ, ихъ подвергаютъ наказаніямъ въ видѣ штрафовъ и тюремнаго заключенія, а результатовъ отъ этого нѣтъ никакихъ. Контрабандный промыселъ развитъ очень сильно и тайно ввозятся въ наши предѣлы десятки тысячъ пудовъ опія. Поэтому куреніе его распространяется среди населеній все больше и больше.

Вотъ вы и кончаете скоро свою поѣздку по

персидской границѣ, и завтра уже увидите Афганистанъ,—заговорилъ есаулъ.—Не правда ли въ общемъ, край вами видѣнный на огромномъ пространствѣ въ 2,000 верстахъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ мѣстъ, поражаетъ своимъ однообразіемъ.

Въ сущности нужно признать, что хуже этой мертвой полосы врядъ ли что нибудь можно найти. Та же Сахара во всѣхъ ея деталяхъ.

Не даромъ туркмены разсказываютъ, что во время сотворенія міра, когда Аллахъ творилъ землю и, отдѣляя ее отъ воды, щедрою рукою разсыпалъ по ней животныхъ и растенія, нечистый духъ (шайтанъ) все время старался мѣшать его творенію, сидя предъ лицомъ Аллаха и тѣмъ самымъ наводя его на печальныя мысли. Но Аллахъ всемогущъ и волю его не могла поколебать черная зависть нечистаго духа. Онъ творилъ, создавая все большія и большія красоты міра.

Печально сидѣлъ передъ нимъ шайтанъ, удивляясь, завидуя могуществу его и въ тоже время обдумывая способы, чтобы хоть чѣмъ нибудь нарушить распространявшуюся по всей вселенной великую гармонію. Но кончилъ Аллахъ творенія свои и, паря въ волнахъ небеснаго эфира, унесся на высоты своего лучезарнаго престола, вдохнувъ въ землю жизнь.

И зажила земля. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ шайтанъ, созерцая могущество Аллаха и тамъ, гдѣ землю покрывалъ длинный хвостъ его, тамъ не появилось жизни. Аллахъ рѣшилъ, что это мѣсто осквернено шайтаномъ—пусть будетъ оно на вѣки

такимъ же какъ онъ, мрачнымъ мертвымъ уголкомъ прекраснаго имъ созданнаго міра.

И эта мертвая земля просуществовавшая тысячелѣтія Закаспійской области...“

— Край во всякомъ случаѣ особенный заговорилъ онп снова послѣ долгаго молчанія.

Разсказываютъ, что послѣ суровой зимы бывшей лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, во время которой погибло много туземнаго населенія, покойный Императоръ Александръ III выслушавъ весною и лѣтомъ цѣлый рядъ докладовъ о бывшихъ въ это время размывахъ линіи желѣзной дороги и огромныхъ наводненіяхъ, невольно удивлялся то суровой зимѣ, то огромному количеству воды.

А въ это время вѣроятно помните поручикъ Тарновскій съ полусотней самовольно забрался въ Афганистанъ и донесъ Его Величеству телеграммою.„ „Городъ такой то у ногъ Вашего Величества“.

Говорятъ Государь на этой телеграммѣ сдѣлалъ слѣдующую характерную надпись:

„Зимы нѣтъ—люди мерзнутъ... Воды нѣтъ—люди тонутъ... Войны нѣтъ—поручики города берутъ... Какая странная сторонушка..„

Закусивъ, мы легли тутъ же на кошмахъ, чтобы рано утромъ двинуться далѣе.

Съ вершины небеснаго купола сіяли звѣзды, казавшіяся огромными. Мягкій свѣтъ луны серебрилъ окрестности, освѣщая всѣ вершины горъ.

Еще чернѣе и глубже казалось, ущелье темною змѣей извивавшейся среди горъ...

Поднявшися съ зарею, мы снова сѣли на коней

и, пройдя верстъ десять по ущелью, поднялись на вершину хребта, съ котораго открылся передъ нами видъ на далекія горы.

— Это Афганистанъ,—сказалъ есаулъ, указывая рукою вдаль.

А вотъ здѣсь,—внизу какъ видите, въ 3—4 верстахъ отъ насъ, отъ этой долины идетъ Зальфагарскій проходъ, ведущій на Афганскую территорію.

Входъ въ него охраняется афганскими войсками.

Государственная граница съ Персіей оканчивалась и начинался Афганистанъ.

Д. Н. Логофетъ.

ПОСТУПИЛО В ВХОДЯЩИЙ ОТДЕЛ
6918 (1) 1909
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА